

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2025 Том 25 № 1

В номере: Традиционные и нетрадиционные угрозы безопасности
в условиях формирования многополярного мира

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-1
<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Научный журнал
Издается с 2001 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

К.П. Курьлев,
доктор исторических наук,
профессор, РУДН, г. Москва, РФ
kurylev-kr@rudn.ru

Заместитель главного редактора

О.С. Чикризова,
кандидат исторических наук,
доцент, РУДН, г. Москва, РФ
chikrizova-os@rudn.ru

Ответственный секретарь

М.М. Агазаде,
кандидат исторических наук,
доцент, РУДН, г. Москва, РФ
agazade-mm@rudn.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ ОФИС

Никулин Максим Андреевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра теории и истории международных отношений, РУДН, г. Москва, Российская Федерация

Рамич Мирзет Сафетович, ассистент, кафедра теории и истории международных отношений, РУДН, г. Москва, Российская Федерация

Ранджбар Даниал Мешикин, кандидат исторических наук, ассистент, кафедра теории и истории международных отношений, РУДН, г. Москва, Российская Федерация

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Ачарья Амита, профессор международных отношений, Школа международной службы, Американский университет, г. Вашингтон, США

Беллами Алекс Джс., директор, Азиатско-Тихоокеанский центр ответственности по защите, профессор по изучению проблем мира и конфликтов, Университет Квинсленда, Австралия; старший советник-нерезидент, Международный институт мира, г. Нью-Йорк, США

Бехера Навиита Чадха, профессор, кафедра политических наук, Университет Дели, г. Нью-Дели, Индия

Бонд Патрик, профессор, Университет Западной Капской провинции, Кейптаун, ЮАР

Воскресенский Алексей Дмитриевич, доктор политических наук, директор, Центр комплексного китаеведения и региональных проектов, г. Москва, Российская Федерация

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий, кафедра политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Иррера Даниела, доцент, кафедра политических и социальных наук, Университет Катании; генеральный секретарь, Итальянская Ассоциация политических наук, г. Катания, Италия

Ларионова Марина Владимировна, доктор политических наук, директор, Центр исследований международных институтов, РАНХиГС; профессор, департамент мировой экономики, факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ, г. Москва, Российская Федерация

Маркетти Раффаэле, проректор по интернационализации, доцент международных отношений, кафедра политических наук, Университет ЛУИСС Гвидо Карли, г. Рим, Италия

Миттельман Джеймс, профессор, Школа международной службы, Американский университет, г. Вашингтон, США

Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, руководитель, Центр изучения стран Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Мотоки Такахаси, профессор, Высшая школа исследований в области международного сотрудничества, Университет Кобе; президент, Японское общество по международному развитию, г. Кобе, Япония

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Саква Ричард, доктор политических наук, профессор, Университет Кента, г. Кентербери, Великобритания

Сапронова Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор, кафедра востоковедения, МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Тикнер Арлин Б., профессор, факультет политических наук, Университет Росарио, г. Богота, Колумбия

Хейфец Виктор Лазаревич, доктор исторических наук, профессор, кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет; представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Цыганков Андрей Павлович, кандидат философских наук, доктор философии, профессор, Государственный университет Сан-Франциско, США

Чугров Сергей Владиславович, доктор социологических наук, профессор, кафедра международной журналистики, МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Шабазга Андрей Владимирович, доктор философских наук, профессор, кафедра теории и истории международных отношений, РУДН, г. Москва, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ISSN 2313-0679 (Online); 2313-0660 (Print)

4 выпуска в год, ежеквартально.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям 5.6.7 – История международных отношений и внешней политики (исторические науки), 5.2.5 – Мировая экономика (экономические науки), 5.5.4 – Международные отношения (политические науки).

Включен в Scopus, RSCI, Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>), базу данных Erih Plus (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, DOAJ, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu и Mendeley.

Языки: русский, английский.

Официальный сайт журнала: <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Цель и тематика

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения» — ведущий российский научный журнал, созданный в 2001 г. По своему содержанию это классический журнал по международным отношениям с особым акцентом на сотрудничество со странами СНГ, странами Глобального Юга (Азии, Африки, Латинской Америки), а также на международное образовательное сотрудничество и историю международных отношений. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный дайджест рассылается в ведущие зарубежные исследовательские центры.

Каждый из номеров имеет определенную тематическую направленность, которая задается заранее (не менее чем за 1 год). Статьи по тематике номера составляют его ядро. При этом публикуются статьи и по другим темам, в частности в постоянных рубриках журнала, к которым относятся «Мир и безопасность», «Международное экономическое сотрудничество», «Двусторонние отношения», «Международное образовательное сотрудничество». Журнал приветствует публикацию рецензий. В каждом номере в рубрике «Научные школы» размещаются академические интервью с ведущими исследователями-международниками, работающими в одной сфере, но в разных странах. Приветствуются также статьи на английском языке и статьи с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений.

Тематический портфель на 2025–2026 гг. следующий:

Выпуск	Тема	Срок подачи рукописей статей
№ 2 2025	Трудный путь от биполярности к многополярному мироустройству: к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне	Прием статей закрыт
№ 3 2025	Отмечая 70-летие Бандунгской конференции: эволюция роли стран Азии и Африки в мировой политике	Прием статей закрыт
№ 4 2025	Гуманитарные аспекты современных международных отношений	Прием статей закрыт
№ 1 2026	Стратегическая стабильность, глобальная и региональная безопасность	15 июля 2025 г.
№ 2 2026	Международные отношения в цифровую эпоху: новые возможности и традиционные вызовы	15 ноября 2025 г.
№ 3 2026	Региональные аспекты современных международных отношений	15 февраля 2026 г.
№ 4 2026	Интеграционные процессы на постсоветском пространстве: к 35-летию создания Содружества Независимых Государств	15 апреля 2026 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Редактор *И.Л. Панкратова*
Редакторы англоязычных текстов *А.Ю. Борзова, О.С. Чикризова, Л.Н. Замарайкина*
Компьютерная верстка *Н.А. Ясько*

Адрес редакции:

Россия, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Подписано в печать 19.03.2025. Выход в свет 27.03.2025. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 17,9. Тираж 500 экз. Заказ № 70. Цена свободная
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Россия, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2025

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS

2025 VOLUME 25 No. 1

In this issue: **Traditional and Non-Traditional Security Threats in the Context of the Formation of a Multipolar World**

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-1

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Founded in 2001

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Professor, Dr. Konstantin P. Kurylev
RUDN University, Moscow, Russia
kurylev-kp@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

PhD Olga S. Chikrizova
RUDN University, Moscow, Russia
chikrizova-os@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Mirmehdi M. Aghazada
RUDN University, Moscow, Russia
agazade-mm@rudn.ru

EDITORIAL OFFICE

Daniyal Ranjbar Meshkin, PhD (History), Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Maksim A. Nikulin, PhD (History), Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Mirzet S. Ramich, Assistant, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Alex J. Bellamy, Director, Asia-Pacific Responsibility Center, Professor of Peace and Conflict Studies, University of Queensland, Australia; Senior Non-Resident Advisor, International Peace Institute, New York, USA

Alexei D. Voskressenski, Doctor of Political Sciences, Director, Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Amitav Acharya, Professor of International Relations, School of International Service, American University, Washington, USA

Andrei P. Tsygankov, PhD, Doctor of Philosophy, Professor, University of California San Francisco, San Francisco, USA

Andrei V. Shabaga, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Arlene B. Tickner, Professor, Department of Political Science, University of Rosario, Bogota, Colombia

Daniela Irrera, Associate Professor, Department of Political and Social Sciences, University of Catania, Secretary General of the Italian Association of Political Sciences, Catania, Italy

Dmitry V. Mosyakov, Doctor of Historical Sciences, Head, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

James H. Mittelman, Professor, School of International Service, American University, Washington, USA

Marina A. Sapronova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Marina V. Larionova, Doctor of Political Sciences, Director, Centre for International Institutions Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor, Department of World Economy of the Faculty of World Economy and World Politics, the HSE, Moscow, Russian Federation

Navnita Chadha Behera, Professor, Department of Political Sciences, University of Delhi, New Delhi, India

Patrick Bond, Professor, University of the Western Cape, Cape Town, South African Republic

Raffaella Marchetti, Deputy Rector for Internationalization, Assistant Professor of International Relations, Department of Political Sciences, LUISS Guido Carli, Rome, Italy

Richard Sakwa, Doctor of Political Sciences, Professor, University of Kent, Canterbury, Great Britain

Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Sciences, Head, Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Sergey V. Chugrov, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Journalism, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Takahashi Motoki, Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development, Kobe, Japan

Victor L. Jeifets, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, Representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

Vladimir Ya. Portyakov, Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS
Published by RUDN University, Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-0679 (Online); 2313-0660 (Print)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed in Scopus, RSCI, Ulrich's Periodicals Directory (<http://www.ulrichsweb.com>), Erih Plus database (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>).

Accessible at Russian Index of Science Citation, DOAJ, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu, and Mendeley.

Aims and Scope

Vestnik RUDN. International Relations is a leading Russian scientific journal, established in 2001 by Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), which holds a top position in terms of student's body internationalization across the CIS and the BRICS (students represent more than 150 countries of the world).

This is a classic journal on international studies with a special emphasis on cooperation with the CIS countries as well as with the Global South (Asia, Africa, and Latin America), international educational cooperation and history of international relations. The journal is distributed by subscription and also on demand to leading Russian IR experts. Electronic digest is sent to the world's leading IR research centers.

The journal is international in topic coverage, editorial board and pull of authors. Being included in the international academic discourse, the journal regularly publishes articles of world recognized experts in international and regional studies from Russia, Europe, Asia and the USA. On the other hand, the edition introduces papers by promising researchers from Asia, Africa and Latin America to present their local (national, regional) vision of world that allow elaborating a balanced approach to facing global challenges.

Each of the issues has, but is not limited to a particular thematic focus, which is set in advance (at least 1 year). Articles on the thematic focus make up the "core" of issue. At the same time other topics are also covered. Constant rubrics include "Peace and Security", "International Economic Cooperation", "Bilateral Relations", and "International Academic Cooperation". The journal welcomes the publication of reviews. Academic interviews with leading researchers on international affairs, working in one area, but in different countries are allocated in every issue in the rubric "Scientific Schools".

Upcoming issues of the Vestnik RUDN. International Relations for 2025–2026 will deal with the following issues:

Issue	Thematic dossier	Deadline for the articles' submission
No. 2 2025	The Difficult Path from Bipolarity to a Multipolar World Order: To the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War	Submission of articles is closed
No. 3 2025	Celebrating the 70th Anniversary of the Bandung Conference: The Evolving Role of Asian and African Countries in World Politics	Submission of articles is closed
No. 4 2025	Humanitarian Aspects of Modern International Relations	Submission of articles is closed
No. 1 2026	Strategic Stability, Global and Regional Security	By July 15, 2025
No. 2 2026	International Relations in the Digital Era: New Opportunities and Traditional Challenges	By November 15, 2025
No. 3 2026	Regional Aspects of Contemporary International Relations	By February 15, 2026
No. 4 2026	Integration Processes in the post-Soviet Space: On the 35th Anniversary of the Commonwealth of Independent States	By April 15, 2026

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Both languages are welcome for articles — English and Russian. For more information on the thematic focus of the upcoming issues of the Journal and on the rules of submitting manuscripts, visit <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Editor *I.L. Pankratova*

English text editors *A.Yu. Borzova, O.S. Chikrizova L.N. Zamaraykina*
Computer design *N.A. Yasko*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia
Ph. +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

© RUDN University, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Традиционные и нетрадиционные угрозы безопасности в условиях формирования многополярного мира

Гайдаев О.С. Культ безопасности в современных международных отношениях	7
Харитоновна Н.И. Природа современных конфликтов и перспективы адаптации систем коллективной безопасности: триадический подход	18
Чикризова О.С. Методика балльной оценки террористической активности исламистских группировок в 2000–2020 гг.	30
Боровский Ю.В. Политизация мировой энергетики: исторический и современный контекст	45
Кузнецов А.В. Фрагментация мировой валютно-финансовой системы в условиях роста геополитической напряженности	56
Аду Я.Н., Рамич М.С. Разграничение гражданских и военных объектов в условиях развития информационно-коммуникационных технологий в ходе вооруженных конфликтов	67
Выходец Р.С. Политика обеспечения информационно-психологической безопасности ОДКБ в условиях глобальной стратегической конкуренции	78
Медушевский Н.А. Критика принципа деколонизации: в диалоге с книгой Олуфеме Тайво «Против деколонизации: серьезный подход к африканской акторности»	87

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Тимакова О.А. «Зеленая» безопасность: стратегия адаптации НАТО к изменению климата	98
Дмитриева М.О., Дхака А. Афганская стратегия Узбекистана как фактор развития трансграничного взаимодействия Центральной и Южной Азии	109
Моргунова О.А., Морару Н.-Ф. Управление миграцией в Западной Африке: роль ЕС и внутренние риски для стран региона на примере Нигера	121

МЕЖДУНАРОДНОЕ АКАДЕМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Фокин А.А., Яновская Н.А. Добро пожаловать, или Посторонним вход разрешен: эмоциональные и бытовые аспекты жизни американских стажеров в СССР 1960-х гг.	133
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

Рахимов К.Х. Рецензия на книгу: Парамонов В.В. Китай и Центральная Азия: курсом на стратегическое партнерство и экономическую кооперацию (история, современность и будущее отношений Центральной Азии с Китаем в сферах политики, безопасности и экономики). Ташкент : Shafoat nur fayuz, 2024. 152 с.	147
Никулин М.А. Рецензия на книгу: Зверев Ю.М., Межевич Н.М. Милитаризация Польши и возможные ответы Союзного государства в рамках теории региональных комплексов безопасности. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024. 126 с.	151

CONTENTS

THEMATIC DOSSIER: Traditional and Non-Traditional Security Threats in the Context of the Formation of a Multipolar World

Gaidaev O.S. The Cult of Security in Contemporary International Relations	7
Kharitonova N.I. The Nature of Contemporary Conflicts and Prospects for Adapting Collective Security Systems: A Triadic Approach	18
Chikrizova O.S. Islamist Terrorist Activity in 2000–2020: A Scoring Methodology	30
Borovsky Yu.V. Politicization of Global Energy Supply: Historical and Contemporary Context	45
Kuznetsov A.V. Fragmentation of the Global Monetary and Financial System in the Context of Rising Geopolitical Tensions	56
Adu Y.N., Ramich M.S. The Principle of Distinction Between Civilian Objects and Military Objectives in the Context of the Development of Information and Communication Technologies in Armed Conflicts	67
Vykhodets R.S. The Policy of Ensuring the Information and Psychological Security of the CSTO in the Context of Global Strategic Competition	78
Medushevsky N.A. Critique of the Decolonization Principle: In Dialogue with Olúfẹ̀mi Táíwò Book “Against Decolonisation: Taking African Agency Seriously”	87

INTERNATIONAL SECURITY

Timakova O.A. “Green” Security: NATO’s Climate Change Adaptation Strategy	98
Dmitrieva M.O., Dhaka A. Uzbekistan’s Afghan Strategy as a Factor in the Development of Cross-Border Interaction Between Central and South Asia	109
Morgunova O.A., Moraru N.-F. Migration Management in West Africa: The Role of the EU and Internal Risks for Countries in the Region — the Case of Niger	121

INTERNATIONAL ACADEMIC COOPERATION

Fokin A.A., Yanovskaya N.A. Welcome, or Entry Permitted to Outsiders: Emotional and Everyday Aspects of the Lives of American Trainees in the USSR in the 1960s	133
--	-----

BOOK REVIEWS

Rakhimov K.Kh. Book review: Paramonov, V. V. (2024). China and Central Asia: Towards Strategic Partnership and Economic Cooperation (History, Present and Future of Central Asian Relations with China in the Spheres of Politics, Security and Economics). Tashkent: Shafolat nur fayz, 152 p. (In Russian)	147
Nikulin M.A. Book review: Zverev, Yu. M., & Mezhevich, N. M. (2024). Militarisation of Poland and Possible Responses of the Union State Within the Theory of Regional Security Complexes. Moscow: Izd-vo BFU im. I. Kanta publ., 126 p. (In Russian)	151

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:
Традиционные и нетрадиционные угрозы безопасности
в условиях формирования многополярного мира

THEMATIC DOSSIER:
Traditional and Non-Traditional Security Threats in the Context
of the Formation of a Multipolar World

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-1-7-17

EDN: ISUNLH

Научная статья / Research article

Культ безопасности в современных международных отношениях

О.С. Гайдаев

Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Российская Федерация

 gaydaev-os@ranepa.ru

Аннотация. В центре внимания исследования — феномен «культы безопасности», пока не получивший должного рассмотрения в науке о международных отношениях. Цель и новизна работы заключается в восполнении этого пробела и теоретическом осмыслении данного явления с точки зрения международной политики. Ключевое внимание уделяется вопросу происхождения культуры безопасности, которое связывается с процессом расширения трактовки безопасности в политической практике и исследовательской литературе. В ходе работы автор обращался к конструктивистскому, герменевтическому подходам, а также историографическому анализу. Материалами для исследования послужили два направления научных изысканий, отразивших тенденцию к расширительной трактовке безопасности: стратегические исследования и исследования проблем мира. Автор приходит к выводу, что расширение трактовки безопасности, наблюдаемое с 1960-х гг., внесло невольный вклад в становление культуры безопасности в международной политике. Его главной особенностью является постепенное распространение практик безопасности, связанных с воспроизводством и конструированием общественных страхов на все сферы жизни человека и общества. В перспективе принимаемые меры безопасности еще больше подстегивают беспокойство и конфликтность в международных отношениях, приводя к дальнейшему усилению этих мер, отмене базовых принципов либерализма и превращению избыточного контроля в часть обыденной политической жизни. В современных условиях культ безопасности складывается из ряда взаимосвязанных тенденций: расширения трактовки безопасности, обострения глобальных геополитических противоречий, медиатизации публичной политики и деятельности «профессионалов безопасности». Указанные тенденции в совокупности могут оказывать долгосрочный эффект на политическую жизнь современных обществ, выходя за рамки текущих геополитических противоборств. В заключении приводится ряд примеров проявления культуры безопасности в современной

© Гайдаев О.С., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

политической практике. Констатируется многообразие проявлений данного феномена в международной жизни, а также необходимость дальнейших изысканий по данной теме.

Ключевые слова: международная безопасность, национальная безопасность, стратегические исследования, исследования мира, секьюритизация

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Гайдаев О. С. Культ безопасности в современных международных отношениях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 1. С. 7–17. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-7-17>

The Cult of Security in Contemporary International Relations

Oleg S. Gaidav

North-West Institute of Management of RANEPA, Saint-Petersburg, Russian Federation

 gaydaev-os@ranepa.ru

Abstract. The article focuses on the phenomenon of the ‘cult of security,’ which has not yet been adequately studied in international studies. The aim and novelty of the paper is to try to fill this gap and to theorize this phenomenon from the perspective of international politics. The key attention is paid to the issue of the origins of the security cult, which is associated with the process of widening of security in political practice and research literature. In the course of the study, the author applied constructivist and hermeneutic approaches, as well as historiographical analysis. The materials used include two areas of research that reflect the tendency towards widening of security: strategic studies and peace studies. The study concludes that the widening of security since the 1960s has unwittingly contributed to the emergence of a security cult in international politics. Its main feature is the gradual extension of security practices related to the reproduction and construction of social fears to all domains of human and social life. In the long run, the security measures taken further can exacerbate anxiety and conflict in international relations, leading to a further strengthening of these measures, the abolition of the basic principles of liberalism, and the transformation of excessive control into a part of everyday political life. In modern conditions, the cult of security consists of a number of interrelated trends: the widening of the security discourse, the intensification of global geopolitical contradictions, the mediatization of public policy and the activities of ‘security professionals.’ Taken together, these trends can have a long-term effect on the political life of modern societies, going beyond the current geopolitical confrontations. The article concludes with a number of examples of the manifestation of the cult of security in contemporary political practice. The author states the diversity of manifestations of this phenomenon in international life, as well as the need for further research on this subject.

Key words: international security, national security, strategic studies, peace studies, securitization

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Gaidav, O. S. (2025). The cult of security in contemporary international relations. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(1), 7–17. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-7-17>

Введение

Термин «культ безопасности» является сравнительно новым в отечественных исследованиях и восходит к работам ряда российских философов (Фатенков, 2021) и историков (Коцюбинский, 2022). В международных исследованиях данному явлению прежде не уделялось внимания, хотя безопасность по праву считается одним из краеугольных концептов политической науки.

Этот термин, как представляется, может служить метафорой, призванной продемонстрировать ряд взаимосвязанных тенденций в международных отношениях: расширение трактовки безопасности, обострение глобальных политических противоречий, медиатизация публичной политики (Согомонян, 2022) и связанный с этим рост явления «нового популизма» (Водак, 2018), а также деятельность так называемых «профессионалов безопасности»

(термин Парижской школы исследований о международной безопасности), поощряющая систематическое воспроизводство дискурсов о небезопасности (Vigo, 2002). В совокупности эти тенденции оказывают долгосрочный негативный эффект на политическую жизнь современных обществ, приводя к повышению конфликтности и целому ряду разнообразных ограничений.

В рамках статьи осуществляется первый шаг на пути к теоретическому осмыслению сложившегося культа безопасности и объяснению истоков его происхождения, связанных с расширением трактовки безопасности в исследовательской литературе. Для этого автором привлекаются элементы конструктивистского, герменевтического подходов, а также историографического анализа. Первая часть работы посвящена рассмотрению академических дебатов о международной безопасности времен холодной войны (Как происходило расширение трактовки безопасности? Какими мотивами и аргументами руководствовались эксперты прошлых лет?). Вторая часть посвящена обсуждению эффектов культа безопасности в международной политике и некоторым примерам его проявления в реальной политической практике.

Расширительная трактовка безопасности: история вопроса

Необходимо отметить, что сам по себе термин «безопасность» относится к ряду понятий, обозначаемых в научной литературе как «концепции, оспариваемые по существу» (*essentially contested concepts*) (Gallie, 1969). Любая современная трактовка безопасности не обходится без упоминания многогранности этого понятия (Сергунин, 2005, с. 128), учитывающего как «жесткие» (военные), так и «мягкие» формы безопасности (экономические, социальные, экологические, информационные, продовольственные и пр.). Неясная трактовка безопасности и его конкретного наполнения является важным элементом любой государственной политики, открывая влиятельные рычаги во внутренней и внешней политике (Buzan, 1983, p. 9). Отчасти именно поэтому, а также ввиду трудности в

использовании и интерпретации понятия «безопасность» для нее не существует универсального определения.

В этой связи в рамках данной статьи безопасность рассматривается в конструктивистском ключе как форма социальной или дискурсивной практики, «направленной на изменение расстановки политических приоритетов» (Морозов, 2011, с. 25). Таким образом, изучая безопасность как практику, возможно проследить изменения в использовании и понимании данного термина. Под расширительной трактовкой безопасности понимается интерпретация безопасности, допускающая расстановку политических приоритетов в пользу невоенных угроз и вызовов.

На вопрос о том, когда именно в международных исследованиях утвердилась расширительная трактовка безопасности, исследователи часто говорят о конце (Игнатьева, 2017, с. 87) или о двух последних десятилетиях XX в. (Ланцов, Усмонов, 2008, с. 159). Именно в этот период появляются такие важные для современной теории международных отношений концепты, как «референтный объект безопасности», «секьюритизация», «сектора безопасности», «личностная безопасность», «всеобъемлющая безопасность». Отечественный исследователь В.Н. Коньшев (Коньшев, 2004, с. 141) также полагает, что первые четкие призывы к необходимости расширительной трактовки безопасности можно обнаружить в трудах Ричарда Ульмана (Ulmann, 1983, p. 129).

Однако, как представляется, существуют основания утверждать, что расширительная трактовка безопасности начала складываться в международных исследованиях значительно раньше указанного периода.

Здесь могут быть возражения, ведь вплоть до окончания холодной войны международная безопасность трактовалась с точки зрения традиционных подходов, ставивших во главу угла военно-силовые аспекты безопасности государств (Кочетков, 2010, с. 30). В разгар холодной войны между СССР и США угроза полномасштабного военного столкновения и взаимного ядерного уничтожения перекрывала собой все остальные аспекты международной безопасности. Соглашаясь с вышесказанным,

следует все же отметить, что доминирование (в большей степени в США, в меньшей степени — в Европе) традиционных и относительно узких трактовок международной безопасности времен холодной войны никогда не исключало существование других исследовательских взглядов, традиций и подходов, в которых начиная с 1960-х гг. также можно было проследить тенденцию к расширенному толкованию безопасности.

В данной работе уместно остановиться на двух направлениях исследований, зародившихся во времена холодной войны и по-разному, в собственной индивидуальной манере, отражавших тенденцию к расширению трактовки безопасности и создавших предпосылки к возникновению современного культа безопасности: стратегические исследования (*strategic studies*) и исследования проблем мира (*peace research*).

Стратегические исследования: от узких трактовок к «большим стратегиям»

Стратегические исследования — это междисциплинарная область исследований о международной безопасности, зародившаяся в 1950-е гг. в США и Великобритании и главным образом посвященная изучению изменений в характере силовой политики после появления ядерного оружия для оптимизации использования военной мощи и рационализации методов принуждения в ходе достижения политических целей (Kamal, 1978, p. 15).

Примечательно, что сама идея стратегических исследований, на первый взгляд полностью сфокусированная на военно-силовых аспектах политики государств, была порождена стремлением выйти за рамки узкой интерпретации стратегии, понимавшейся в сугубо военном ключе. В своем основополагающем эссе «Стратегия как наука» американский военный историк и стратег Бернард Броди связывал зарождение нового поля исследований с необходимостью преодолеть засилие военных профессионалов в обсуждении вопросов стратегии: «...Не столько потому, что военные появятся там, где им не место, сколько потому, что в процессе их появления там, где им, по крайней мере,

частично, есть место, их советы будут нести в себе недостатки, присущие им не как дипломатам, а как солдатам» (Brodie, 1949, p. 467). Соответственно, главной целью стратегических исследований должно быть содействие грамотной «политике безопасности», заключающейся «во всесторонней подготовке к войне», ведении войны, а также имеющей дело «с политическими, социальными, экономическими и военными вопросами как внутри страны, так и за ее пределами» (Brodie, 1949, p. 477).

По существу, в данной Б. Броди формулировке уже можно усмотреть признаки того, что позже будет названо «расширительной трактовкой безопасности». С высоты сегодняшнего дня высказанная американским стратегом мысль кажется очевидной — любая политика безопасности состоит как из военных, так и невоенных аспектов. Вместе с тем очевидно, что сколь бы сильно ни расширялся перечень невоенных аспектов, это расширение всегда будет носить ограниченный характер, ведь политика безопасности по Б. Броди — это привилегия исключительно государства, и ее конечное предназначение — подготовка к войне.

Разразившийся в 1973 г. мировой энергетический кризис также способствовал развитию стратегических исследований и принятию более широкой трактовки безопасности. Именно в этот период активно формируется секторное мышление в отношении безопасности — представление о том, что национальная безопасность может быть разделена на своего рода проблемные области или сектора: экономическую (Nye, 1974), энергетическую (Deese, 1979), продовольственную (Hopkins & Puchala, 1978) и ресурсную (Connely & Perlman, 1975) безопасность.

Таким образом, в рамках стратегических исследований уже к 1980-м гг. сложилось достаточно широкое представление о безопасности, учитывающее как военные, так и невоенные аспекты стратегии и источники угрозы. Эта точка зрения подкреплялась в том числе соображением, что определение национальной безопасности исключительно в военном смысле давало искаженное представление

о реальности и уменьшало совокупную безопасность государства (Ulmann, 1983, p. 129).

Здесь в то же время сохранялась некоторая двойственность: западные исследователи, с одной стороны, признавали важность невоенных аспектов безопасности, весьма логично утверждая, что «военная мощь не гарантирует благополучия» (Walt, 1991, p. 213). С другой стороны, вся логика подобных исследований диктовалась соображениями исключительно государственной безопасности и национальных интересов, руководствовалась мотивом предотвращения крупномасштабных военных конфликтов посредством поддержания баланса сил. Иными словами, с точки зрения стратегических исследований вышеназванные сектора безопасности (сколь много бы их ни было) — не более чем составляющие национальной безопасности и переменные в общей государственной стратегии, направленной на реализацию национальных интересов (главным образом США).

Если стратегические исследования — это в большей мере интеллектуальный продукт эпохи холодной войны с характерными для того времени исследовательскими вопросами и проблемами, то их текущим «преемником» можно назвать теорию «большой стратегии» (*grand strategy*). Как отмечают современные западные исследователи, сегодня было бы необычно, если бы в учебной программе по изучению безопасности не было бы хотя бы одного курса с названием «Большая стратегия» (Silove, 2018, p. 27). Это направление исследований, получившее широкую известность на Западе, унаследовало тот же образ мысли и логику действий, присущую стратегическим исследованиям: обеспечение ключевых государственных интересов военными и невоенными средствами, где экономическая мощь, военная сила, политические, социальные и дипломатические меры являются «строительными блоками» стратегии¹. Нетрудно догадаться, что при таком подходе безопасность может трактоваться очень

широко, охватывая все сферы жизни человека и общества, коль скоро они связываются с ключевыми государственными приоритетами.

Исследования проблем мира: на пути к «вечной» безопасности

Принципиально иную линию рассуждений в вопросе расширения трактовки безопасности можно проследить на примере исследований проблем мира — междисциплинарном поле исследований о вопросах войны и мира.

Эта интеллектуальная традиция имеет богатую историю, уходя корнями в немецкую классическую философию. Здесь уместно вспомнить трактат немецкого философа И. Канта «К вечному миру» (1795 г.), в котором уже довольно отчетливо прослеживается одна идея, крайне важная для понимания рассматриваемой проблемы. Суть этой идеи состоит в следующем: мир между государствами и народами в теории достигается двумя способами. Первый способ предполагает заключение перемирия — это временное отсутствие войны, а потому нестабильный, лишь «относительно устойчивый мир» (Иншаков, 2021, с. 237). Второй способ — это создание необходимых предпосылок для преодоления логики конфронтации и необходимости войны в принципе, обеспечивающих наступление прочного, «вечного мира».

Буквально в самом начале своего трактата философ ясно проводит это концептуальное различие: «Ни один мирный договор не должен считаться таковым, если при его заключении тайно сохраняется основа новой войны. Ибо иначе это было бы только перемирие, временное прекращение военных действий, а не *мир*, который означает окончание всякой вражды и присоединять к которому прилагательное „вечный“ есть уже подозрительный плеоназм» (Кант, 1994, с. 6–7).

Позже в исследованиях о международных отношениях эта идея впервые была переосмыслена и заново сформулирована в классической работе американского профессора Куинси Райта «Изучение войны», где первый способ, то есть отсутствие войны, получил название «негативного мира», а второй —

¹ Grand Strategy: Theory, History & Debates // Columbia University. 2022. URL: <https://polisci.columbia.edu/content/grand-strategytheory-history-debates> (accessed: 09.08.2023).

создание предпосылок и условий для отсутствия войны — стал называться «позитивным миром». Вполне логично, что сам автор работы отдавал предпочтение именно второму варианту, отождествляя позитивный мир с «международной справедливостью» и «духом кооперации» между государствами (Wright, 1942, p. 1091).

Именно появление концепта «позитивного мира» дало импульс развитию и расширительной трактовки безопасности, ведь создание подобных предпосылок и условий для предотвращения конфликтов в принципе требует выхода за рамки узкой интерпретации безопасности, «одержимой» вопросами военного противостояния великих держав.

Как отмечают западные исследователи, уже в 1950–1960-е гг. сложились различные трактовки позитивного мира (Buzan & Hansen, 2009, p. 102), а наибольшую популярность приобрел подход норвежского социолога Йохана Галтунга, включившего в повестку исследований о мире феномен так называемого «структурного насилия». Согласно теории структурного насилия, сформированной на базе ряда марксистских идей, отношения между великими державами не являются единственным фактором, формирующим повестку вопросов международной безопасности. На ситуацию с безопасностью влияет множество факторов невоенного характера, осложняющих жизнь людей по всей планете в системной манере так, что это приобретает черты настоящего насилия: империализм и экономическая эксплуатация богатыми бедных, углубляющееся экономическое неравенство, систематическое нарушение базовых прав человека, продолжающиеся конфликты как внутри западных стран, так и на просторах стран третьего мира (Galtung, 1969, pp. 168, 171, 175).

Идеи Й. Галтунга, несомненно, оказали огромное влияние на то, как стали изучаться и рассматриваться проблемы международной безопасности. В отличие от стратегических исследований безопасность в концепциях позитивного мира стала рассматриваться не столько с точки зрения государств, сколько с точки зрения человеческих сообществ в принципе. Это вполне можно назвать

поворотным моментом в процессе расширения трактовки безопасности: референтным объектом безопасности становится не только государство, но и человек со свойственными для него проблемами, тревогами и страхами. Таким образом, именно под эгидой исследований проблем мира получили системное рассмотрение многочисленные вопросы невоенной безопасности, не связанные напрямую с вопросом выживания государств или политической великих держав (Diehl, 2016, p. 3). Расширение трактовки безопасности происходило не только по горизонтали (в пользу новых секторов безопасности — экономического, продовольственного, экологического и т. п.), но и по вертикали (в пользу новых уровней безопасности — общечеловеческой и личностной).

В дальнейшем именно в русле этой интеллектуальной традиции были сформулированы концепции общей безопасности (*common security*)², всеобъемлющей безопасности (*comprehensive security*) (Chapman, Reinhard & Gow, 1983) и личностной безопасности (*human security*)³. Для всех названных подходов было характерно дальнейшее расширение трактовки безопасности: рассмотрение человека в качестве референтного объекта безопасности, смещение внимания от военных угроз в пользу вопросов экономики и защиты окружающей среды, признание угроз невоенного характера в качестве причин возникновения конфликтов.

В современных исследованиях о международной безопасности эта традиция находит свое отражение в работах некоторых скандинавских ученых. Так, в частности, норвежская исследовательница Г. Хугенсен Гйорв по полной аналогии с исследованиями о мире выделяет негативную и позитивную безопасность. Негативная безопасность ассоциируется исследователем с традиционным, узким, государственноцентричным восприятием проблем

² Common Security: A Programme for Disarmament. London, Sydney : Pan Books, 1982.

³ Human Development Report 1994: New Dimensions of Human Security // United Nations Development Programme. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr1994encompletenostats.pdf> (accessed: 09.08.2023).

безопасности. Позитивная безопасность, напротив, подразумевает максимально широкий набор разносторонних политических интересов и акторов, вовлеченных в обсуждение проблем безопасности. Трактовка безопасности здесь и вовсе не имеет границ, поскольку, по мнению Г. Хугенсен Гйорв, сама природа безопасности изменчива и зависит от контекста исторического времени и международной ситуации (Hoogensen Gjørv, 2012, p. 844).

Другие современные исследователи, по сути, и вовсе отождествляют классическую идею о мире с понятием безопасности, называя негативную безопасность отсутствием угрозы, а позитивную безопасность — своего рода «безопасностью-плюс» (*security plus*), то есть наличием условий для человеческого развития и процветания (Nyman, 2016, p. 823).

Таким образом, идея И. Канта о «вечном мире» получила свое оригинальное продолжение в исследованиях о международной безопасности. Переживая постепенный упадок с конца XX в., исследования проблем мира успели заложить основы расширенного толкования безопасности, которое впоследствии было подхвачено рядом современных концепций: личностной безопасности, всеобъемлющей безопасности и критическими исследованиями о безопасности. Заимствованы они были и политическими деятелями: на сегодняшний день в практике международных отношений трудно представить себе обсуждение современных проблем безопасности без упоминания прав человека, личных свобод, гуманитарных интервенций, дискриминации и неравенства, деградации окружающей среды. Расширение трактовки безопасности в рамках исследований о мире носило беспрецедентный характер, что сыграло заметную роль в развитии культа безопасности, речь о котором пойдет далее.

Последствия расширительной трактовки безопасности и формирование «культа безопасности» в международной политике

Парадоксально, но, судя по всему, невольный вклад в формирование современного культа безопасности внесли приверженцы не

только стратегических исследований, распространившие приоритеты государственной политики на все сферы жизни общества, но и ученые в области проблем мира. Так, к примеру, острой, но справедливой представляется критика тех, кто указывал на главный недостаток уже упоминавшейся теории структурного насилия Й. Галтунга: разработанный концепт не позволяет эмпирически четко отделить состояние мира от состояния насилия (Sylvester, 1980, p. 307) и, по сути, причисляет к структурному насилию все то, что «не нравится» самому автору теории (Boulding, 1978, p. 346). Таким образом, в случае теории структурного насилия «все становится миром» (Vuzan & Hansen, 2009, p. 130).

«Все становится безопасностью» — именно так можно назвать неизбежный побочный эффект многих теорий, предлагающих расширенное толкование проблем безопасности. В результате возникает нормативная дилемма безопасности: как писать или говорить о проблемах безопасности, когда эти знания потенциально продуцируют секьюритизацию? (Eriksson, 1999). И следует ли тогда вообще рассматривать нечто с точки зрения безопасности, если это рискует обернуться еще бóльшим расширением трактовки безопасности на практике?

Другая часть проблемы состоит в самом характере интеллектуального наследия, на которое опираются некоторые более современные теоретики и политики. Известно, к примеру, что, рассуждая о вопросах «вечного мира», И. Кант в духе своей эпохи проводит границу между «просвещенными народами» или «цивилизованными государствами» (Кант, 1994, с. 21, 24) и непросвещенными народами или «дикарями» с их «не основанной на законе свободе» (Кант, 1994, с. 19). Разумеется, задача достижения «вечного мира» и построения описываемой И. Кантом «мирной федерации» ложится на плечи цивилизованных государств с республиканской формой правления. Американский исследователь Майкл Дойл, один из авторов теории демократического мира, связывает зарождение такой «мирной федерации» с «либеральной

зоной мира», образованной невоюющими друг с другом либеральными демократиями (Doyle, 1983a, p. 213). Закономерным итогом такого развития событий становится цивилизаторское отношение к народам и государствам, признанным нелиберальными, агрессивность либеральных демократий по отношению к прочим режимам, где условия достижения так называемой «позитивной безопасности» связываются с задачей ликвидации нелиберальных режимов. Силовые инструменты принуждения в отношении таких режимов становятся оправданными, приводя, как признает сам М. Дойл, к интервенционизму во внешней политике, «идеологическим крестовым походам или внутренним „охотам на ведьм“» (Doyle, 1983b, p. 329). Потенциально любые действия, совершаемые «нелиберальными» государствами, ассоциируются с проявлением враждебности и рассматриваются через призму безопасности, а академические теории оказываются встроенными в подобные геополитические нарративы.

Таким образом, секьюритизация как инструмент связывания определенных событий и явлений с нуждами безопасности для оправдания определенного рода политики или действий повсеместно присутствует в современной международной жизни. Некоторые критически настроенные исследователи зачастую характеризуют секьюритизацию как политический инструмент управления и, если это необходимо, — конструирования общественных страхов, используемый для утверждения собственной роли гаранта безопасности и в то же время — маскирования своих политических неудач (Vigo, 2002, p. 65).

Именно в постоянном воспроизводстве и конструировании общественных страхов состоит ключевая особенность безопасности как формы практики, которая благодаря расширительной трактовке понятия «безопасность» распространяется на самые разные виды общественных отношений. Трудно не согласиться с мнением отечественного философа А.Н. Фатенкова, что в современном мире имеет место настоящий «культ безопасности», зачастую подменяющий реальную

защищенность тотальным контролем и засоряющий сознание обывателей фиктивными представлениями об окружающем мире (Фатенков, 2021, с. 106).

По замечанию политолога В.Э. Согомоняна, в условиях развития современных медиатехнологий оказываемый эффект столь силен, что человек, судя по всему, «научился объективировать социальную реальность... посредством инструментов художественного восприятия и конструирования картины мира» (Согомонян, 2022, с. 55). Иными словами, транслируемые с экранов и из уст политиков образы угрозы все легче воспринимаются как реальные и объективно существующие. Все это, в свою очередь, создает хорошие предпосылки для процветания культа безопасности в масштабах, невиданных ранее.

Опасность так называемого «культа безопасности» заключается в том, что он образует порочный круг, в котором принимаемые меры безопасности лишь подстегивают беспокойство и тревогу, побуждая к дальнейшему усилению этих мер. Суть описываемого явления весьма емко изложил известный социолог Зигмунт Бауман в своих рассуждениях о свободе и безопасности: «Как только мы вступаем в игру поиска защиты от опасности, ни один из приобретенных защитных механизмов не представляется нам достаточным... Чем глубже увлеченность постоянным совершенствованием защитных средств, тем глубже и острее становится страх нападения: образ угрозы пугающе растет пропорционально усилению беспокойства о безопасности и надежности защитных мер» (Бауман, Донскис, 2019, с. 171). Указанный культ отчетливо проявляет себя и в странах Запада, ведя к последовательной отмене базовых принципов классического либерализма. Впоследствии, по мнению итальянского философа Джорджо Агамбена, происходит также усиление контроля над повседневной жизнью человека и превращение чрезвычайных и исключительных мер в обыденность политической жизни (Agamben, 2005, p. 104).

Маловероятно, что именно такой исход предвидели эксперты, последовательно, еще с 1980-х гг., призывавшие расширить

толкование безопасности. Так, сами создатели теории секьюритизации предостерегали читателей: при избыточном характере секьюритизация чревата наступлением «международного эквивалента аутизма и паранойи» (Buzan, Wæver & Wilde, 1998, p. 208).

Таким образом, расширение трактовки безопасности в современных условиях обернулось секьюритизацией огромного числа проблем, став одной из причин современного культа безопасности. Некоторые примеры такого рода политики хорошо известны и будут кратко рассмотрены далее.

Вместо заключения: культ безопасности в условиях становления многополярного мира

В пользу довода о формировании культа безопасности в международных отношениях говорит простая статистика. В период с 2000 по 2013 г. количество результатов по поисковым запросам в сети Интернет на тему международной и национальной безопасности увеличилось в 50 и 60 раз соответственно. Разница же между 2000 и 2024 гг. достигает 1000 раз⁴. Количество международных конфликтов в последние годы при этом достигает рекордных значений за всю историю наблюдений⁵.

Есть основания утверждать, что растущая конфликтность в мире — это не причина, а скорее следствие ползучей экспансии логики безопасности на все сферы жизни человека и общества. Любые действия государств на международной арене сегодня могут быть расценены как потенциальная угроза.

Показательный пример — медийное освещение западными странами выхода России из Черноморской зерновой инициативы 18 июля 2023 г. Действия России были охарактеризованы Западом и Генеральным

⁴ При расчетах учитывалась степень охвата мирового населения сетью Интернет. Рассчитано автором по данным поискового сервиса *Google* и Международного союза электросвязи.

⁵ Palik J., Obermeier A. M., Rustad S. A. *Conflict Trends: A Global Overview, 1946–2022* // PRIO Paper. 2022. URL: <https://www.prio.org/publications/13178> (accessed: 20.01.2025).

секретарем ООН в крайне негативном ключе ввиду предполагаемого ущерба, наносимого Россией мировой продовольственной безопасности⁶. В то же время решение России о восполнении дефицита продовольствия и безвозмездной передаче зерна африканским странам⁷ было расценено чиновниками Европейского союза как «циничная политика сознательного использования продовольствия в качестве оружия»⁸.

Другой пример — набирающий в ряде западных стран феномен «френдшоринга»⁹, обязывающий государства отказываться от экономического сотрудничества со странами с иными политическими ценностями из соображений национальной безопасности. С точки зрения мировой экономики данное явление представляет собой неприкрытый протекционизм, ведущий к фрагментации глобальных мирохозяйственных связей.

Также из соображений национальной безопасности США и ряд других стран оказывают давление на социальную сеть *TikTok*¹⁰ и популярный мессенджер *Telegram*¹¹. Из соображений безопасности

⁶ Anderson S. Millions Face Hunger as Russia Withdraws from Black Sea Grain Deal Again // Health Policy Watch. July 17, 2023. URL: <https://healthpolicy-watch.news/millions-face-hunger-as-russia-withdraws-from-black-sea-grain-deal-again/> (accessed: 09.08.2023).

⁷ Рогозянский А. Путин пообещал безвозмездные поставки зерна в Африку // Газета.ру. 28.07.2023. URL: www.gazeta.ru/politics/news/2023/07/28/20964776.shtml (дата обращения: 09.08.2023)

⁸ Russia Must Stop Using Food as a Weapon // EEAS. August 2, 2023. URL: www.eeas.europa.eu/delegations/bosnia-and-herzegovina/russia-must-stop-using-food-weapon_en?s=219 (accessed: 09.08.2023).

⁹ Yellen Calls Out China's Trade Practices During South Korea Visit // Business Standard. June 18, 2022. URL: https://www.business-standard.com/article/international/yellen-calls-out-china-s-trade-practices-during-south-korea-visit-122071801525_1.html (accessed: 20.01.2025).

¹⁰ Feiner L. Trump Says He'll Delay TikTok Ban, but the Platform Must Be Sold // The Verge. January 19, 2025. URL: <https://www.theverge.com/2025/1/19/24347202/trump-tiktok-ban-delay-us-acquisition> (accessed: 20.01.2025).

¹¹ Davies P. Telegram Responds to Legal Pressure by Providing Some User Data to Authorities // Euronews. September 25, 2024. URL: <https://www.euronews.com/next/2024/09/24/telegram-ceo-durov-responds-to-legal->

был произведен снос советских памятников в Латвии¹², а в Финляндии запрещена продажа недвижимости российским гражданам¹³.

pressure-by-providing-some-user-data-to-authorities (accessed: 20.01.2025).

¹² Воронцова Т. Рижская дума одобрила снос памятника советским солдатам // RTVI. 13.05.2022. URL: <https://rtvi.com/news/rizhskaya-duma-odobrila-snos-pamyatnika-sovetskim-soldatam/> (дата обращения: 09.08.2023).

¹³ Stur B. Finland Blocks Russian Real Estate Transactions on National Security Grounds // European Interest. December 14, 2024. URL: [https://www.europeaninterest.eu/finland-blocks-russian-](https://www.europeaninterest.eu/finland-blocks-russian-real-estate-transactions-on-national-security-grounds/)

Проявления культа безопасности многообразны и заслуживают отдельного исследования, выходящего за рамки статьи. Несомненно, обострение геополитических противоречий в эпоху разрушения текущего миропорядка усиливает накладываемый эффект. Однако представляется, что последствия широкой экспансии логики безопасности на международные отношения все еще мало изучены и могут быть более глубинными, чем кажется на первый взгляд.

[real-estate-transactions-on-national-security-grounds/](https://www.europeaninterest.eu/finland-blocks-russian-real-estate-transactions-on-national-security-grounds/) (accessed: 20.01.2025).

Поступила в редакцию / Received: 30.11.2023
Доработана после рецензирования / Revised: 11.09.2024
Принята к публикации / Accepted: 24.12.2024

Библиографический список

- Бауман З., Донскис Л. Моральная слепота: утрата чувствительности в эпоху текучей современности. Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха, 2019.
- Водак Р. Политика страха. Что значит дискурс правых популистов? Харьков : Гуманитарный центр, 2018.
- Игнатъева И. В. Международная безопасность и актуальные проблемы ее обеспечения // Глаголь правосудия. 2017. № 2. С. 86–92. EDN: YNHSQG
- Иншаков С. М. Идеи И. Канта о вечном мире и право международной безопасности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2021. № 4. С. 231–242. https://doi.org/10.52070/2500-3488_2021_4_841_231; EDN: VZSMOF
- Кант И. Собрание сочинений : в 8 томах. Т. 7. Москва : Чоро, 1994.
- Коньшев В. Н. Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории. Санкт-Петербург : Наука, 2004. EDN: QODBOV
- Коцюбинский Д. А. «Новый тоталитаризм» XXI века: уйдет ли мода на безопасность и запреты, вернется ли мода на свободу и право? Санкт-Петербург : Страта, 2022. EDN: TJUQEY
- Кочетков В. В. Изменения в подходах к международной безопасности в начале XXI века // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2010. № 4. С. 30–35. EDN: MXSLHX
- Ланцов С. А., Усмонов Ф. И. Проблемы безопасности в теории международных отношений: сравнительный анализ основных направлений // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2008. Т. 4, № 2. С. 151–163. EDN: КОНСQF
- Морозов В. Е. Безопасность как форма политического: о секьюритизации и политизации // Полис. Политические исследования. 2011. № 3. С. 24–35. EDN: NRBXFF
- Сергунин А. А. Международная безопасность: новые подходы и концепты // Полис. Политические исследования. 2005. № 6. С. 126–137. <https://doi.org/10.17976/jpps/2005.06.08>; EDN: HSOFSR
- Согомонян В. Э. Политика как сюжет: драматургия современных предвыборных кампаний. Москва : Альпина-ПРО, 2022.
- Фатенков А. Н. Культ безопасности как тоталитарная угроза // Философская антропология. 2021. Т. 7, № 2. С. 104–109. <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2021-7-2-104-109>; EDN: DVIETK
- Agamben G. State of Exception. Chicago : University of Chicago Press, 2005.
- Bigo D. Security and Immigration: Toward a Critique of the Governmentality of Unease // Alternatives. 2002. Vol. 27, no. 1 suppl. P. 63–92. <https://doi.org/10.1177/03043754020270S105>
- Boulding K. E. Future Directions in Conflict and Peace Studies // The Journal of Conflict Resolution. 1978. Vol. 22, no. 2. P. 342–354. <https://doi.org/10.1177/002200277802200208>
- Brodie B. Strategy as a Science // World Politics. 1949. Vol. 1, iss. 4. P. 467–488. <https://doi.org/10.2307/2008833>
- Buzan B. People, States and Fear: The National Security Problem in International Relations. Brighton : Wheatsheaf Books, 1983.

- Buzan B., Hansen L.* The Evolution of International Security Studies. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511817762>
- Buzan B., Wæver O., de Wilde J.* Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO : Lynne Rienner Publishers, 1998.
- Chapman J. W. M., Reinhard D., Gow I. T. M.* Japan's Quest for Comprehensive Security: Defence, Diplomacy, Dependence. London : Frances Pinter, 1983.
- Connely P., Perlman R.* The Politics of Scarcity: Resource Conflicts in International Relations. London : Oxford University Press, 1975.
- Deese D. A.* Energy: Economics, Politics and Security // *International Security*. 1979. Vol. 4, no. 3. P. 140–153. <https://doi.org/10.2307/2626698>
- Diehl P. F.* Exploring Peace: Looking Beyond War and Negative Peace // *International Studies Quarterly*. 2016. Vol. 60, no. 1. P. 1–10. <https://doi.org/10.1093/isq/sqw005>
- Doyle M. W.* Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs // *Philosophy & Public Affairs*. 1983a. Vol. 12, no. 3. P. 205–235.
- Doyle M. W.* Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs, Part 2 // *Philosophy & Public Affairs*. 1983b. Vol. 12, no. 4. P. 323–353.
- Eriksson J.* Observers or Advocates? On the Political Role of Security Analysts // *Cooperation and Conflict*. 1999. Vol. 34, no. 3. P. 311–330. <https://doi.org/10.1177/00108369921961889>
- Gallie W. B.* Essentially Contested Concepts // *The Importance of Language* / ed. by M. Black. Ithaca, New York : Cornell University Press, 1969. P. 121–146. <https://doi.org/10.7591/9781501741319-010>
- Galtung J.* Violence, Peace, and Peace Research // *Journal of Peace Research*. 1969. Vol. 6, no. 3. P. 167–191. <https://doi.org/10.1177/002234336900600301>
- Hoogensen Gjørv G.* Security by Any Other Name: Negative Security, Positive Security, and a Multi-Actor Security Approach // *Review of International Studies*. 2012. Vol. 38, no. 4. P. 835–859. <https://doi.org/10.1017/S0260210511000751>
- Hopkins R. F., Puchala D. J.* Perspectives on the International Relations of Food // *International Organization*. 1978. Vol. 32, no. 3. P. 581–616. <https://doi.org/10.1017/S0020818300031878>
- Kamal N. A.* Change and Development in Strategic Studies // *Strategic Studies*. 1978. Vol. 1, no. 4. P. 13–25.
- Nye J. S.* Collective Economic Security // *International Affairs*. 1974. Vol. 50, no. 4. P. 584–598. <https://doi.org/10.2307/2615925>
- Nyman J.* What is the Value of Security? Contextualising the Negative/Positive Debate // *Review of International Studies*. 2016. Vol. 42, no. 5. P. 821–839. <https://doi.org/10.1017/S0260210516000140>
- Silove N.* Beyond the Buzzword: The Three Meanings of “Grand Strategy” // *Security Studies*. 2018. Vol. 27, iss. 1. P. 27–57. <https://doi.org/10.1080/09636412.2017.1360073>
- Sylvester C.* UN Elites: Perspectives on Peace // *Journal of Peace Research*. 1980. Vol. 17, no. 4. P. 305–323. <https://doi.org/10.1177/002234338001700403>
- Ulmann R. H.* Redefining Security // *International Security*. 1983. Vol. 8, no. 1. P. 129–153. <https://doi.org/10.2307/2538489>
- Walt S. M.* The Renaissance of Security Studies // *International Studies Quarterly*. 1991. Vol. 35, no. 2. P. 211–239. <https://doi.org/10.2307/2600471>
- Wright Q.* A Study of War. Vol. 2. Chicago : University of Chicago Press, 1942.

Сведения об авторе:

Гайдаев Олег Сергеевич — кандидат политических наук, старший преподаватель факультета международных отношений и политических исследований, Северо-Западный институт управления РАНХиГС; eLibrary SPIN-код: 7839-0802; ORCID: 0000-0002-5970-3726; e-mail: gaydaev-os@ranepa.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-1-18-29

EDN: JCLEMN

Научная статья / Research article

Природа современных конфликтов и перспективы адаптации систем коллективной безопасности: триадический подход

Н.И. Харитонова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация

 natahari@yandex.ru

Аннотация. Проанализированы природа современных конфликтов и перспективы адаптации систем коллективной безопасности в условиях становления полицентричного мирового порядка. В качестве ключевых выступили такие факторы, как гибридизация конфликтных взаимодействий в современном мире, актуализация цивилизационного подхода в практической международной политике, а также легитимность, в той или иной мере присущая коллективным действиям. Цель исследования — дать ответ на вопрос, сохранится ли в будущем за международными организациями роль регуляторов и страховочных механизмов от новых глобальных конфликтов. В числе задач — охарактеризовать международный контекст, формирующий и одновременно отражающий изменения в природе конфликтности, выявить ключевые изменения в природе современных конфликтных взаимодействий, а также определить новые требования к системам коллективной безопасности в условиях полицентричного мира. Параметры рассматриваемой проблемы определяются тем, что природа конфликтов существенно трансформировалась за последние полвека и продолжает меняться, в то время как изменения в базовых принципах существования международных организаций либо не происходят вовсе, либо представляют собой достаточно скромные попытки определить приемлемые для мирового сообщества форматы. Именно этот разрыв выступает в качестве одной из ключевых проблем современной мировой политики, отражающих структурные изменения в системе международных отношений. В качестве методологической базы исследования наряду с системным анализом был привлечен триадический подход, позволяющий определять комплексные характеристики тех или иных явлений. Применение триадического подхода с целью определения характеристик современных конфликтов (путем «сопряжения» феноменов стратегии, суверенитета и гибридности) и систем коллективной безопасности в условиях полицентризма (используя триаду «цивилизация — коллективные действия — безопасность») позволило определить основные параметры изменений природы современных конфликтов в переходный период и требования к системам коллективной безопасности в новых международно-политических реалиях, а также наметить контуры новых подходов к анализу международной обстановки с учетом современных глобальных потрясений.

Ключевые слова: гибридная война, коллективная безопасность, цивилизация, полицентричность, международная система, новый миропорядок, суверенитет

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Харитонова Н. И. Природа современных конфликтов и перспективы адаптации систем коллективной безопасности: триадический подход // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 1. С. 18–29. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-18-29>

© Харитонова Н.И., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Nature of Contemporary Conflicts and Prospects for Adapting Collective Security Systems: A Triadic Approach

Natalia I. Kharitonova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

 natahari@yandex.ru

Abstract. The study focuses on the analysis of the nature of modern conflicts, and the prospects for the adaptation of collective security systems in the context of the emergence of a polycentric world order. The analysis draws upon three key factors: the hybridization of conflict interactions in the modern world, the actualization of the civilizational approach in practical international politics, and the legitimacy more or less inherent in collective actions. The purpose of the study is providing an answer to the question of whether international organizations will continue to play the role of regulators and insurance mechanisms against new global conflicts in the future. The study's tasks are threefold: first, to characterize the international context that both shapes and reflects changes in the nature of conflict; second, to identify key changes in the nature of modern conflict interactions; third, to determine new requirements for collective security systems in a polycentric world. The parameters of the problem being analyzed are determined by the fact that the nature of conflicts has changed significantly over the past half-century and continues to change, while changes in the basic principles of the existence of international organizations have either not occurred at all or represent rather modest attempts to define acceptable formats for the world community. This discrepancy signifies a pivotal challenge in contemporary world politics, exemplifying systemic transformations within the international relations framework. The methodological framework of the study incorporates a triadic approach, facilitating the identification of intricate characteristics that define specific phenomena. The use of the triadic method in order to determine the characteristics of modern conflicts (by “coupling” the phenomena of strategy, sovereignty and hybridity) and systems of collective security in the context of polycentrism (by “coupling” the phenomena of civilization, collective action and security) made it possible not only to determine the main parameters of changes of the modern conflicts nature in the transition period and the requirements for collective security systems in the new international political conditions. Furthermore, it has facilitated an exploration of future trends in order to outline the contours of new approaches to analyzing the international situation, taking into account the experience of the current global upheavals.

Key words: hybrid war, collective security, civilization, polycentricity, international system, new world order, sovereignty

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Kharitonova, N. I. (2025). The nature of contemporary conflicts and prospects for adapting collective security systems: A triadic approach. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(1), 18–29. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-18-29>

Введение

Нынешнее поколение становится свидетелем наступления новой эпохи в истории международных отношений. Как и любой другой переломный момент в мировой истории, особенно если речь идет о смене эпох, он сопровождается турбулентностью, эрозией или полным сломом несущих конструкций старой системы, глубокой структурной перестройкой. Субъекты мировой политики по-разному реагируют на наступившие изменения и с тревогой ожидают дальнейших трансформаций, которые неизбежно и неотвратимо наступят.

Ключевыми на этом этапе являются следующие вопросы:

— К какому результату приведут эти изменения?

— Чего ждать от новой международной системы?

— Что будет лежать в ее основе?

— Насколько эффективными будут правила, на которых эта система будет зиждиться?

— Кто и каким образом будет обеспечивать безопасность международных отношений, их субъектов и определять статус последних в этой системе?

Это далеко не полный перечень вопросов, каждый из которых требует отдельного рассмотрения.

Ялтинско-Потсдамская система, продемонстрировавшая завидную устойчивость в условиях противостояния двух сверхдержав, складывалась в годы Второй мировой войны. Документы, регламентирующие порядок ее функционирования, типа Устава Организации Объединенных Наций (ООН), легшего в основу современного международного права, пронизаны мирной риторикой и превозносят мир как высшую ценность. Однако поколения, которые познали все ужасы войны и получили «прививку от нацизма», уже отошли от руководства странами и международными структурами. И страх перед войной отступает не только у правящих элит, но и у современного общества. Так называемая «культура отмены» и «война с памятниками», развернутые кампании по переписыванию истории, то есть ее фальсификации (Лещев, Харитонова, 2016), призваны стереть из коллективной памяти целых народов остатки и страха, и уважения к павшим, и патриотизма. Поэтому нынешний переходный период несет в себе риски развязывания новой глобальной войны. Очевидно, что фактор ядерного оружия и относительно универсальный механизм военной эскалации автоматически придают возможной Третьей мировой войне тотальный характер и делают анализ конфликтного потенциала современного мира актуальным и востребованным не только наукой, но и международно-политической практикой.

Однако какие бы параметры и специфические черты ни обрела потенциальная глобальная война, фактом остается глубокая перестройка системы международных отношений, сопровождаемая конфликтами разной степени интенсивности. При этом яркий атрибут Ялтинско-Потсдамской эпохи в виде систем коллективной безопасности, оформленных как межправительственные организации, чаще всего оказывается неспособным эти конфликты предотвратить или воздействовать на них таким образом, чтобы сократить масштабы кровопролития (достаточно

вспомнить Лигу арабских государств в период «арабской весны»). Это автоматически ставит вопрос не столько об эффективности таких систем, но и о причинах слабой адаптации их функционала к реалиям переходного периода, а также перспективах этих систем в условиях нового мирового порядка.

Статья является приглашением к дискуссии о природе современных конфликтов и будущей судьбе систем коллективной безопасности в условиях актуализации цивилизационного подхода в практической геополитике. В качестве методологической базы исследования наряду с системным анализом был привлечен триадический подход, позволяющий определять комплексные характеристики тех или иных явлений. Необходимо отметить, что в этом исследовании не проводилась граница между понятиями «конфликт» и «война» ввиду объемности этого дискурса в политологии, конфликтологии, военной науке и т. д., акцент делался на конфликтности в целом, изменении ее природы, гибридизации конфликтных взаимодействий.

Международный контекст

При анализе природы конфликтности и перспектив систем коллективной безопасности (в связке «вызов — ответ») важен учет международного контекста, который и формирует, и отражает изменения в предмете анализа. Одна из ключевых характеристик переходного периода — это турбулентность в системе международных отношений. Явление, в целом знакомое международникам, в текущих условиях, тем не менее, имеет ряд отличительных особенностей. Мы наблюдаем одновременно тенденции конкуренции, соперничества и сотрудничества при беспрецедентной гонке вооружений, а также повышенную конфликтность, которая порождается как столкновением сил крупных игроков, так и «вакуумом силы», возникшим вследствие неисполнения обязательств той страной, которая последние 30 лет позиционировала себя в качестве мирового гегемона. В результате мы видим беспрецедентное обострение военно-политической обстановки в Евразии, дальнейшую поляризацию подходов к проблеме

определения параметров нового мирового порядка, углубление конфронтации и рост конфликтного потенциала в отношениях между старыми и нарождающимися мировыми центрами силы.

Современная российско-американская конфронтация представляет собой борьбу двух мировоззрений и двух разных подходов к будущему мироустройству. Однако это противостояние является не единственным сюжетом в стремительно меняющейся мировой обстановке. Специалисты отмечают важность того, что оно протекает в условиях, которые складываются один раз в несколько столетий, — наблюдается процесс структурного перераспределения силовых и ресурсных потенциалов в мире, который затрагивает Россию и Соединенные Штаты только отчасти¹. В долгосрочной перспективе центр мирового производства и потребления окончательно переместится в Азию. В этом контексте очередной этап противостояния Москвы и Вашингтона хотя и останется одним из ключевых вопросов международной повестки, но далеко не единственным. Все больший вес будут обретать проблемы взаимоотношений в треугольнике «США — Китай — Индия».

Не менее актуально понять, каким может в итоге стать полицентричное мироустройство с точки зрения безопасности? Гипотетически в идеальных условиях полицентричная система позволит более эффективно разрешать уже существующие конфликты и не допускать появления новых. Однако нет твердой уверенности, что по мере становления многополярного мироустройства амбиции зарождающихся центров силы не приведут к разжиганию новых конфликтов на фоне неурегулированных старых (Huntington, 1996). Разумеется, наблюдая кровопролитные конфликты, разыгравшиеся в Восточном полушарии в последние десятилетия, мы желаем видеть новое мироустройство более безопасным и справедливым.

¹ Сушенцов А. Некуда торопиться: долгая конфронтация России и США // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 11.01.2024. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/nekuda-toropitsya-dolgaya-konfrontatsiya/> (дата обращения: 20.01.2024).

Безусловно, нынешняя турбулентность в системе международных отношений несет в себе массу угроз и вызовов глобальной и региональной безопасности. Однако одновременно она представляет собой возможность, шанс для мирового сообщества переосмыслить и отбросить те устаревшие конструкции, которые более не способны обеспечивать мир в новых условиях. Речь идет и о структурных изменениях в системе международных отношений.

Мир движется к полицентричности, это объективный исторический процесс, и есть все основания полагать, что новая многополярность будет не просто системой отношений равных, но эти отношения будут носить подлинно демократический характер на основе уважения интересов друг друга и ориентации на поиск компромиссов при выборе путей мирового развития. Во многом прототипом такой модели сейчас выступает БРИКС. Более того, мы ожидаем, что новый баланс сил будет выстраиваться на новой экономической базе, которая больше не будет основываться на монополии отдельных стран в отдельных секторах мировой экономики и финансов, то есть подразумевается формирование более справедливого мирового порядка.

Размышления об итогах нынешнего геополитического противостояния, которое в своей основе имеет противоречия, связанные с конкуренцией двух мировых порядков и двух видений будущей системы международных отношений, как правило, выводят на один из ключевых вопросов — сохранится ли за международными организациями роль регуляторов и страховочных механизмов от новых глобальных конфликтов? Проблема усугубляется тем, что природа конфликтов существенно изменилась за последние полвека и продолжает меняться, в то время как трансформация базовых принципов существования международных организаций либо не происходит вовсе, либо представляет собой достаточно скромные попытки определить приемлемые для мирового сообщества форматы. Именно этот разрыв выступает в качестве одной из ключевых проблем современной мировой политики, отражающих структурные изменения в системе международных отношений.

Природа современных конфликтов

Многие современные и зарубежные исследователи сходятся во мнении, что современные конфликты независимо от их масштаба и конфигурации позиций сторон большей частью носят гибридный характер (Акулинин, Епифанова, 2015; Чижевский, 2016; Бартош, 2017; Соколова, 2017; Кучинская, 2018; Попов, 2019; Тиханычев, 2020; Van Creveld, 1991; Hoffman, 2007; Kilcullen, 2009; Kaldor, 2012; Hybrid Warfare..., 2012). При этом неизменной характеристикой гибридных конфликтов или гибридных войн выступают посягательство на суверенитет. Другими словами, отличительным признаком «гибридной войны» (в отличие от общепринятых определений понятия «война») является то, что это, по сути, наступательная стратегия, которая нацелена на лишение страны-жертвы политического суверенитета (Максимов, 2021).

В свою очередь, суверенитет в известной степени обладает самоценностью, выступая в традиции политического реализма в качестве неперемennого атрибута состоявшегося государства. При этом, как известно, каждое государство, вступая во взаимодействие с другими государствами, например в рамках международных (прежде всего межправительственных) организаций, добровольно поступает частью суверенитета, приобретая взамен определенные блага — экономические преференции, гарантии безопасности, более широкие возможности гуманитарного сотрудничества и проч. При этом государство зачастую реализует определенную стратегию повышения своей значимости на международной арене или в конкретном регионе, формирования пояса дружественных государств, продвижения своих ценностей и т. д. В этой части нелишним будет указать, что традиционные три столпа внешней политики государства — интересы, безопасность и престиж — как некое универсальное правило пока сохраняют актуальность, хотя сам такой подход подвергается проверке в условиях перестройки мирового порядка.

В этой связи интерес вызывает взаимодействие феноменов стратегии, суверенитета

и гибридности в контексте размышлений о природе современных конфликтов. Попытка определить это взаимодействие производилась с опорой на концепцию тройственности качественной определенности (идея триадичности качества), идеи И.Г. Фихте о триадических умозаключениях и Р.Г. Баранцева о семантике триадической структуры (Баранцев, 1998; 2000), так как качественный анализ и качественное моделирование обладают когнитивной ценностью, поскольку позволяют генерировать категориальные комбинации разнообразных форм. Другими словами, триада обеспечивает полноту описания объекта на текущем уровне детализации (дешифровки) при соблюдении требования минимума содержания². Поэтому триадический подход как один из универсальных когнитивных инструментов, представляющий методологию категориальных схем, был использован для определения специфики природы современных конфликтов.

Большинство классиков военной науки рассматривают войну (в порядке максимального обобщения понимаемую прежде всего как масштабный конфликт) как явление политического порядка. Тем не менее значительная часть определений понятия «война», характеризуя цели такого типа взаимодействия между акторами международных отношений, не содержит упоминания о намерении лишить суверенитета страну, в отношении которой развязывается война (Козырев, 2013). В свою очередь гибридная война (или гибридный конфликт) имеет целью именно лишение противника суверенитета и перевод его территорий и сфер влияния под свой геополитический контроль. Последнее реализуется с учетом того факта, что «непосредственный контроль тех или иных пространств сейчас может нести больше издержек, чем выгод, а влияние непрямыми способами намного эффективнее»³. И здесь как раз

² Разумов В. И. Категориально-системная методология в подготовке ученых: учебное пособие. Омск: Омский государственный университет, 2008. С. 81, 125, 261.

³ Лукьянов Ф. Нынешняя «Третья мировая война» будет растянутой во времени и распределенной в про-

ключевую роль играет стратегия (военная стратегия, стратегия в конфликте), базирующаяся на необходимости достичь указанной цели за счет минимального использования ресурсов страны-агрессора. В этом смысле логическая связка между понятиями «стратегия», «суверенитет» и «гибридность» может быть представлена в рамках триадического подхода, то есть в виде триады, а сопряжение указанных понятий позволяет выйти на определение ключевой характеристики современного конфликта (войны).

Исходя из вышеизложенного, современные конфликты (войны) — это такие конфликты (войны), которые носят гибридный характер, при этом гибридность выступает в качестве наступательной стратегии, преследующей цель лишения страны-жертвы суверенитета (что в общем отличает гибридную войну от обычной войны, а гибридный конфликт — от обычного конфликта). Таким образом, триадический подход демонстрирует возможность достижения синергетического эффекта в рамках системной триады (Баранцев, 1989) — появления нового качества современных конфликтов (войн), которые реализуются как гибридные и выступают эффективным инструментом захвата, расширения или удержания политической власти. К слову, обозначенные выше три столпа внешней политики государства — интересы, безопасность и престиж — также могут быть рассмотрены в рамках триадического подхода для качественной характеристики внешнеполитической деятельности суверенного государства. При устранении из триады хотя бы одного из элементов можно констатировать либо несостоятельность внешней политики, либо отсутствие реального суверенитета у государства.

В гибридном взаимодействии, в том числе конфликтного характера, особое значение имеет уровень технологического развития взаимодействующих субъектов. Речь прежде всего идет о том, насколько субъекты используют в своей внешнеполитической стратегии

достижения научно-технической революции (НТР) и особенно гуманитарно-технологической революции (ГТР) (Контурсы цифровой реальности..., 2018; Малинецкий, Посашков, Скурлягин, 2019). Чем выше уровень технологического развития, тем более глубоким в результате оказывается гибридное воздействие одного субъекта на другой.

Анализируя современные конфликтные взаимодействия (Харитоновна, 2024, с. 29–32), наряду с посягательствами на суверенитет в числе веяний времени следует указать и изменения в субъектности при анализе качественных характеристик сторон современных конфликтов. Как показывают исследования Стокгольмского института исследования проблем мира (СИПРИ) за последние 30 лет, все чаще сторонами конфликта выступают не государства, что было характерно для прежних эпох, а негосударственные игроки (которых государства часто используют как «прокси»). Кроме того, качественно изменилась ситуация и с гражданским населением в зонах конфликтов: если ранее гибель гражданских воспринималась как нежелательные, но неизбежные или сопутствующие потери, то сегодня мирное население все чаще рассматривается как цель воздействия сил и средств наступательных действий (примеры — Донбасс, сектор Газа). Более того, ведется активная работа по легитимации таких способов воздействия на противника (фактически вооруженного насилия), при этом аргументы стран, использующих подобные методы, несостоятельны и все в большей степени напоминают риторику, которую традиционно используют террористические организации для оправдания своих действий ради достижения политических и идеологических целей. В целом на фоне растущей идеологизации международных процессов и активизации в отдельных регионах мира радикальных идеологий, идей и концепций процессы принятия решений относительно способов ведения военных действий также идеологизируются в ущерб соблюдению международного гуманитарного права.

Рассуждая о природе современных конфликтов, нельзя обойти стороной роль

странстве // Российская газета. 08.11.2023. URL: <https://rg.ru/2023/11/08/chto-budet-posle-status-kvo.html> (дата обращения: 20.01.2024).

информационно-коммуникационных технологий, которые используются повсеместно в рамках реализации различных стратегий и тактик гибридной борьбы. Однако в контексте данной статьи целесообразно указать, в частности, те информационные и пропагандистские эффекты гибридных действий, которые работают на консолидацию и мобилизацию населения стран, используемых как прокси-силы (например, Украина, страны Прибалтики, Польша в гибридной войне США против России). Кроме того, «побочным» эффектом от реализации таких масштабных пропагандистских кампаний является то, что эти страны сами, буквально наперегонки, начинают передавать свой суверенитет в обмен на эфемерные гарантии безопасности, состоятельность которых невозможно проверить в мирное время (в то время как история демонстрирует их полную несостоятельность: например, англо-польский военный союз 1939 г., предполагавший взаимопомощь в случае агрессии «одной из европейских держав», под которой подразумевалась Германия).

Действительно, плата суверенитетом за безопасность независимо от конечного результата возможна лишь при условии общественного консенсуса или полной оторванности политического руководства от общества, что обычно описывается категориями неокOLONиализма или оккупации. И если еще 10–20 лет назад вопросы, связанные с геополитическими интересами одной сверхдержавы в отсутствие консенсуса на уровне Совета Безопасности ООН, могли решаться с помощью создания «коалиции желающих» (примеры — операции по международному вооруженному вмешательству в Югославии, Ираке, Ливии и др.), действовавших с оглядкой на ООН, то сегодня мы видим стройные ряды стран Запада, выступающих единым фронтом (то есть на базе практически полного консенсуса) против России без оглядки на международное право, в основе которого лежит принцип сохранения мира. Дело в том, что коллективные действия обеспечивают международную легитимность, как это продемонстрировали те самые «коалиции желающих», сформированные США для

реализации собственных внешнеполитических авантюр под лозунгами продвижения демократии и/или борьбы с ОМУ-терроризмом и др. Сегодня лозунгом является борьба «просвещенного демократического Запада» против «тирании» и «бесчеловечного зла» («цветущий сад» против «джунглей» в риторике бывшего Верховного представителя Европейского союза (ЕС) по иностранным делам и политике безопасности Жозепа Борреля⁴ и идеолога американского неоконсерватизма Роберта Кагана (Kagan, 2018)).

Россия в таких условиях вынуждена быстро перестраиваться буквально на всех направлениях, где необходима активность, пусть даже в режиме оборонительных действий. Однако теория ведения гибридных войн у нас традиционно отстает, успехи нашей страны в противоборстве четко определяются на поле боя и в комплексной обороне, включающей ряд мероприятий в экономической, финансовой, гуманитарной сфере, направленных на смягчение последствий от реализации Западом санкционной политики, а также в рамках политико-гражданской мобилизации населения. Как проблему следует рассматривать и отсутствие полноценных союзников России в гибридном конфликте с Западом. Специальная военная операция (СВО) России на Украине показала, что «мягкое союзничество» как подход к обеспечению коллективной безопасности на постсоветском пространстве не принесло ожидаемых результатов. Никаких проявлений коллективного подхода либо коалиционных действий (за исключением ряда шагов Республики Беларусь), которые могли бы в той же степени, что и на Западе, легитимизировать в глазах мирового сообщества действия России по защите своих интересов, мы не увидели. К числу положительных сторон такого подхода с учетом дефакто отсутствия «блоковой дисциплины» оказалось то, что эти объединения продол-

⁴ European Diplomatic Academy: Opening Remarks by High Representative Josep Borrell at the Inauguration of the Pilot Programme // EEAS. October 13, 2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/european-diplomatic-academy-opening-remarks-high-representative-josep-borrell-inauguration-pilot_en (accessed: 20.01.2024).

жают работать в прежнем составе, по крайней мере пока.

Однако при всей сложности ситуации России удалось найти подход к изменению своего позиционирования в иерархии мирополитической системы. Определив себя в разгар СВО в качестве ядра особой цивилизации (Гапизов, Харитонов, 2023), Россия де-факто констатировала наступление эпохи полицентризма и утвердилась в роли международного субъекта, участвующего в формировании глобальной повестки (хотя до этого фактор СВО в российском информационном измерении создал соответствующие условия для восприятия этого заявления во всем мире). Более того, была создана предпосылка к выхолащиванию концепции конфликтного взаимодействия с Россией в ее нынешнем изводе: Запад, будучи цивилизацией («цветущий сад»), борется не с дикарями-людоедами, обладающими второй армией в мире и самым крупным ядерным потенциалом, а с другой цивилизацией. Россия самостоятельно наделила текущий конфликт статусом цивилизационного, а значит, констатировала, что ставка в текущей борьбе максимально высока — это будущее мироустройство и «первый состав» мировых центров силы.

Новые требования к системам коллективной безопасности

Как указывалось выше, атрибутом процесса формирования нового мирового порядка стала череда конфликтов, повлекших территориальные изменения в Европе. Более того, существует точка зрения, что Третья мировая война представляет собой череду региональных конфликтов и войн ниже порога ядерной войны и уже идет полным ходом⁵. Череда вооруженных конфликтов началась в прошлом десятилетии на Ближнем Востоке (Йемен, Сирия), далее продолжилась на Украине (с 2014 г.), на Южном Кавказе (2020 г.) и в Палестине (2023 г.). Очевидно,

⁵ Лукьянов Ф. Нынешняя «Третья мировая война» будет растянутой во времени и распределенной в пространстве // Российская газета. 08.11.2023. URL: <https://rg.ru/2023/11/08/chto-budet-posle-status-kvo.html> (дата обращения: 20.01.2024).

что этот список далеко не исчерпывающий. Это заставляет экспертов больше внимания уделять региональным процессам, учитывая тот факт, что здесь нет схожих ситуаций, а значит, и нет универсальных рецептов нейтрализации кризисов. Однако в условиях глобализации, которая хотя и замедлила темпы, но все еще остается ключевым фактором развития человеческой цивилизации, несмотря на тенденции глокализации, региональные процессы зачастую оказывают определяющее влияние на общемировую обстановку, в том числе на состояние глобальной безопасности. Так, конфликт в секторе Газа разделил мир надвое — на поддерживающих Израиль и на выступающих на стороне палестинцев. Ранее схожую функцию начал выполнять вооруженный конфликт на Украине. Аналогичный потенциал таит в себе обстановка вокруг Тайваня. В такой ситуации нагрузка на региональные системы коллективной безопасности постоянно возрастает при сужении их реальных возможностей выполнять уставные цели. Ситуация усугубляется тем, что структура конфликтов зачастую определяется гибридными действиями, а сами региональные системы коллективной безопасности становятся объектом гибридной агрессии (Харитонов, 2024, с. 32–35).

Между тем все более обширные дебаты ведутся вокруг будущего ООН. Организация постоянно критикуется, в том числе и по поводу того, что дискуссия в ее стенах давно превратилась в озвучивание позиций. Специалисты признают, что в обозримой перспективе площадки вроде «Большой семерки» не смогут заменить ООН и ее механизмы поддержания мира⁶. Однако ООН может сохраниться, при этом утратив эффективность, как это было с Лигой Наций, или

⁶ См.: Глава Генассамблеи: ООН нечем заменить // Новости ООН. 22.11.2023. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/11/1447022> (дата обращения: 20.01.2024); Иванов И. С. Подлинная многосторонность, основанная на строгом соблюдении Устава ООН и общепризнанных норм международного права, не имеет альтернатив // Российский совет по международным делам. 03.07.2023. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/podlinnaya-mnogostoronnost-osnovannaya-na-strogom-soblyudenii-ustava-oon-i-obshchepriznannykh-norm-m/?sphrase_id=173135562 (дата обращения: 20.01.2024).

наоборот, возродиться, например, когда в ключевых странах население, устав от диктата Запада, приведет к власти новых руководителей, которые будут ориентироваться на национальные интересы и следовать принципам ООН.

Вместе с тем мы наблюдаем создание площадок, которые, не претендуя на роль альтернативы ООН, объединяют страны в форматы, направленные на удовлетворение национальных интересов на региональном уровне в рамках достаточно гибких механизмов взаимодействия, — БРИКС, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и др. Их состав постоянно расширяется, что свидетельствует о востребованности подобных площадок прежде всего со стороны так называемого «мирового большинства», недовольного гегемонистскими амбициями США и немало пострадавшего от гибридных действий Вашингтона (включая, разумеется, санкции), которые давно стали инструментом американской внешней политики. Анализ этих новых форматов показывает, что, например, от Североатлантического альянса и Европейского союза (ЕС), где присутствует явный диктат Вашингтона и жесткая «блоковая дисциплина», их выгодно отличает именно гибкость и сотрудничество на равных. При этом, в отличие от тех же США, странам — участницам новых объединений по-прежнему нужна ООН, и они активно выступают за сохранение ее ключевой роли в обеспечении международной безопасности.

Международная обстановка, свидетельствующая о смене эпох, сопровождается крахом ключевых форматов поддержания стабильности в мире и в конкретных регионах. Приостановка диалога между Россией и США по стратегической стабильности, а также окончание эпохи Договора об обычных вооруженных силах в Европе опять же автоматически формируют новую повестку для региональных систем безопасности. Способны ли существующие системы справиться с такими вызовами?

К сожалению, необходимо констатировать, во-первых, проблему несоответствия меняющейся природы конфликтов (прежде всего их продолжающаяся гибридизация) при

отсутствии серьезных изменений в базовых принципах существования международных организаций и устаревание категориального аппарата и дефиниций, используемых в современном международном праве. Во-вторых, в этой связи необходимо подчеркнуть, что в новой системе международных отношений, очевидно, продолжают функционировать те организации, которые смогут адаптироваться и справиться с подобными вызовами, а остальные будут заменены новыми организациями, которые будут действовать на иных принципах, в большей степени отвечающих формирующимся реалиям.

Рассуждая о новых условиях существования международных организаций, представляющих системы коллективной безопасности, закономерно возникает вопрос о факторах, объединяющих государства в их составе. Нам известны два основных типа систем коллективной безопасности — союзы, сформированные из стран, представляющих разные культуры и исторические традиции и имеющих неоднозначные представления друг о друге (как правило, ситуативные союзы или временные коалиции для противостояния общему врагу), и союзы, объединяющие близкие по культуре страны, часто имевшие общую историю, политическую традицию и т. д. (долгосрочные союзы, более устойчивые и имеющие более высокий уровень адаптивности). Не исключено, что в обозримом будущем благодаря цивилизационному контексту, столь вовремя актуализированному Россией, появится еще один тип организаций, отражающий становление полицентричного мира, в котором каждый полюс представлен цивилизацией и странами, находящимися в «гравитационном поле» этих цивилизаций (разумеется, в такие организации могут входить страны — представительницы разных цивилизаций, имеющих общие взгляды на безопасность). Представляется, что такой тип организаций может быть более устойчивым. В этом смысле, как отмечает Генеральный секретарь Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) И.Н. Тасмагамбетов, у систем коллективной безопасности на евразийском пространстве уже есть существенный задел и завидный опыт (Тасмагамбетов, 2024).

С целью определения характеристик систем коллективной безопасности в условиях полицентризма в рамках триадического подхода также целесообразно рассмотреть «сопряжение» феноменов цивилизации, коллективных действий и безопасности. Это позволит выявить необходимые качества систем коллективной безопасности как эффективно-го способа обеспечения мира и стабильности на планете в рамках новой, полицентричной системы международных отношений. В отличие от реалий однополярного мира, конфликтные отношения большей частью будут классифицироваться как конфликты между цивилизациями, которые позиционируют себя равными друг другу. С одной стороны, это может затруднить поиск взаимоприемлемой основы для выработки универсальных механизмов предупреждения, урегулирования и разрешения конфликтов. С другой стороны, этот поиск может отталкиваться от идеи о том, что безопасность является ресурсом, точнее — самым дорогим ресурсом, и определить место систем коллективной безопасности в распределении этого ресурса, его преумножении и обеспечении его неприкосновенности. Для этого непременно должна произойти адаптация международного права к реалиям, обусловленным широким применением гибридных действий (пересмотр базовых понятий типа «война», «мир», «угроза миру», «агрессия» (Харитоновна, 2024, с. 31–32); определение границ цивилизационного суверенитета, куда входит и гуманитарный, информационный суверенитет и др.; проведение четких границ между противоречиями и гибридными конфликтными действиями; совершенствование гуманитарного права с целью защиты гражданского населения в зонах конфликтов, а также права международных организаций и т. д.). В целом должна быть продолжена концептуализация права безопасности в новых исторических условиях с целью исключения возможности актуализации парадигмы отношений «цветущий сад — джунгли», свойственной однополярному миру и неокOLONIALной по своему характеру.

Роль систем коллективной безопасности, оформленных как международные организации,

и здесь должна быть определяющей. Дело не только в том, что коллективные усилия сами по себе более легитимны, нежели односторонние, но еще и в том, что системы коллективной безопасности предлагают решения, выработанные на основе консенсуса.

Наконец, актуализация цивилизационного подхода в анализе международных отношений, и в частности в областях, связанных с деятельностью систем коллективной безопасности, неизбежно приведет к новому видению не только узловых проблем в конфликтологии, но и в целом основ международных отношений в новых геополитических условиях. Так, не исключено появление подхода, в соответствии с которым гегемонистские амбиции любого государства по определению будут рассматриваться как посягательство на суверенитет всех стран мира, суверенитет цивилизаций (концептуализация последнего идет полным ходом) и глобальную безопасность, что автоматически подключает механизмы коллективной безопасности к решению проблемы пресечения подобных амбиций.

Заключение

Итак, рассуждая о природе современных конфликтов, целесообразно указать на ее постоянную трансформацию в сторону гибридизации конфликтных взаимодействий независимо от того, какие понятия для обозначения этих взаимодействий мы используем — «конфликт», «гибридный конфликт», «гибридная война» и др. Анализ совокупности конфликтов переходного периода показывает, что глобальная гибридная война, которая ведется во всем мире усилиями США и их союзников, является по сути стратегией в борьбе против становления полицентричного мира путем внешнего провоцирования ассиметричных конфликтов разного типа внутри государств-мишеней, между ними и в зонах их геополитического влияния. То есть США, считая себя мировым гегемоном, ведут агрессивную борьбу за сохранение однополярного мира и порядка, основанного на правилах.

По сути речь идет о противоборстве двух мировоззрений и двух концепций будущего мироустройства, где США выступают за

однополярный универсализированный по американским лекалам мир, основанный на идее исключительности американской нации, а Россия, находящаяся сейчас в авангарде «мирового большинства», — за полицентричный мир, идеологический плюрализм и равенство уникальных цивилизаций. Это противоборство, реализующееся гибридными методами, составляет главное противоречие современных международных отношений и является ключевым фактором, влияющим на состояние систем международной и национальной безопасности современных государств, в частности России. Последнее требует выработки специального инструментария для нейтрализации последствий такого противоборства. Предполагается, что ответы найдутся в рамках цивилизационного подхода, актуализированного Россией в поле практической геополитики в разгар СВО. Россия официально определила себя ядром особой уникальной цивилизации, что предполагает новое качество внешней политики и целый ряд других изменений, которые призваны усилить вес нашей страны на международной арене в полицентричном мире.

Текущие глобальные изменения, сопряженные с повышением конфликтности во всем мире, ставят ребром вопрос о будущем систем коллективной безопасности, которые отнюдь не всегда могут продемонстрировать эффективность в борьбе с современными кризисами. Возможности адаптации к новым условиям и к противодействию кризисам, в основе которых лежат гибридные действия, является одним из главных критериев выживания этих организаций и утверждения их ключевой роли в обеспечении стабильности в рамках нового мироустройства.

Применение триадического подхода с целью определения характеристик современных конфликтов (путем «сопряжения» феноменов стратегии, суверенитета и гибридности) и систем коллективной безопасности в условиях полицентризма (триада «цивилизация — коллективные действия — безопасность») позволило не только определить основные параметры изменений природы современных конфликтов в переходный период и требования к системам коллективной безопасности в новых международно-политических условиях, но и заглянуть за горизонт событий в попытке обозначить контуры новых подходов к анализу международной обстановки с учетом опыта нынешних глобальных потрясений.

Приведенные в статье результаты размышлений о настоящем и будущем конфликтной среды меняющегося мира формируют целый ряд других актуальных вопросов:

— Каковы суть, цели и перспективы «цивилизационного поворота»?

— Какими будут реальные параметры государственного и цивилизационного суверенитета?

— Каковы пределы адаптации существующей системы международного права к новым условиям?

— Как изменится стратегическое мышление отечественных и западных элит в ходе текущего противостояния?

— Как будут трансформироваться инструменты социальной мобилизации? и т. д.

Все обозначенные вопросы требуют тщательного изучения и теоретизации, к этому научное сообщество настойчиво подталкивают нужды политической практики.

Поступила в редакцию / Received: 28.06.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 10.09.2024

Принята к публикации / Accepted: 24.12.2024

Библиографический список

- Акулинин В. Н., Епифанова Н. С. Концепция гибридной войны в практике межгосударственного противостояния // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. Т. 11, № 36. С. 53–60. EDN: UKTTNJ
- Баранцев Р. Г. О тринитарной методологии // Философский век. Альманах. Вып. 7. Между физикой и метафизикой: наука и философия / отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. Санкт-Петербург: б/и, 1998. С. 51–61.

- Баранцев Р. Г.* Системная триада — структурная ячейка синтеза // Системные исследования: методологические проблемы : ежегодник. 1988 / глав. ред. Д. М. Гвишиани. Москва : Наука, 1989. С. 193–209.
- Баранцев Р. Г.* Универсальная семантика триадических структур в науке — искусстве — религии // Языки науки — языки искусства / общ. ред., сост. З. Е. Журавлева. Москва : Прогресс-Традиция, 2000. С. 61–65.
- Бартош А. А.* Парадигма гибридной войны // Вопросы безопасности. 2017. № 3. С. 44–61. <https://doi.org/10.25136/2409-7543.2017.3.20815>; EDN: YRGVON
- Гапизов З. Р., Харитонова Н. И.* «Крымский вопрос» и цивилизационные основы внешней политики России в условиях глобальной гибридной войны // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17, № 4. С. 112–120. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-04-112-120>; EDN: JRUANJ
- Козырев Г. И.* Война как политический феномен // Социология. 2013. № 2. С. 118–127. EDN: RCFORJ
- Контурсы цифровой реальности : гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего / под ред. В. В. Иванова, Г. Г. Малинецкого, С. Н. Сиренко. Москва : Ленанд, 2018. EDN: IQZAQM
- Кучинская М. Е.* Феномен гибридизации современных конфликтов: отечественный и западный военно-политический дискурс // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 6. С. 122–143. EDN: YUVIGT
- Лещев Е. Н., Харитонова Н. И.* Фальсификация истории как угроза национальной безопасности России: политический аспект // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11, № 6. С. 132–142. EDN: XTDQRL
- Максимов А. С.* Национальная безопасность России в условиях гибридной войны // Конституционная реформа и национальные цели развития России: социально-экономические и политико-правовые приоритеты : сборник статей и докладов международной научно-практической конференции (2 декабря 2020 г.) / под ред. П. А. Меркулова, О. В. Малаховой. Орел : Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС, 2021. С. 169–172. EDN: ZXHGHM
- Малинецкий Г. Г., Посаишков С. А., Скурлягин А. А.* Гуманитарно-технологическая революция, кризис совети, риски и проекты будущего // Стратегические приоритеты. 2019. № 1. С. 48–76. EDN: RWCGPW
- Попов П. В.* Государственно-целевой подход к концепции гибридной войны // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8, № 4. С. 51–53. <https://doi.org/10.26140/anie-2019-0804-0008>; EDN: PSDKDJ
- Соколова С. Н.* Риски и угрозы гибридных войн в современном обществе: парадоксы реальности // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2017. № 2. С. 35–40. EDN: ZWGTRF
- Тасмагамбетов И. Н.* ОДКБ: неизменные приоритеты в условиях меняющегося миропорядка // Международная жизнь. 2024. № 2. С. 18–27. EDN: CFEXTL
- Тиханычев О. В.* Гибридные войны: новое слово в военном искусстве или хорошо забытое старое? // Вопросы безопасности. 2020. № 1. С. 30–43. <https://doi.org/10.25136/2409-7543.2020.1.30256>; EDN: JFAPXZ
- Харитонова Н. И.* ОДКБ и проблема гибридных войн // Международная жизнь. 2024. № 2. С. 28–37. EDN: PWHGEB
- Чижевский Я. А.* Развитие военно-политического дискурса: представляем неологизмы «асимметричный конфликт» и «гибридная война» // Политическая наука. 2016. № 2. С. 269–283. EDN: WCJRLD
- Hoffman F. G.* Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars. Arlington, Virginia : Potomac Institute for Policy Studies, 2007.
- Huntington S. P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York : Simon & Schuster, 1996.
- Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present / ed. by W. Murray, P. R. Mansoor. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139199254>
- Kagan R.* The Jungle Grows Back: America and Our Imperiled World. New York : Alfred A. Knopf, 2018.
- Kaldor M.* New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era. Cambridge : Polity Press, 2012.
- Kilcullen D.* The Accidental Guerrilla: Fighting Small Wars in the Midst of a Big One. New York : Oxford University Press, 2009.
- Van Creveld M.* The Transformation of War. New York : The Free Press Publishing, 1991.

Сведения об авторе:

Харитонова Наталья Ивановна — доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет; eLibrary SPIN-код: 6491-4442; ORCID: 0000-0002-7980-6562; e-mail: natahari@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-1-30-44

EDN: JDJZPW

Научная статья / Research article

Методика балльной оценки террористической активности исламистских группировок в 2000–2020 гг.

О.С. Чикризова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 chikrizova-os@rudn.ru

Аннотация. Актуальность изучения исламистского терроризма обусловлена его не снижающимся с начала 2000-х гг. деструктивным влиянием на национальную и глобальную безопасность, а также на диалог между западными и восточными, в частности мусульманскими, обществами. Исламистский терроризм закрепляет укоренившиеся предрассудки в отношении ислама и мусульман, демонизирует их, препятствуя конструктивному взаимодействию сообществ, исповедующих разные религии, и установлению отношений, основанных на взаимном доверии. Цель исследования состоит в апробации методики балльной оценки террористической активности исламистских групп с привлечением эмпирических данных о количестве терактов, совершенных исламистами в 2000–2020 гг., и жертв этих атак. На основе Глобальной базы данных о терроризме и авторской выборки из 155 группировок, транслирующих исламистскую идеологию, выделено три этапа развития исламистского терроризма, подтверждено наличие прямой пропорциональной связи между количеством терактов и числом жертв в них, а также проанализирована география террористической деятельности исламистов. Методологически исследование опирается на сочетание двух подходов — изучения терроризма как политического явления и как формы религиозной манифестации, а сами исламистские террористические группировки рассматриваются как политические проекты, только маскирующиеся под сообщества, преследующие религиозные цели. Установлено, что теракты 11 сентября 2001 г. не оказали существенного влияния на активизацию терроризма исламистов в отличие от дестабилизации Ирака, который стал еще одной площадкой для подготовки террористов наряду с Афганистаном. Количественный анализ позволил установить, что Ближний Восток и Северная Африка ошибочно воспринимались как «эпицентр» исламистского терроризма в 2000–2020 гг., поскольку в 2000 г. первое место по числу терактов занимала Юго-Восточная Азия, а в 2003, 2005–2013 и 2018–2020 гг. лидером по этому показателю была Южная Азия. Обозначены возможности и ограничения предлагаемой методики, описаны перспективы ее дальнейшего применения в научных исследованиях исламистского терроризма.

Ключевые слова: джихадизм, международный терроризм, Глобальная база данных по терроризму, количественные методы, Ближний Восток и Северная Африка, Южная Азия, Юго-Восточная Азия, Африка южнее Сахары, теракты 11 сентября

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Чикризова О.С. Методика балльной оценки террористической активности исламистских группировок в 2000–2020 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 1. С. 30–44. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-30-44>

© Чикризова О.С., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Islamist Terrorist Activity in 2000–2020: A Scoring Methodology

Olga S. Chikrizova

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 chikrizova-os@rudn.ru

Abstract. The relevance of the study of Islamist terrorism is due to its destructive impact on national and global security, as well as on the dialogue between Western and Eastern, particularly Muslim, nations since the early 2000s. Islamist terrorism reinforces entrenched prejudices against Islam and Muslims, leading to their demonization and the subsequent prevention of constructive interaction between communities professing different religions, thus hindering the establishment of relations based on mutual trust. This study examines the number of terrorist attacks committed by Islamist groups and their victims between 2000 and 2020, and tests the methodology for scoring their terrorist activities. Based on the Global Terrorism Database and the author's sample of 155 groups broadcasting Islamist ideology, three stages of the development of Islamist terrorism were identified, a direct proportional relationship between the number of terrorist attacks and the number of victims was proven, and the geography of Islamist terrorist activity was analyzed. Methodologically, this study combines the analysis of terrorism as both a political phenomenon and a religious manifestation, and Islamist terrorist groups themselves are seen as political projects masquerading as religiously motivated communities. In contrast to the destabilization of Iraq, which along with Afghanistan became another platform for training terrorists, the terrorist attacks on September 11, 2001, had little impact on Islamist terrorism. Quantitative analysis revealed that the Middle East and North Africa was mistakenly perceived as the “epicenter” of Islamist terrorism in 2000–2020, as Southeast Asia was the leader in terrorist attacks in 2000, while South Asia occupied 1st place in 2003, 2005–2013, and 2018–2020. It has been confirmed that instability at the local and national levels serves as a fertile ground for Islamist terrorism. The possibilities and limitations of the proposed methodology are outlined, and the prospects for its further application in scientific studies of Islamist terrorism are described.

Key words: jihadism, international terrorism, Global Terrorism Database, quantitative methods, Middle East and North Africa, South Asia, Southeast Asia, Sub-Saharan Africa, 9/11 attacks

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Chikrizova, O. S. (2025). Islamist terrorist activity in 2000–2020: A scoring methodology. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(1), 30–44. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-30-44>

Введение

После терактов 11 сентября 2001 г. против гражданских и военных объектов на территории США новостные ленты, а следом и страницы научных изданий наполнились публикациями о росте террористической угрозы со стороны исламистских группировок. Действительно, эта серия терактов продемонстрировала, с одной стороны, бреши в системе национальной безопасности США, а с другой — силу воздействия подобных актов не только на внутривнутриполитическую ситуацию внутри Соединенных Штатов, но и на мировую политику в целом, обосновав интервенции коалиционных сил в Афганистан (2001 г.), а затем в Ирак (2003 г.). Эти страны стали своеобразными «тренировочными площадками» (Hegghammer, 2006, p. 11) для террористов со всего мира, а после начала

сирийского конфликта статус главной «школы для террористов» (Hemmingsen, 2013; Hamming, 2019, p. 1) получила Сирия.

Вместе с тем вокруг проблемы «исламистского терроризма» с тех пор возникло много недостаточно, на наш взгляд, обоснованных, но широко разошедшихся даже в исследовательских кругах утверждений о глобальном характере угрозы со стороны исламистов, а также о том, что события 2001 г. «спровоцировали радикальных исламистов по всему миру» (Тан, 2024, p. 299).

Ситуация усугубляется тем, что в академических работах до сих пор не сложилось консенсуса относительно определения понятий «исламистский терроризм» и «джихадизм», как отсутствует и единое, общепринятое определение «международного терроризма», которое устанавливало бы общие для

всех государств критерии, по которым ту или иную группировку причисляли бы к террористическим. Это обуславливает тот факт, что в различных странах в списки террористических входят разные группировки, а сам «международный терроризм» становится удобным инструментом, позволяющим отдельным государствам преследовать неудобные группы (например, представляющие интересы этнических или религиозных меньшинств или сепаратистов).

В рамках данного исследования нами не ставится задача предложить свои определения вышеуказанных понятий, поскольку этот деликатный вопрос требует глубокой проработки и целой серии специальных публикаций. Тем не менее наличие такой научной проблемы, как несогласованность понятий внутри проблематики международного и исламистского терроризма, определяет актуальность нашего исследования, которое сосредоточено на эмпирическом анализе террористической активности исламистских групп и презентации авторской методики балльной оценки этой активности. Предлагаемая методика, на наш взгляд, предоставляет инструменты количественной оценки террористической деятельности исламистов на страновом, региональном или глобальном уровнях, что позволит делать более эмпирически обоснованные выводы о географии, характере и особенностях исламистского терроризма. Впоследствии такие выводы могут лечь в основу более научно фундированного, не окрашенного идеологически определения понятия «исламистский терроризм» и выделения критериев, в соответствии с которыми та или иная группировка может быть обоснованно причислена к «исламистским террористам».

Хронологические рамки исследования определяются следующими соображениями. В целях выявления влияния событий 11 сентября 2001 г. на количество терактов, совершаемых исламистами, мы начинаем расчеты с 2000 г., предшествующего трагедии в США. Это позволит оценить, была ли «аномальной» исламистская террористическая активность в 2001 г. и вызвали ли теракты 11 сентября реальный всплеск исламистского терроризма.

Исследование заканчивается 2020 г., что обусловлено ограничением доступа к данным о террористических инцидентах, размещенных в «Глобальной базе данных по терроризму» (*Global Terrorism Database, GTD*¹; далее — ГБДТ). Эта база является одной из самых полных и содержит сведения о террористических атаках по всему миру с 1970 г. На информацию из ГБДТ опирается большинство не только западных, но и российских исследователей, в частности российский эксперт по проблематике международного терроризма Е.А. Степанова из ИМЭМО РАН (Степанова, 2014; 2016; 2017), которая принимала участие в разработке «Глобального индекса терроризма».

На момент проведения этого исследования ГБДТ содержала информацию по терактам за полный календарный 2020 г. При этом следует отметить, что ГБДТ была выбрана в качестве источника эмпирических данных ввиду фактического отсутствия альтернативы. В настоящее время не создано российской базы данных, которая содержала бы информацию о терактах по всему миру. В других западных странах подобных баз также нет. Среди недостатков ГБДТ следует выделить то, что она не фиксирует данные о террористических организациях и терроре, «используемом государствами против своих граждан» (Schmid & Jongman, 1988), а также специфику восприятия терроризма в США, где формировалась база данных: ГБДТ формировалась на основе сведений, собираемых Службой глобальной разведки Пинкертона (*Pinkerton Global Intelligence Services (PGIS)*) в годы холодной войны, когда фокус в исследованиях терроризма был сделан на его «левом» варианте, а в 2000-е гг. наиболее предвзятыми данными из ГБДТ могут считаться сведения о терактах, совершенных исламистами, поскольку, как уже отмечалось, после 11 сентября 2001 г. именно исламистский терроризм позиционировался американским

¹ START (National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism). (2022). Global Terrorism Database 1970–2020 [data file]. URL: <https://www.start.umd.edu/data-tools/GTD> (accessed: 22.09.2024).

руководством как главная угроза национальной безопасности США.

Несмотря на вышеизложенное, представляется, что в условиях отсутствия единого глобального подхода к определению терроризма, согласованного всеми членами международного сообщества, любая база данных будет иметь те же недостатки, что указаны выше для ГБДТ.

Статья содержит описание авторского подхода к изучению исламистского терроризма и методики балльной оценки террористической активности исламистских групп (раздел «Методология и методы исследования»); результаты применения этой методики, которые должны помочь ответить на вопросы о том, какие события оказали наибольшее влияние на распространение исламистского терроризма, насколько глобальный характер имеет угроза исламистского терроризма, а также какие регионы в большей степени подвержены этой угрозе («Результаты»); возможности и ограничения предлагаемой методики («Дискуссия») и выводы («Заключение»).

Методология и методы исследования

Один из ведущих западных экспертов по проблематике терроризма, соредактор журнала «Взгляды на терроризм» (*Perspectives on Terrorism*²) А.П. Шмид выделяет пять методологических рамок изучения терроризма, которые соответствуют пяти исследовательским дисциплинам, рассматривающим это явление:

- 1) терроризм как преступное деяние (криминология);
- 2) терроризм в контексте политики (политология);
- 3) терроризм в контексте войн (исследования войны и мира);
- 4) террористический акт как средство коммуникации (исследования коммуникации);
- 5) террористический акт как религиозный «крестовый поход»/джихад (религиоведение) (*The Routledge Handbook of Terrorism Research*, 2011, pp. 1–2).

² *Perspectives on Terrorism Journal*. URL: <https://pt.icct.nl/> (accessed: 12.10.2024).

Каждый из указанных подходов, как отмечает А.П. Шмид, позволяет рассмотреть тот или иной аспект терроризма, но не является единственно правильным (*The Routledge Handbook of Terrorism Research*, 2011, p. 2).

Поскольку в задачи нашего исследования не входит рассмотрение соответствия отдельных терактов, включенных в ГБДТ, российскому законодательству и установленному им определению террористического акта, мы исключаем первый методологический подход. Третий и четвертый подходы также не соответствуют заявленной цели статьи, так как они предполагают анализ влияния военных действий на теракт и коммуникационные возможности терактов. В этой связи мы опираемся на методологию, сочетающую второй и пятый подходы, рассматривая исламистские группировки, использующие методы террора, как политические проекты, созданные теми или иными акторами международных отношений с политическими целями (в частности, для обоснования «демонизации» образа коллективного врага в лице исламской религии). При этом для вербовки сторонников среди мусульман и «сакрализации» деятельности таких группировок их идеологи прибегают к искажению исламских религиозных догматов и самой миролюбивой сущности этой религии (Ранджбар, Чикризова, 2023), что позволяет таким политическим проектам обосновывать осуществляемое насилие религиозными мотивами.

Также особенностью данного исследования является акцент на анализе эмпирических данных о количестве терактов и числе жертв в них за 2000–2020 гг., позволяющих нам предложить методику балльной оценки террористической активности исламистских группировок в каждый отдельный год, а также изучить региональный уровень деятельности исламистских террористов. Для этого нами применяется метод позиционирования (построение точечной диаграммы, выявляющей взаимосвязь количества терактов с численностью жертв по годам) и метод анализа связей между переменными, метод группировки и систематизации и метод ранжирования для присвоения балльного коэффициента

отдельным годам в соответствии с уровнем террористической активности исламистов в этот год.

Практика использования количественных методов для анализа феномена терроризма достаточно широко распространена и уже активно применяется для выявления связи между идеологией, транслируемой террористами, и летальностью их терактов (Carson & Suppenbach, 2018; Piazza & LaFree, 2019), между структурой и целями группировок и смертностью в терактах (Piazza, 2009), между типами идеологий, местами операций, типами атак и видами целей (Davis, 2019), для оценки уровня активности боевиков террористических групп в отдельных регионах, например в Европе (Narrow, 2010) и проч. При этом исследователи редко фокусируются на выявлении этапов в деятельности исламистских террористов либо поиске подтверждений подлинно глобального характера исламистской угрозы путем установления доли группировок, совершающих теракты в более чем одном регионе мира или за пределами страны своего происхождения.

В основе количественных исследований феномена терроризма лежат эмпирические данные, которые аккумулируются в различных базах данных, разрабатываемых государственными структурами различных стран, научными центрами и лабораториями на базе университетов, а также частными структурами (консалтинговыми агентствами, аналитическими центрами или центрами обработки больших данных). Описание особенностей 20 существующих баз данных и методологий, лежащих в основе анализа терроризма в рамках отдельных проектов, содержится в коллективной монографии под редакцией А.П. Шмида (*The Routledge Handbook of Terrorism Research*, 2011, pp. 294–340). Однако не существует ни одной специализированной базы, посвященной только исламистскому терроризму.

Что касается индексов и рейтингов оценки уровня террористической угрозы, то здесь необходимо упомянуть Глобальный индекс терроризма (*Global Terrorism Index*) — один из самых известных индексов, анализирующих террористическую активность в отдельных

странах мира. Согласно информации на сайте индекса, он складывается из таких показателей, как «инциденты, смертельные случаи, ранения и заложники. Для измерения воздействия терроризма применяется пятилетнее средневзвешенное значение»³. Однако важно отметить, что данный индекс, во-первых, рассчитывается на основе данных «Трекера терроризма» (*TerrorismTracker*⁴), который содержит информацию о терактах лишь с 2007 г. и доступен только для учреждений, оплативших подписку (что ограничивает для исследователей возможности обращения к первоисточнику данных, лежащих в основе Глобального индекса терроризма, и их верификации), а во-вторых, данный индекс не учитывает идеологию террористических группировок и не позволяет вычленить только атаки исламистов.

Исходя из вышесказанного, мы пришли к выводу, что ни одна из существующих методик количественной оценки террористической оценки не фокусируется на тех исследовательских вопросах, которые поставлены в этой статье, и каждый из подходов имеет как преимущества, так и ограничения.

В этой связи мы сосредоточились на том, чтобы изучить динамику террористической активности исламистов в 2000–2020 гг., выявив годы, характеризующиеся особо высокими показателями по количеству терактов и/или жертв в них, а также проследить, какие регионы в большей степени были подвержены угрозе исламистского терроризма в исследуемый период.

Для этого, опираясь на описанную выше методологию и сведения о террористических инцидентах, содержащиеся в ГБДТ (209 706 инцидентов с 1970 г., всего групп — 3064; из них — 139 872 инцидента с 2000 г., совершенных 1685 группами), была составлена авторская выборка исламистских групп. Основу выборки составили группировки, объединенные Дж.В. Карсон и М. Суппенбахом

³ 2023 Global Terrorism Index // Vision of Humanity. URL: <https://www.visionofhumanity.org/maps/global-terrorism-index/#/> (accessed: 04.11.2024).

⁴ TerrorismTracker // Dragonfly Intelligence. URL: <https://dragonflyintelligence.com/intelligence/terrorismtracker/> (accessed: 04.11.2024).

в «глобальное джихадистское движение» (Carson & Suprenbach, 2018, pp. 24–26). Однако исследование указанных авторов ограничивается 2014 г. включительно, поэтому мы расширили выборку за счет группировок, совершивших теракты в 2015–2020 гг., в том числе организаций шиитского и деобандийского толка.

Важно отметить, что из выборки были исключены Движение исламского сопротивления (ХАМАС) и ливанская «Хизбалла». Это объясняется тем, что указанные структуры, во-первых, действуют легально на территориях своих государств, в связи с чем они не включены в Российской Федерации в список террористических, а во-вторых, тем, что их деятельность не несет угрозы безопасности России. Так, в «Документе о генеральных принципах и политике» ХАМАС, принятом в 2017 г., Движение исламского сопротивления позиционирует себя как «палестинское исламское национально-освободительное движение и движение сопротивления»⁵. ХАМАС является организацией, борющейся за создание палестинского национального государства, используя не только концепцию «джихада», но и «светские» политические инструменты, такие как участие в выборах, взаимодействие с профсоюзами, женскими и студенческими организациями, а также создание благотворительных организаций. Как отмечал авторитетный российский востоковед-арабист Г.Г. Косач, «обращение [ХАМАС] к религии было оправдано поиском места в сложившейся иерархии политических структур: он использовал нишу, игнорировавшуюся соперниками» (Косач, 2020, с. 82). При этом анализ принципов ХАМАС, изложенных в Документе 2017 г., позволяет утверждать, что ХАМАС стремится «обрести национальный характер» (Косач, 2020, с. 91), избавившись от «ярлыка» радикальной исламистской группировки.

В свою очередь, деятельность «Хизбаллы» также не угрожает национальной безопасности Российской Федерации. «Хизбалла»

участвует в политических процессах Ливана на легальной основе и активно реализует проекты по социальной поддержке жителей наиболее уязвимых (с военной и экономической точек зрения) районов Ливана. Легальный статус «Хизбаллы» в Ливане позволяет нам вслед за В.М. Морозовым и А.Б. Хачировой рассматривать ливанскую партию наряду с ХАМАС в качестве «субъектов региональной политики вне контекста терроризма» (Морозов, Хачирова, 2018, с. 107).

Из выборки также были исключены группировки, совершившие один теракт за рассматриваемый период, с тем чтобы сбалансировать расчеты, не учитывая в них группировки-«однодневки», деятельность которых не носила систематического характера. Кроме того, мы не учитывали «зонтичные» организации, объединяющие группировки различных толков — как исламистские, так и светские (например, этнические «милиции» или сепаратистские движения). В частности, из выборки исключена иракская организация «Аль-хашд аль-шаабий» (Силы народной мобилизации), объединяющая порядка 40 группировок, преимущественно (но не только) шиитских (Чикризова, 2021, с. 79), поскольку невозможно отделить атаки «исламистской» направленности, совершаемые данной (и подобными ей) организацией, от акций, имеющих иные, не религиозные, мотивы.

Таким образом, итоговая выборка включает 155 группировок⁶, которые за рассматриваемый период брали на себя ответственность или обвинялись в организации более чем одного теракта, а также пять «собираемых» групп («алжирские мусульманские фундаменталисты», «алжирские исламистские экстремисты», «мусульманские экстремисты» и «мусульманские фундаменталисты»), на которых была возложена ответственность за совершение террористических атак. Включение последних в выборку объясняется значительным количеством терактов (1244 инцидента в совокупности),

⁵ A Document of General Principles and Policies // Islamic Resistance Movement (Hamas). May 1, 2017. URL: <https://web.archive.org/web/20170510123932/http://hamas.ps/en/post/678/> (accessed: 15.11.2024).

⁶ Чикризова О. С. Методика балльной оценки террористической активности исламистских группировок в 2000–2020 гг. (сырые данные). URL: <https://chikrizovawdata.tilda.ws/> (дата обращения: 20.12.2024).

приписываемых этим группам, что не позволило нам проигнорировать их при расчетах.

Что касается географии регионов, то мы исходили из подхода, принятого в ГБДТ. Так, Турция и Иран относятся к региону Ближний Восток и Северная Африка (БВСА), а регион Южная Азия составляют Афганистан, Пакистан, Индия и Бангладеш. Остальные регионы соответствуют географическим рамкам, принятым в российской науке, и совпадают с геосхемой мира Организации Объединенных Наций.

Результаты

В первую очередь проанализируем количество терактов, совершенных исламистскими группировками в 2000–2020 гг. (табл. 1), с тем чтобы определить, действительно ли атаки 11 сентября привели к активизации исламистов.

Из данных, приведенных в табл. 1, становится очевидно, что события 11 сентября 2001 г. не оказали серьезного влияния на количество террористических атак в последующие три года. При этом 2001 г. за счет значительного числа жертв в ходе разрушений башен-близнецов в Нью-Йорке стал рекордным по данному показателю в первом десятилетии XXI в.

Значительный рост показателя числа исламистских атак наблюдается в 2007 г., что связано, как представляется, с событиями в Ираке. Так, после казни Саддама Хусейна 30 декабря 2006 г. в стране обострилась внутривнутриполитическая ситуация, связанная со сложившимся вакуумом власти, накопившимся недоверием к Временной коалиционной администрации и недовольством пребыванием американского контингента на иракской территории. На фоне обострения суннитско-шиитского противостояния внутри Ирака произошел и рост террористической активности, главным образом в результате создания в 2006 г. группировки «Исламское государство Ирака» (ИГИ), прообраза «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ, ИГ)⁷

⁷ Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций,

(18 атак в 2007 г., 20 — в 2008 г.). Также в 2007 г. были созданы такие организации, как «Аль-Каида в странах исламского Магриба»⁸ (69 терактов в 2007 г., 43 теракта в 2008 г.) и «Аш-Шабаб» (20 терактов в 2007 г., 28 — в 2008 г.)⁹, однако «расцвет» деятельности последней произойдет позднее.

Таблица 1. Количество терактов, совершенных исламистскими группировками в 2000–2020 гг., и число жертв этих терактов

Год	Кол-во терактов	Кол-во жертв, чел.
2000	249	679
2001	172	3 820
2002	202	1 269
2003	284	1 158
2004	246	1 945
2005	382	1 936
2006	396	1 246
2007	526	2 875
2008	769	2 638
2009	733	3 336
2010	807	3 132
2011	862	3 396
2012	2 432	8 326
2013	2 538	10 132
2014	4 890	27 547
2015	4 900	26 480
2016	4 645	23 646
2017	4 177	19 459
2018	3 595	15 744
2019	3 192	14 009
2020	3 486	15 003
ВСЕГО	39 483	187 776

Источник: рассчитано О.С. Чикризовой по данным: Чикризова О.С. Методика балльной оценки террористической активности исламистских группировок в 2000–2020 гг. (сырые данные). URL: <https://chikrizovawdata.tilda.ws/> (дата обращения: 20.12.2024).

признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

⁸ Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

⁹ Чикризова О.С. Методика балльной оценки террористической активности исламистских группировок в 2000–2020 гг. (сырые данные). URL: <https://chikrizovawdata.tilda.ws/> (дата обращения: 20.12.2024).

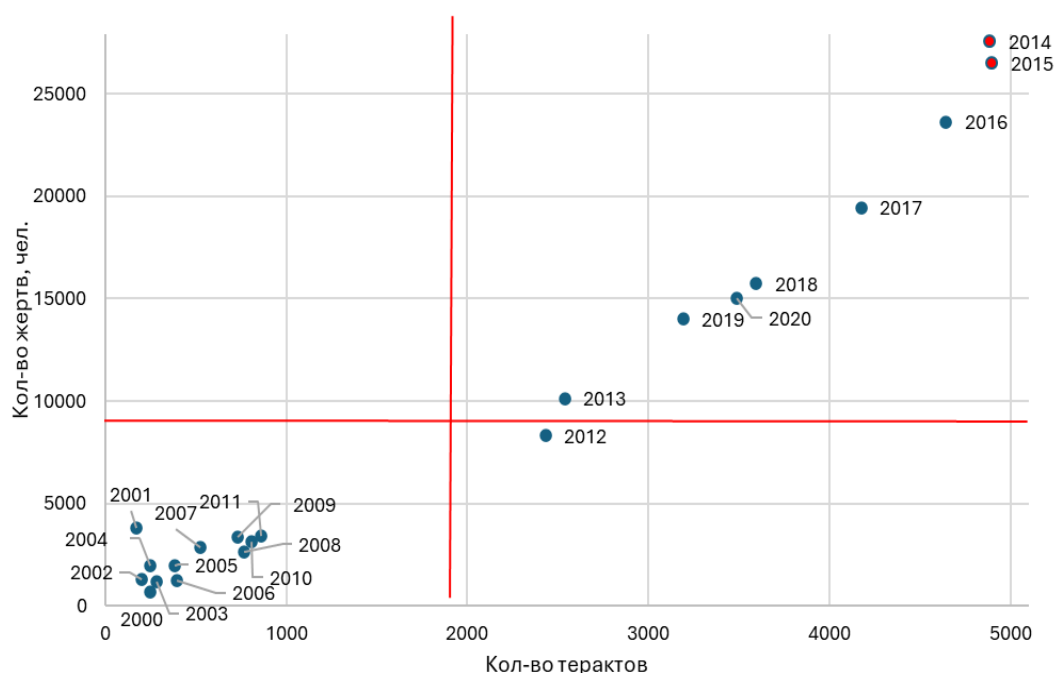

Рис. 1. Соотношение количества совершенных исламистами терактов и числа жертв в них в 2000–2020 гг.
 Источник: составлено О.С. Чикризовой.

Важно отметить, что наш вывод о влиянии войны в Ираке на рост исламистского терроризма подтверждает результаты более ранних исследований (Hegghammer, 2006; Narrow, 2010).

Драматическое воздействие на рост исламистского терроризма, исходя из данных, собранных в табл. 1, оказали события «арабской весны», а точнее — начавшиеся вследствие этих событий гражданские войны в Сирии и Ливии. Потрясения, вызванные «арабской весной», затронули весь регион Ближнего и Среднего Востока, а также Африку южнее Сахары. В результате в 2012 г. количество атак исламистов выросло в 2,8 раза по сравнению с 2011 г., а число жертв этих атак — почти в 2,5 раза.

Следующий рубеж — это 2014 г., ознаменовавшийся деятельностью смертоносной группировки ИГИЛ (запрещено в РФ). Так, если в 2013 г. на ИГИЛ (запрещено в РФ) возлагается ответственность за 377 атак, то в 2014 г. — уже за 1250 терактов. Впоследствии, когда исламистские группировки в целом ряде регионов «присягнули на верность» ИГИЛ (запрещено в РФ), совокупное количество терактов, совершенных под

флагом этой организации, составит 1770 в 2015 г., а в 2016 г. — 2045¹⁰.

Важно отметить, что наблюдаемое в 2018 и 2019 гг. незначительное снижение числа атак произошло на фоне разгрома ИГИЛ (запрещено в РФ) в Сирии при широком участии Военно-космических сил РФ. Что же касается пандемии COVID-19, то она не привела к ожидаемому спаду активности исламистских группировок.

Для проведения балльной оценки террористической активности исламистов в каждом отдельном году используем метод позиционирования, который позволит одновременно учесть две переменные — и количество совершенных терактов, и число жертв в них.

На первом этапе определяются «аномальные» годы, в которые наблюдались максимальные значения обеих переменных по сравнению со средним значением (средние — 1880 терактов, 8942 жертвы — обозначены линиями контрастного цвета) (рис. 1).

¹⁰ Чикризова О.С. Методика балльной оценки террористической активности исламистских группировок в 2000–2020 гг. (сырые данные). URL: <https://chikrizovarawdata.tilda.ws/> (дата обращения: 20.12.2024).

В дальнейшем будем называть такие годы «выбросами» (по аналогии со статистическими выбросами), и в результате выявленные годы получают максимальный балл за исламистскую активность.

Диаграмма позволяет увидеть, что 2014 и 2015 гг. «выбиваются» из общей картины аномально высокими значениями обеих переменных. Для того чтобы эти аномалии не влияли на оценку исламистской активности в другие годы, построим диаграмму уже без учета «выбросов» (рис. 2).

Линии контрастного цвета обозначают средние значения (1563 теракта и 7039 жертв) и позволяют сгруппировать все исследуемые годы в четыре категории, или квадранта, исходя из следующей логики:

— 1-й квадрант — минимальные из наблюдаемых значения обеих переменных позволяют нам оценить исламистскую террористическую активность в 1 балл;

— 2-й и 3-й квадранты — максимальные из наблюдаемых значения по одной из переменных дают основание, избегая моральной дилеммы, при которой исследователю нужно было бы придавать большее значение либо числу жертв, либо количеству терактов, оценить активность исламистов в 2 балла;

— 4-й квадрант — максимальные из наблюдаемых значения обеих переменных позволяют нам оценить исламистскую террористическую активность в 3 балла;

— годы с аномальными значениями обеих переменных («выбросы») получают 4 балла за исламистский терроризм.

Итак, на рис. 2 четко отображено, что в исследуемый период не происходило какого-либо постепенного перехода от низкой террористической активности исламистов к более высокой. Кроме того, можно сделать вывод о том, что число жертв терактов росло пропорционально количеству атак.

В качестве предпоследнего шага рассмотрим подробнее первый квадрант, в который попали годы с минимальными из наблюдаемых значениями обеих переменных (рис. 3).

Как видим, в первом квадранте выделяется 2001 г., который, как отмечалось ранее, был аномальным по числу жертв исламистских атак. Также в подтверждение ранее сделанных выводов диаграмма позволяет увидеть, что в 2007 г. происходит переломный момент, после которого происходит рост как количества атак, так и человеческих жертв в них.

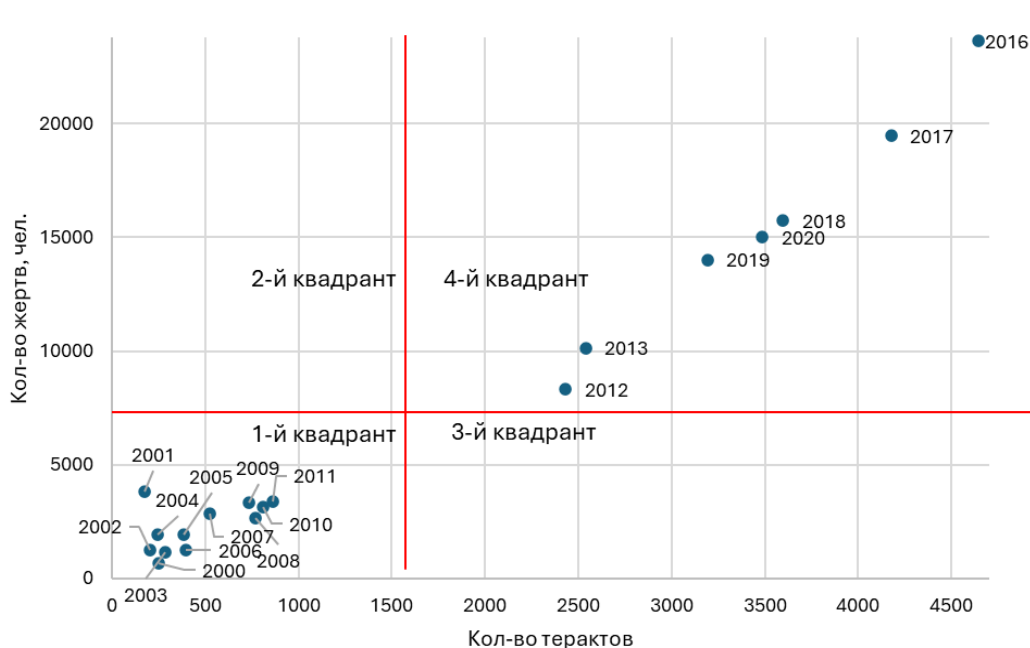

Рис. 2. Соотношение количества совершенных исламистами терактов и числа жертв в них в 2000–2020 гг., без учета «выбросов»

Источник: составлено О.С. Чикризовой.

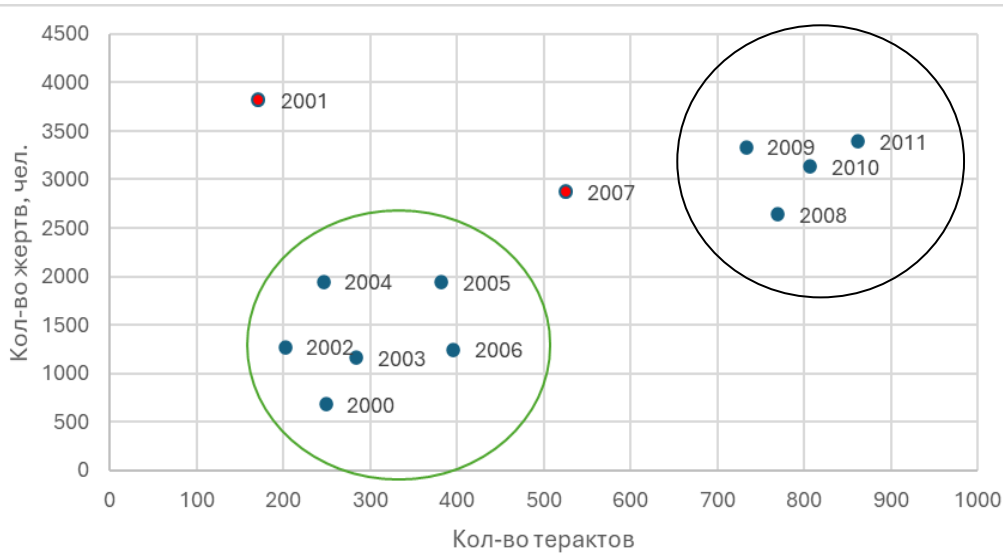

Рис. 3. Соотношение количества совершенных исламистами терактов и числа жертв в них в 2000–2020 гг., 1-й квадрант

Источник: составлено О.С. Чикризовой.

Подведем итог балльной оценки исламистской террористической активности в каждый отдельный год (табл. 2).

Таблица 2. Балльная оценка террористической активности исламистов в 2000–2020 гг.

Год	Балл	Год	Балл
2000	1	2011	1
2001	1	2012	3
2002	1	2013	3
2003	1	2014	4
2004	1	2015	4
2005	1	2016	3
2006	1	2017	3
2007	1	2018	3
2008	1	2019	3
2009	1	2020	3
2010	1		

Источник: составлено О.С. Чикризовой.

Таким образом, на основании проведенного анализа можно выделить три этапа в развитии исламистского терроризма:

1) 2000–2006 гг., в котором ожидаемо выделяется 2001 г.;

2) 2007–2011 гг., где среди факторов, обусловивших рост исламистской активности, можно отметить события в Ираке, а также «эффект „Аль-Каиды“¹¹», связанный с

¹¹ Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных

«расползанием» ячеек этой сетевой террористической структуры по различным регионам мира, включая Южную и Юго-Восточную Азию, а также Африку южнее Сахары;

3) 2012–2020 гг.: беспрецедентный всплеск террористической активности исламистов, вызванный ростом числа «горячих точек», особенно в ядре «мира ислама» — регионе Ближнего Востока и Северной Африки, а также — опять же на фоне вооруженного конфликта в Сирии — создания ИГИЛ (запрещено в РФ), которое буквально за два года «прирастет» многочисленными «вилаятами», то есть аффилированными организациями практически по всему миру.

Далее целесообразно выявить, какие регионы наиболее пострадали от террористических атак исламистов. Для этого мы подсчитали совокупное количество терактов, совершенных группировками из авторской выборки в исследуемые годы. Результаты приведены в табл. 3.

С целью выявления тенденций в изменении географии исламистского терроризма построим гистограмму, которая будет демонстрировать доли отдельных регионов в террористической активности исламистов в исследуемые годы (рис. 4).

организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

Таблица 3. География террористической активности исламистов в 2000–2020 гг.

Годы / регион	Количество терактов										Итого терактов
	БВСА	ЮА	ЮВА	АЮС	ЗЕ	СевАм	ВЕ	ЦА	АиО	ВА	
2000	80	27	140	0	0	0	0	2	0	0	249
2001	74	57	35	0	1	4	1	0	0	0	172
2002	109	56	33	2	0	0	2	0	0	0	202
2003	98	110	75	0	0	1	0	0	0	0	284
2004	134	88	10	1	6	0	4	3	0	0	246
2005	188	167	13	3	8	0	2	1	0	0	382
2006	173	208	11	1	1	1	1	0	0	0	396
2007	217	270	15	22	2	0	0	0	0	0	526
2008	192	436	89	36	0	0	14	0	0	2	769
2009	122	453	63	85	0	1	7	2	0	0	733
2010	151	512	23	111	1	1	7	1	0	0	807
2011	138	382	33	300	0	0	8	1	0	0	862
2012	575	1 105	67	671	6	1	7	0	0	0	2 432
2013	768	1 039	112	602	2	4	10	0	0	1	2 538
2014	1 965	1 350	158	1 402	1	0	10	1	0	3	4 890
2015	2 112	1 569	201	995	13	3	6	1	0	0	4 900
2016	2 214	1 368	146	893	8	1	13	2	0	0	4 645
2017	1 650	1 302	165	1 032	11	0	14	1	2	0	4 177
2018	876	1 641	134	927	5	0	8	4	0	0	3 595
2019	656	1 588	69	872	2	1	2	2	0	0	3 192
2020	549	2 019	51	857	6	0	3	1	0	0	3 486
Всего:	13 041	15 747	1 643	8 812	73	18	119	22	2	6	39 483

Примечание. Расшифровка сокращений: БВСА — Ближний Восток и Северная Африка, ЮА — Южная Азия, ЮВА — Юго-Восточная Азия, АЮС — Африка южнее Сахары, ЗЕ — Западная Европа, СевАм — Северная Америка, ВЕ — Восточная Европа, ЦА — Центральная Азия, АиО — Австралия и Океания, ВА — Восточная Азия.

Источник: рассчитано О.С. Чикризовой по данным: START (National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism). (2022). Global Terrorism Database 1970–2020 [data file]. URL: <https://www.start.umd.edu/data-tools/GTD> (accessed: 22.09.2024).

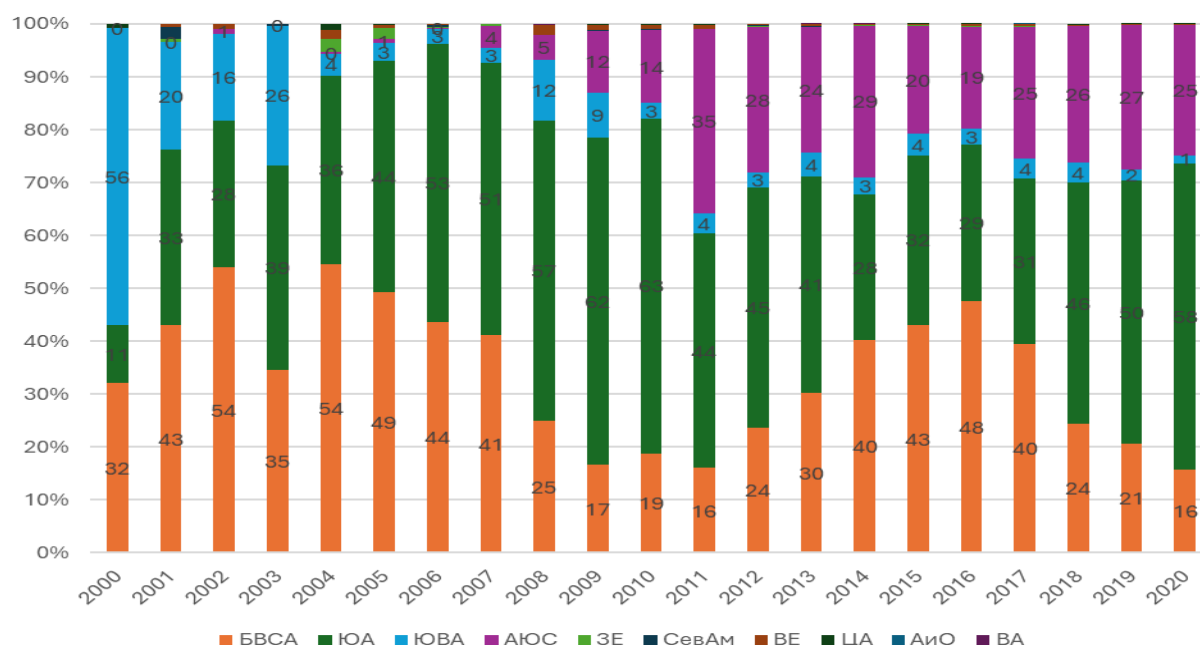

Рис. 4. География террористической активности исламистов в 2000–2020 гг., %:

БВСА — Ближний Восток и Северная Африка, ЮА — Южная Азия, ЮВА — Юго-Восточная Азия, АЮС — Африка южнее Сахары, ЗЕ — Западная Европа, СевАм — Северная Америка, ВЕ — Восточная Европа, ЦА — Центральная Азия, АиО — Австралия и Океания, ВА — Восточная Азия

Источник: рассчитано О.С. Чикризовой.

Исходя из расчетов долей отдельных регионов в географии исламистского терроризма можно сделать следующие выводы.

Во-первых, до событий 11 сентября 2001 г. «лидером» по числу атак исламистов была Юго-Восточная Азия, однако данный вывод нуждается в подтверждении, для которого достаточно будет расширить географические рамки исследования данными до 2000 г. В 2001–2002 и 2004 гг. «антирейтинг» возглавлял регион Ближний Восток и Северная Африка, который был основной ареной для «Аль-Каиды» (запрещена в РФ) и аффилированных с ней группировок. Однако в 2003, а затем с 2005 по 2013 г. лидером «антирейтинга» была Южная Азия, что можно объяснить, исходя из анализа нашей выборки, тем, что в указанный период значительное количество терактов было совершено как «Движением Талибан»¹² (от 50 атак в 2003 г. до 800 терактов в 2012 г.), так и аффилированными с ним группами в Пакистане (в частности, «Техрик-е Талибан Пакистан», которая начала свою деятельность именно в 2007 г. с двух атак, а в 2008 г. реализовала уже 112 терактов, в 2009 г. — 156, в 2010 г. — 161, и т. д.). Далее, в 2014–2017 гг., регион БВСА вернул себе позицию лидера по числу терактов исламистов, что объясняется деятельностью ИГИЛ (запрещено в РФ). В 2018–2020 гг., после разгрома этой группировки в Сирии и Ираке, Южная Азия вновь становится эпицентром исламистского терроризма, а на втором месте прочно утверждается Африка южнее Сахары. Это объясняется тем, что в рядах ИГИЛ (запрещено в РФ) с самого начала действовало несколько групп из стран Южной и Юго-Восточной Азии (Bakhshi & Rouselle, 2024), а в Африке южнее Сахары «вилайеты» ИГИЛ (запрещено в РФ) не только не были уничтожены, но и укоренились на почве многочисленных локальных и региональных конфликтов (Яшлавский, 2024, с. 69).

¹² Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

Во-вторых, по числу терактов исламистов на протяжении всего исследуемого периода стабильно выделялись такие регионы, как БВСА, Южная и Юго-Восточная Азия, которые входят в «мир ислама», а также характеризуются высоким уровнем конфликтности на религиозной почве (между мусульманами-суннитами и мусульманами-шиитами, между индуистами и мусульманами (Choukkar, 2024), между мусульманами и христианами). При этом важно отметить, что в этих регионах теракты совершают главным образом «домашние» группировки, деятельность которых ограничена одной страной, а иногда даже одной провинцией (например, Джамму и Кашмир — территорией, оспариваемой Пакистаном у Индии, или Минданао и Сулу — территориями Филиппин, которые населены исповедующими ислам народностями моро, но позже стали активно заселяться филиппинцами-католиками и китайцами). Таким образом, мы можем отнести такие группировки как к исламистам, так и к сепаратистам, но не рассматриваем их как часть международного терроризма.

В-третьих, анализ продемонстрировал, что в исследуемый период такие регионы, как Западная Европа (73 атаки за 2000–2020 гг.) и Северная Америка (18 терактов), были затронуты исламистским терроризмом в незначительной степени, особенно до 2015 г. (кроме 2004 и 2005 гг. для Западной Европы). Однако с 2015 г., когда в Западной Европе наблюдался кризис, вызванный наплывом мигрантов из стран Ближнего Востока и Африки, действительно произошел рост числа атак исламистов, особенно в 2015 и 2017 гг., которые стали рекордными для Западной Европы по этому показателю. Что же касается Восточной Европы, то в этом регионе исламистская активность была выше, чем в Западной Европе, в 2008–2014 и 2016–2018 гг. Подавляющее большинство атак было осуществлено по территории Российской Федерации (112 из 119). Выявление причин всплесков числа терактов в Восточной Европе в указанные годы требует дополнительных изысканий в рамках отдельного исследования.

Наконец, самыми безопасными регионами с точки зрения угрозы исламистских атак можно назвать Австралию и Океанию и Восточную Азию. И если в первом случае все объясняется географической удаленностью и даже в некоторой степени изоляцией региона от эпицентров исламистского терроризма, то в случае с Восточной Азией необходимо проведение отдельного исследования, которое позволило бы оценить уровень исламистской угрозы для Китая, а также выявить соотношение исламизма и сепаратизма в идеологии радикальных группировок из среды уйгурских мусульман.

Обсуждение

Предложенная в статье авторская методика балльной оценки террористической активности исламистов, а также авторская выборка исследуемых группировок, на наш взгляд, позволяет вывести научное понимание феномена исламистского терроризма на более высокий уровень. Это достигается за счет опоры на эмпирические данные и достаточно обширные хронологические рамки, которые могут быть существенно расширены за счет возможностей Глобальной базы данных по терроризму, предоставляющей информацию о терактах, начиная с 1970 г. Это обуславливает не только научную, но и практическую значимость этой методики, которая может быть использована для изучения проявлений исламистского терроризма в отдельных странах либо на региональном или глобальном уровнях, выступая доступным инструментом для подтверждения выдвигаемых гипотез о развитии феномена исламистского терроризма.

Как и любые количественные методики, применяемые в социальных и гуманитарных дисциплинах, наш подход также имеет свои ограничения. Речь идет, главным образом, о том, что на данный момент ГБДТ не содержит полных данных за 2021–2024 гг. Это пока не позволяет делать эмпирически обоснованные выводы о текущих тенденциях в исламистском терроризме. Однако поскольку Мэрилендский университет, развивающий

ГБДТ, продолжает этот проект, в перспективе данное ограничение может быть снято. Также не исключаются возможности обращения к другим базам данных, обновляющим информацию несколько оперативнее, чем ГБДТ. Кроме того, перспективным представляется создание и развитие в России собственных баз данных по терроризму, которые более четко отражали бы российский подход к пониманию этого феномена.

Также следует отметить, что в ходе прикладного анализа оказалось очень сложно учитывать активность «зонтичных» групп, объединяющих малочисленные группировки с разными повестками (включая как светскую — например, сепаратизм или оппозиция правящему режиму, так и исламистскую). При этом ситуация усугубляется тем, что подобные «зонтичные» структуры чаще всего встречаются в государствах, охваченных вооруженными конфликтами (Ирак, Сирия, Ливия). В этой связи становится практически невозможно отделить участие исламистов в борьбе за власть в рамках гражданских войн, носящих гибридный характер (Почта, 2021), от собственно террористической деятельности, которая направлена на *запугование общества* путем систематического применения насилия. Как представляется, последний аспект выступает в качестве ограничения для исследований терроризма в целом, но в количественных методиках это проявляется наиболее «выпукло».

Заключение

Подводя итог вышесказанному, перечислим основные выводы данного исследования.

Представленная методика позволила выделить три этапа в деятельности исламистских террористических группировок. Первый (2000–2006) и второй (2007–2011) этапы связаны с деятельностью «Аль-Каиды» (запрещена в РФ) и аффилированных с ней группировок, а также террористической активностью «Движения Талибан» (запрещено в РФ) и организаций «моджахедов» в соседних с Афганистаном Пакистане и Индии. Серьезное влияние на рост активности исламистов на

этих этапах оказал конфликт в Ираке, который дестабилизировал страну и сделал ее еще одним «полигоном» для террористов наряду с Афганистаном. Что касается третьего этапа (2012–2020), то он связан с террористической активностью ИГИЛ (запрещено в РФ) и многочисленных присягнувших ему на верность группировок в Азии и Африке.

Эмпирический анализ помог подтвердить наличие прямой пропорциональной связи между ростом количества терактов, совершенных исламистами, и числом жертв в них. В более ранних исследованиях, посвященных связи между структурой и целями группировок и смертностью в терактах, был сделан аналогичный вывод. Однако для выявления такой связи в отдельных регионах требуется провести дополнительные изыскания.

В качестве научной новизны исследования, полученной в ходе применения представленной методики, можно выделить

опровержение достаточно распространенной точки зрения, связанной с восприятием региона БВСА в качестве эпицентра исламистского терроризма. Количественный анализ позволил установить, что первенство БВСА периодически оспаривала Южная Азия, а в 2011–2012 и 2019–2020 гг. Африка южнее Сахары «обходила» БВСА по количеству терактов исламистских групп, занимая второе место среди всех регионов мира.

Как представляется, предложенная методика может лечь в основу будущих исследований, направленных на выявление региональной специфики исламистского терроризма, сетевой анализ аффилированных группировок, а также уточнение критериев для выделения организаций, относящихся к исламистским, что в результате может способствовать выработке более четких определений таких понятий, как «исламистский терроризм» и «джихадизм».

Поступила в редакцию / Received: 14.10.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 10.12.2024

Принята к публикации / Accepted: 24.12.2024

Библиографический список

- Косач Г. Г.* ХАМАС. Национальное движение в религиозном обрамлении // Свободная мысль. 2020. № 1. С. 79–92. EDN: JQRSTQ
- Морозов В. М., Хачирова А. Б.* Компаративный анализ акторности ХАМАС и Хизбаллы и перспективы их встраивания в мировой политический порядок // Сравнительная политика. 2018. Т. 9, № 2. С. 105–113. EDN: XQRAGT
- Почта Ю. М.* Исламистский терроризм в контексте современных гибридных войн // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21, № 4. С. 734–746. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-734-746>; EDN: KXWIEL
- Ранджбар Д., Чикризова О. С.* «Позитивный мир» в исламском восприятии международных отношений: пример внешней политики Ирана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 278–295. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-278-295>; EDN: KMJXED
- Степанова Е. А.* Долгосрочный прогноз тенденций в области терроризма // Пути к миру и безопасности. 2016. № 1. С. 39–52. EDN: VXPUOV
- Степанова Е. А.* ИГИЛ и транснациональный исламистский терроризм // Пути к миру и безопасности. 2014. № 2. С. 13–27. EDN: TEYLNN
- Степанова Е. А.* Россия и США в борьбе с терроризмом (сравнительные угрозы и подходы, Сирия, Афганистан, противодействие насильственному экстремизму) // Пути к миру и безопасности. 2017. № 1. С. 13–54. <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2017-1-13-54>; EDN: ZBQDAJ
- Чикризова О. С.* Шиитские негосударственные вооруженные группировки на Ближнем Востоке: иракский кейс // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. № 1 (842). С. 74–85. https://doi.org/10.52070/2500-347X_2021_1_842_74; EDN: VPSXXW
- Яшлавский А. Э.* Исламистский терроризм в Африке в 2010–2020-е годы: основные тенденции и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68, № 4. С. 66–76. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-4-66-76>; EDN: TIQNQC

- Bakhshi U., Rousselle A.* The History and Evolution of the Islamic State in Southeast Asia // *Current Trends in Islamist Ideology*. 2024. Vol. 34. P. 5–26. URL: <https://s3.amazonaws.com/media.hudson.org/CT+34+final.pdf> (accessed: 12.10.2024).
- Carson J. V., Suppenbach M.* The Global Jihadist Movement: The Most Lethal Ideology? // *Homicide Studies*. 2018. Vol. 22, no. 1. P. 8–44. <https://doi.org/10.1177/1088767917733783>
- Choukkar M.* The Popular Front of India and Muslim Responses to Hindu Nationalism // *Current Trends in Islamist Ideology*. 2024. Vol. 34. P. 59–83. URL: <https://s3.amazonaws.com/media.hudson.org/CT+34+final.pdf> (accessed: 12.10.2024).
- Davis B.* Violent Extremist Organizations: Past Trends and Short-Term Forecast // *Journal of Strategic Security*. 2019. Vol. 12, no. 3. P. 37–156. <https://doi.org/10.5038/1944-0472.12.3.1737>
- Hamming R.* Global Jihadism after the Syria War // *Perspectives on Terrorism*. 2019. Vol. 13, no. 3. P. 1–16.
- Harrow M.* The Effect of the Iraq War on Islamist Terrorism in the West // *Cooperation and Conflict*. 2010. Vol. 45, no. 3. P. 274–293.
- Hegghammer T.* Global Jihadism after the Iraq War // *Middle East Journal*. 2006. Vol. 60, no. 1 (Winter). P. 11–32.
- Hemmingsen A.-S.* Bliver Syrien En Skole for Terrorister? // *Mellemøstens Nye Verden* / ed. by C. B. Kjærsgaard, L. E. Andersen. København : Ræson Medier, 2013. P. 28–42.
- Piazza J. A.* Is Islamist Terrorism More Dangerous? An Empirical Study of Group Ideology, Organization, and Goal Structure // *Terrorism and Political Violence*. 2009. Vol. 21, no. 1. P. 62–88. <https://doi.org/10.1080/09546550802544698>
- Piazza J. A., LaFree G.* Islamist Terrorism, Diaspora Links and Casualty Rates // *Perspectives on Terrorism*. 2019. Vol. 13, no. 5. P. 2–21.
- Schmid A. P., Jongman A. J.* *Political Terrorism: A New Guide to Actors, Authors, Concepts, Data Bases, Theories and Literature*. Amsterdam : Swidoc, 1988.
- Tan A. T. H.* Contemporary Terrorism Challenges and Responses in the Indo-Pacific // *Journal of Policing, Intelligence and Counter Terrorism*. 2024. Vol. 19, no. 3. P. 297–304. <https://doi.org/10.1080/18335330.2024.2346474>
- The Routledge Handbook of Terrorism Research* / ed. by A. P. Schmid. London, New York : Routledge, 2011.

Сведения об авторе:

Чикризова Ольга Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; eLibrary SPIN-код: 2963-7598; ORCID: 0000-0002-1678-0967; e-mail: chikrizova-os@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-1-45-55

EDN: JFALXT

Научная статья / Research article

Политизация мировой энергетики: исторический и современный контекст

Ю.В. Боровский

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

 yuribor@mail.ru

Аннотация. Противостояние, в котором оказались Россия и Запад из-за конфликта на Украине, явило всему миру очередной, причем беспрецедентный пример политизации мировой энергетики. Политизация энергетики — важное явление в международных отношениях, которое пока не получило должной теоретической проработки. Цель исследования — комплексное рассмотрение и типологизация основных международных проявлений политизации энергетики как в истории, так и в современных международных отношениях с особым фокусом на «энергетическом противостоянии» России и Запада, возникшем в ходе конфликта на Украине. Теоретически исследование опирается на существующую концептуальную проработку термина «политизация», а также видение международных отношений сторонниками социального конструктивизма и политического реализма. Применяются методы исторического, системного и сравнительного анализа, а также метод аналогии. Автор приходит к выводу, что политизация энергетики, будучи неотъемлемым атрибутом международных отношений за последние 50 лет, может быть скрытой или открытой, умеренной или крайней. Крайняя форма политизации, в отличие от умеренной, предполагает применение «энергетического оружия» в политических целях, что приравнивает ее к энергетической войне. Энергетические войны могут быть ограниченными или полномасштабными; односторонними (безответными), двусторонними или многосторонними. Конфликт на Украине спровоцировал открытую и крайнюю политизацию энергетики, которая после начала специальной военной операции (СВО) приобрела форму полномасштабной, двусторонней энергетической войны. США и их союзники, желая повлиять на российскую политику в отношении Украины, применили в полной мере свое «энергетическое оружие», и Россия ответила тем же, правда, в ограниченном масштабе.

Ключевые слова: поставки энергоресурсов, энергетическое оружие, энергетическая война, санкции, конфликт, Россия, Запад, США

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Боровский Ю. В. Политизация мировой энергетики: исторический и современный контекст // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 1. С. 45–55. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-45-55>

© Боровский Ю.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Politicization of Global Energy Supply: Historical and Contemporary Context

Yury V. Borovsky

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

 yuribor@mail.ru

Abstract. The ongoing confrontation between Russia and the West over the conflict in Ukraine has revealed another, and unprecedented, example of the politicization of global energy supply. The politicization of energy supply represents an important phenomenon in international relations, which still lack a proper theoretical elaboration. This article aims to comprehensively examine and typologize the main manifestations of the politicization of global energy supply both in history and in modern international relations, with a special focus on the ‘energy confrontation’ between Russia and the West, provoked by the conflict in Ukraine. Theoretically, the research is based on the existing conceptual elaboration of the term ‘politicization,’ as well as on the vision of international relations by proponents of social constructivism and political realism. It relies on the methods of historical, system and comparative analysis, as well as the method of analogy. The author concludes that the politicization of energy supply is an integral attribute of international relations in the last half century. It can be hidden or open, moderate or extreme. The extreme form of politicization of energy supply, in contrast to the moderate one, involves the use of ‘energy weapons’ for political purposes, which equates it to an energy war. Energy wars can be limited or full-scale; unilateral, bilateral or multilateral. The conflict in Ukraine has provoked an open and extreme politicization of energy supply, which took the form of a full-scale, bilateral energy war after the start of Russia’s special military operation. The United States and its allies, seeking to influence the Russian policy towards Ukraine, have used ‘energy weapons’ to the fullest, and Russia has responded in kind, albeit on a limited scale.

Key words: energy supply, energy weapon, energy war, sanctions, conflict, Russia, West, USA

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Borovsky, Yu. V. (2025). Politicization of global energy supply: Historical and contemporary context. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(1), 45–55. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-45-55>

Введение

Политизация энергетики — одна из ключевых международных проблем современности, имеющая прецеденты в истории. Противостояние России и западных государств, спровоцированное украинским конфликтом и усилившееся после начала специальной военной операции (СВО) России на Украине, еще больше обострило данную проблему, которая на сегодняшний день не имеет должной теоретической проработки, хотя периодически затрагивается в научных публикациях. Исследование направлено на комплексное рассмотрение и типологизацию проявлений политизации энергетики как в истории, так и в современных международных отношениях с акцентом на «энергетическом противостоянии» России и Запада, возникшем в ходе конфликта на Украине.

Теоретическую базу исследования составляет существующая концептуальная

проработка термина «политизация», а также социальный конструктивизм и политический реализм. Методологически исследование опирается на исторический, системный и сравнительный анализ, а также метод аналогии.

Понятие «политизация»

В научном дискурсе термин «политизация» (*politicization*) встречается довольно часто. В фокусе внимания исследователей — политизация экономики, торговли, энергетики, международных институтов, культуры, религии, этничности, науки, истории, искусства, СМИ, прав человека и т. д.¹ Если

¹ Scherrer C. P. Violent Conflict: Contemporary Warfare, Mass Violence and Genocide — Dataset 1985–2005, Typologies, and Trends // *Encyclopedia of Violence, Peace, & Conflict* / ed. by L. Kurtz. Academic Press, 2008. P. 2331–2382. <https://doi.org/10.1016/B978-012373985-8.00237-3>. См. также: (Боровский, 2008; Данилов, 2010; Чернявская, 2013; Лебедев, 2015; Борисова, 2018; Ефанов, 2021; Sassi, 2023).

обобщить и систематизировать существующие определения «политизации»², то под данным термином следует понимать процесс, в ходе которого неполитические по своей изначальной природе явления, сферы и институты социального (в том числе международного) взаимодействия начинают видаться в политическом ракурсе, то есть в контексте борьбы за власть или силового противостояния — в рамках одного государства или в международном контексте. Следовательно, политизация способна искажать, лишая объективности те социальные процессы, сферы и институты, которые она затрагивает, заставляя участников этих процессов принимать во внимание и даже ставить во главу угла некие политические факторы.

С точки зрения теории международных отношений политизация, будучи социальным явлением, в наибольшей степени укладывается в воззрения конструктивистской школы. Поскольку в центре внимания последней находится концепция секьюритизации (*securitization*), разработанная представителями Копенгагенской школы, возникает немаловажный вопрос о понятийном соотношении политизации и секьюритизации. Под секьюритизацией конструктивисты понимают процесс, в ходе которого определенные вопросы, явления или акторы политизируются и начинают восприниматься государствами, группой государств или иными международными акторами в качестве угрозы их безопасности. При этом процесс секьюритизации развивается по четко установленному алгоритму (Buzan & Wæver, 2003).

В международном научном сообществе вопрос о том, являются ли секьюритизация и политизация одним и тем же или двумя разными процессами, уже поднимался³. Если опираться на накопленные теоретические знания, представляется более правильным

считать секьюритизацию и политизацию двумя разными, но в то же время взаимосвязанными процессами (Bourbeau, 2011), поскольку секьюритизация того или иного вопроса, явления или актора обязательно подразумевает их политизацию (Buzan & Wæver, 2003). Иными словами, допустимо полагать, что политизация — неотъемлемый атрибут секьюритизации.

В рамках реалистской теоретической концепции международные отношения рассматриваются сугубо через призму политики и борьбы за власть, и, как следствие, любые неполитические сферы международного взаимодействия (экономика, финансы, торговля, энергетика и др.) трактуются исключительно с точки зрения фактора силы или слабости государств и даже с точки зрения использования этих сфер как «оружия»⁴.

Исходя из этого, можно сделать два вывода.

Первый заключается в том, что политизация, если она имеет место, подтверждает торжество воззрений реалистской школы или того факта, что политика способна обуславливать развитие различных (если даже не всех) сфер социальных отношений.

Второй состоит в том, что политизация фактически является процессом перемещения того или иного неполитического вопроса в сферу политики или в область политического реализма.

В то время как вопрос об установлении четкого алгоритма действий актора по отношению к аудитории для процесса политизации (аналогично тому, что зафиксирован Копенгагенской школой для секьюритизации) остается открытым, несомненно важной и актуальной видится задача по определению различных типов политизации. Так, например, в области экономики давно существует типология инфляции. По форме своего проявления инфляция может быть как открытой,

² Kay D. A. *The Functioning and Effectiveness of Selected United Nations Systems Programs*. St. Paul: West Publishing Company, 1980. См. также: (Wells, 1987, pp. 1–23; Palonen, 2003; Bobba & Hubé, 2021).

³ Bourbeau P. *Securitization* // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences* / ed. by J. D. Wright. Elsevier, 2015. P. 395–399. <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.96056-2>

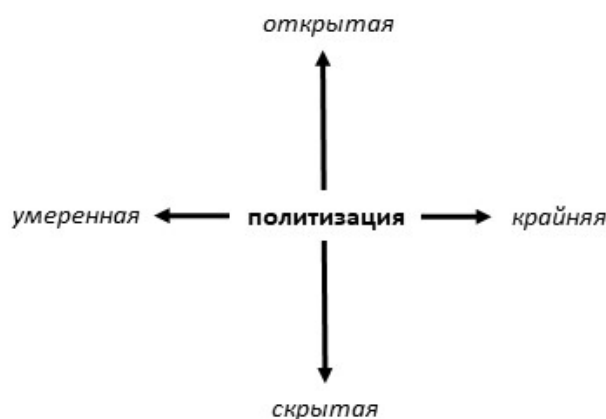
⁴ Lobell S. E. *Structural Realism. Offensive and Defensive Realism* // *The International Studies Encyclopedia* / ed. by R. A. Denemark, R. Marlin-Bennett. Wiley-Blackwell, 2010. P. 6651–6669. <https://doi.org/10.1093/acref/9780191842665.001.0001>. См. также: (Боровский, 2023; Luft & Korin, 2009).

так и скрытой. Исходя из темпов или уровня — умеренной, галолирующей и с приставкой «гипер» (Андрианов, 2010).

По аналогии с инфляцией политизация по форме своего проявления может быть как *открытой*, так и *скрытой*. В первом случае речь идет о политизации, которую государство или иной актор не скрывают и открыто фиксируют в своих документах, речевых актах и действиях. Во втором — о политизации, которая имеет место, но при этом государство или иной актор публично себя с ней не ассоциируют. В отличие от инфляции политизация не может быть измерена количественно. Тем не менее ее допустимо дифференцировать как *умеренную* или *крайнюю*.

В тех случаях, когда государства или их объединения, стремясь к достижению своих политических целей, используют невоенные ресурсы в качестве «оружия» (поставки нефти, газа или зерна; экспорт технологий; средства массовой информации и т. д.), допустимо говорить о крайней форме политизации той сферы международных отношений, в которой она имеет место (например, энергетика, торговля, информационное пространство). Исходя из известного изречения Карла фон Клаузевица «Война есть не что иное, как продолжение государственной политики иными средствами», содержащегося в трактате «О войне» (Зоткин, 2019), крайние проявления политизации следует отождествлять с торговыми, энергетическими⁵, технологическими и иными войнами, ведущимися вне традиционного поля боя. Такие войны могут быть ограниченными и полномасштабными, односторонними (или безответными), двусторонними и многосторонними. Соответственно, политизацию, которая не сопряжена с применением торгового, энергетического, технологического, информационного и иного подобного «оружия», следует считать умеренной (рис.).

⁵ Жизнин С. З., Абдрасулов Н. К. Современные энергетические войны и кризисы: угрозы миру // Независимая газета. 27.07.2023. URL: https://www.ng.ru/energy/2023-07-27/100_energy27072023.html (дата обращения: 16.09.2024).

Типология политизации

Источник: составлено Ю.В. Боровским.

Политизация энергетики в истории международных отношений

До начала конфликта на Украине в 2014 г. и тем более СВО в 2022 г. в международном сообществе с политизацией энергетики по большому счету ассоциировались несколько кейсов. Один из наиболее крупных из них связан с ярко политизированной реакцией нефтеэкспортирующих стран Персидского залива на поддержку западными странами Израиля в войне Судного дня (6–25 октября 1973 г.), выразившейся в 70-процентном повышении цены на нефть, ежемесячном 5-процентном снижении нефтедобычи, а также во введении эмбарго на поставки нефти в США, Нидерланды, Португалию и ЮАР, обвиненные в помощи Израилю в ходе войны (Ергин, 2023, с. 634–663; Скороходова, 2021, с. 44–102; Макаров, Чупилкин, 2021).

Действия нефтеэкспортеров Персидского залива в 1973–1974 гг. можно считать проявлением как открытой, так и крайней политизации энергетики в форме полномасштабной⁶, но при этом односторонней энергетической войны, поскольку ответных действий стран Запада в отношении них не последовало. Несколько позже, в ноябре 1979 г., США, реагируя на Исламскую революцию в Иране и непосредственно на захват американского посольства в Тегеране, не только разорвали

⁶ В силу масштаба и весьма широкого спектра принятых мер.

дипломатические отношения с возникшей Исламской Республикой Иран, но и ввели эмбарго на поставку иранской нефти на американский рынок с целью не только наказать, но и подорвать новую власть в Тегеране (Ергин, 2023, с. 727–731). В данном случае также уместно говорить об открытой и крайней политизации энергетики в форме односторонней и ограниченной энергетической войны.

Весьма примечательно, что с 1970-х гг. в международном контексте и дискурсе неизменно присутствует проблема энергетической безопасности, обязательно рассматриваемая с точки зрения политизированных действий государств, а межгосударственные энергетические отношения непременно трактуются в политическом ключе. Иными словами, с 1970-х гг. государства мира видят в энергетике важный внешнеполитический рычаг, с помощью которого можно либо побуждать, либо принуждать своих контрагентов в лице как потребителей, так и поставщиков энергоносителей к определенным политическим и иным действиям (Голунов, 2021; Скороходова, 2021; Боровский, 2022, с. 11–49; Venn, 2002; Yergin, 2011, pp. 264–284).

Обвал мировых цен на нефть, спровоцированный Саудовской Аравией в середине 1980-х гг., исследуется не только сквозь призму острой конкурентной борьбы за рынки сбыта и реформирования глобального рынка нефти в контексте формирования биржевой спотовой торговли (Скороходова, 2021, с. 182–212; Ергин, 2023, с. 807–834). Некоторые специалисты объясняют это обрушение «совместной политической акцией» Вашингтона и Эр-Рияда, направленной против Москвы (Лоран, 2008, с. 182–212; Боровский, 2022, с. 252–253). Если принять данную гипотезу, построенную на вполне убедительной фактологии, то в глубоком падении мировых цен на нефть в середине 1980-х гг. можно увидеть крайнюю, но при этом скрытую политизацию мировой энергетики. Иными словами, Саудовская Аравия в рамках необъявленной ограниченной энергетической войны с СССР тайно и односторонне использовала с подачи США нефть в качестве «оружия» в расчете на политическое ослабление советского

государства, ожидая параллельно получить сопутствующие экономические выгоды.

Еще один кейс, ярко демонстрирующий, правда, исключительно с западной точки зрения, политизацию мировой энергетики, касается неоднократной остановки подачи российского газа на Украину в январе 2006 г., январе 2009 г. и июне 2014 г. Трактовки данных инцидентов на Западе и в России в корне расходятся. Москва настаивает на том, что она вынужденно пошла на такую исключительную меру в силу сугубо коммерческих причин, а именно — категорического отказа Киева покупать российский газ на рыночных (или близких к рыночным) условиях, а также платить по газовым долгам⁷. В США и странах Европейского союза (ЕС), напротив, видят в подобных, якобы необязательных действиях России, политический умысел — желание как наказать Украину за ее прозападный курс, так и побудить ее учитывать российские политические интересы⁸. Таким образом, в глазах Запада речь идет о тайном применении Россией своего «энергетического оружия» в политических целях и, значит, скрытой и крайней политизации энергетики. Если до конца придерживаться предложенной типологии, описанные действия России в отношении Украины можно назвать односторонней и ограниченной энергетической войной.

Политизация мировой энергетики проявляется не только в контексте резонансных международных событий — кризисов, кон-

⁷ См.: Pirani S., Stern J., Yafimava K. The Russo-Ukrainian Gas Dispute of January 2009: A Comprehensive Assessment // Oxford Institute for Energy Studies. February 2009. URL: <https://ora.ox.ac.uk/objects/uuid:3e2ad362-0bec-478a-89c1-3974c79363b5> (accessed: 20.09.2024); Российско-украинские газовые конфликты. Досье // ТАСС. 16.06.2014. URL: <https://tass.ru/info/1128520?ysclid=m74pbkhc59578799889> (дата обращения: 20.09.2024).

⁸ Pirani S., Stern J., Yafimava K. The Russo-Ukrainian Gas Dispute of January 2009: A Comprehensive Assessment // Oxford Institute for Energy Studies. February 2009. URL: <https://ora.ox.ac.uk/objects/uuid:3e2ad362-0bec-478a-89c1-3974c79363b5> (accessed: 20.09.2024). См. также: (Саква, 2010; Henderson, 2016; Grigas, 2017; Rodríguez-Fernández, Carvajal & Ruiz-Gómez, 2020).

фликтов или споров. На основе энергетики могут создаваться крепкие политические альянсы или выстраиваться «особые отношения». В годы холодной войны такие «особые отношения» связывали США и нефтеэкспортирующие монархии Персидского залива, включая, прежде всего, Саудовскую Аравию (Симония, 2005; Скороходова, 2021), а также СССР и страны — члены Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). В XXI в. данную практику перенял Китай, начав активно выстраивать отношения по формуле «энергетика плюс политика» с целым рядом экспортирующих углеводороды стран, включая Россию, Туркменистан, Иран, Саудовскую Аравию, Венесуэлу и Анголу. Попытка построить подобные отношения имела место у России и Германии в 2000–2010-е гг., но не увенчалась успехом (Боровский, 2022).

Поставки политическим и идейным союзникам ископаемых энергоносителей по заниженным, нерыночным ценам — нередкое явление. Данная практика, например, свойственна России по отношению к Белоруссии (Боровский, 2022), а также Венесуэле в отношении Кубы и ряда других стран Карибского бассейна⁹. Однако страна-экспортер может, напротив, завышать цены на энергоносители для государств, которые проявляют к ней политическую нелояльность или следуют неверным в ее понимании политическим курсом. В подобных действиях в прошлом нередко обвиняли Россию, указывая на якобы завышенную стоимость ее газа для некоторых стран Восточной Европы, включая Польшу и Болгарию, хотя Москва подобные обвинения решительно отвергала¹⁰.

Если опираться на предложенную типологию, межгосударственные отношения, строящиеся по формуле «энергетика плюс

политика», а также политически мотивированные поставки энергоносителей по заниженным или завышенным с точки зрения рынка ценам допустимо считать проявлениями умеренной и вместе с тем скрытой политизации энергетики, так как государства, ассоциируемые с данными практиками, публично себя с ними не связывают.

Как в годы холодной войны, так и после нее Соединенные Штаты и другие страны Запада на регулярной основе применяют «энергетические санкции» в политических целях. Целью таких санкций становятся главным образом нефте- и газэкспортирующие страны, которые, с точки зрения Запада, идут «неверным» политическим курсом. Если не брать в расчет санкционную политику западных государств в контексте конфликта на Украине (о ней будет сказано ниже), объектами «энергетических санкций» Запада за последние десятилетия (помимо СССР) выступали, прежде всего, Ирак, Венесуэла, Иран, Сирия, Ливия и Судан¹¹.

Данные «недружественные» практики можно трактовать по-разному. В случаях, когда «энергетические санкции» Запада направлены по большей мере на ослабление «неудобной» страны-экспортера, более уместно говорить об умеренной политизации энергетики (например, ограничения, наложенные на экспорт иракской нефти после войны в Персидском заливе). Когда же «энергетические санкции» Запада, напротив, видятся в качестве «оружия», то есть призваны не столько ослабить, сколько принудить к каким-то действиям или даже низложить «неудобный» режим в определенной стране-экспортере, более правильно рассматривать такие санкции в качестве крайнего проявления политизации энергетики и ограниченных энергетических войн (например, жесткие санкции, наложенные на экспорт венесуэльской нефти после не признанных Западом результатов президентских выборов 2018 г.) (Семёнов, 2022; Боровский, 2023).

¹¹ Sanctions Programs and Country Information // Office of Foreign Assets Control. U.S. Department of the Treasury. URL: <https://ofac.treasury.gov/sanctions-programs-and-country-information> (accessed: 24.09.2024). См. также: (Боровский, 2023).

⁹ Goldwyn D. L., Gill C. R. Uncertain Energy: The Caribbean's Gamble with Venezuela // Atlantic Council. July 2014. URL: https://www.atlanticcouncil.org/wp-content/uploads/2014/07/Petrocaribe_RDO_18.pdf (accessed: 20.09.2024).

¹⁰ Kramer A.E. Gazprom Faces Effects of Politics on Its Bottom Line // The New York Times. April 22, 2015. URL: <https://www.nytimes.com/2015/04/23/business/international/gazprom-faces-effects-of-politics-on-its-bottom-line.html> (accessed: 22.09.2024).

И наконец, нередко политизация мировой энергетики видится в самом четвертом энергопереходе, связанном с отказом человечества от ископаемого топлива и переходом на возобновляемые и иные углеродно-нейтральные источники энергии. Речь якобы идет о негласном и завуалированном намерении импортеров углеводородов в лице западных стран девальвировать ключевой статус нефти и газа в мировой энергетике и тем самым лишить ведущих нефтегазовых экспортеров (страны — члены Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК), Россию и др.) их грозного «энергетического оружия» в виде эмбарго и завышения цен.

Вместе с тем современная климатическая повестка, неразрывно связанная с четвертым энергопереходом, рискует стать крайне политизированной уже в недалеком будущем. Это произойдет в случае, если государства и их объединения начнут использовать углеродные (или «зеленые») пошлины, а также санкции в качестве политического «оружия». Далеко не случайно в октябре 2021 г. президент РФ В.В. Путин назвал сбережение климата общей задачей человечества, однако призвал страны мира не использовать климатическую повестку в качестве «орудия для продвижения собственных экономических и политических интересов»¹². На данный момент проблематика четвертого энергоперехода и борьбы с изменением климата пока не вышла за рамки умеренной политизации энергетики.

Политизация энергетики в контексте конфликта на Украине

После начала кризиса на Украине в феврале 2014 г. западные страны во главе с США явили всему миру новый пример открытой и крайней политизации энергетики в форме ограниченной и односторонней энергетической войны. Обвинив Россию «в аннексии Крыма и поддержке сепаратистов на Донбассе», они явно, но при этом сдержанно приме-

¹² Пленарное заседание международного форума «Российская энергетическая неделя» // Президент России. 13.10.2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66916> (дата обращения: 23.09.2024).

нили против российского государства «энергетическое оружие» с целью «принудить его к уважению суверенитета и территориальной целостности Украины»¹³. В результате все ведущие энергетические компании РФ лишились доступа к долгосрочному финансированию в западных финансовых институтах, а на торговлю ценными бумагами этих компаний были наложены серьезные ограничения. Под санкции Запада также попали все реализуемые и будущие проекты на территории РФ, касающиеся добычи углеводородов на глубоководных морских участках, арктическом шельфе, а также в низкопроницаемых коллекторах, включая сланцевые породы (Сидорова, 2016; Vaganova, 2022). В итоге российский топливно-энергетический комплекс (ТЭК), конечно, ощутил негативный эффект от «недружественных» шагов западных стран, однако этот эффект был явно ограниченным, поскольку введенные Западом «энергетические санкции» существенным образом не влияли на текущую добычу и экспорт российских углеводородов и в большей мере должны были оказать долгосрочный эффект.

Вслед за началом СВО России на Украине в феврале 2022 г. политизация мировой энергетики благодаря усилиям США и ведомых ими стран достигла беспрецедентного за всю историю уровня. Стремясь побудить Россию отказаться от «агрессии» в отношении Украины, а также нанести ей стратегическое поражение, Соединенные Штаты вместе с союзниками вновь применили «энергетическое оружие», но на этот раз сделали это полномасштабно¹⁴, даже рискнув поставить под удар стабильность не только собственной, но и мировой системы энергоснабжения (Yangyang et al., 2023).

Во-первых, было введено тотальное или почти тотальное эмбарго на импорт российских ископаемых энергоносителей применительно к рынкам западных стран. Во-вторых,

¹³ Trainer J., Lokker N., Taylor K., Certan U. Sanctions by the Numbers: The Russian Energy Sector // Center for a New American Security. April 4, 2024. URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/sanctions-by-the-numbers-the-russian-energy-sector> (accessed: 23.09.2024).

¹⁴ Ibid. См. также: (Vaganova, 2022).

были созданы обременительные финансовые, транспортные и иные труднопреодолимые барьеры для поставок российских нефти, нефтепродуктов и сжиженного природного газа на альтернативные рынки, включая введение ценовых потолков. В-третьих, в силу разных причин, включая боевые действия на Украине, санкции, а также «акты терроризма на государственном уровне» (имеется в виду подрыв ниток газопроводов «Северный поток — 1» и «Северный поток — 2» в сентябре 2022 г.)¹⁵, почти перестала работать газотранспортная инфраструктура, связывающая Россию и Европу. В-четвертых, правительства западных стран настоятельно рекомендовали своим национальным энергетическим компаниям покинуть российский рынок, что они в подавляющем большинстве и сделали (Боровский, 2023; Yangyang et al., 2023; Batzella, 2024).

Вряд ли следует оспаривать тот факт, что главными виновниками политизации энергетики в период после февраля 2022 г. являются западные государства. Однако и в ответных действиях России можно определенно увидеть политизацию энергетики, пусть даже в ограниченном масштабе. В марте 2022 г. президент В.В. Путин подписал указ о переходе России в расчетах за газ с недружественными странами на рубли¹⁶. Из-за вполне ожидаемого отказа Польши и Болгарии использовать российскую валюту в расчетах «Газпром» прекратил подачу газа в эти две страны, что стало очередным поводом обвинить Россию в использовании «энергетического оружия» в политических целях¹⁷. В мае

¹⁵ Путин назвал подрыв «Северных потоков» терроризмом на госуровне // Известия. 11.10.2023. URL: <https://iz.ru/1587758/2023-10-11/putin-nazval-podryv-severnykh-potokov-terrorizmom-na-gosurovne> (дата обращения: 25.09.2024).

¹⁶ Путин подписал указ о продаже газа за рубли недружественным странам // РБК. 31.03.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/31/03/2022/6245aafb9a7947e20b83407a> (дата обращения: 15.09.2024).

¹⁷ Tsolova T., Koper A. Europe Decries ‘Blackmail’ as Russia Cuts Gas to Poland, Bulgaria // Reuters. April 27, 2022. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/gazprom-says-it-halts-gas-supplies-poland-bulgaria-payments-row-2022-04-27/> (accessed: 15.09.2024).

2022 г. Москва отказалась от поставок газа по трубопроводу «Ямал — Европа», идущему через Белоруссию в Польшу и Германию. В июле 2022 г. «Газпром» по причине профилактики неожиданно и на относительно продолжительный срок остановил прокачку газа по газопроводу «Северный поток — 1»¹⁸. В итоге в Евросоюзе увидели политическую заинтересованность Москвы в резком падении экспорта российского газа европейским потребителям¹⁹. Помимо сказанного выше, в действиях российских вооруженных сил, которые в ходе СВО регулярно наносят ракетные удары по энергетической инфраструктуре Украины, снабжаемой и финансируемой Западом, можно также увидеть проявление политизации энергетики.

Таким образом, после начала СВО, послужившей причиной для крайне жестких «энергетических санкций» Запада и ответных действий России, мир стал свидетелем беспрецедентной по своему размаху открытой (прежде всего, относительно действий Запада) и крайней политизации энергетики в форме полномасштабной двусторонней энергетической войны.

Вместе с тем украинский кризис не только обострил, но и ускорил процесс формирования многополярного миропорядка, который уже в недалекой перспективе должен прийти на смену уходящему однополярному. Данный политический по своей главной сути процесс затронул и сферу энергетики.

Во-первых, с декабря 2016 г. существует и развивается новый формат взаимодействия стран — экспортеров нефти, получивший название ОПЕК+. Он объединил в режиме *ad hoc* 12 стран — членов нефтяного картеля, а также 11 государств, находящихся за

¹⁸ Lawson A. ‘Gas Blackmail’: How Putin’s Weaponised Energy Supplies Are Hurting Europe // The Guardian. July 15, 2022. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/jul/15/gas-blackmail-how-putins-weaponised-energy-supplies-are-hurting-europe> (accessed: 16.09.2024). См. также: (Laryš, 2024).

¹⁹ Кавешников Н. Ю. Реакция Евросоюза на энергетический кризис 2022 г. // Аналитическая записка РСМД. 2023. № 42. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/policybriefs/reaktsiya-evrosoyuza-na-energeticheskiy-krizis-2022-g/> (дата обращения: 16.09.2024).

периметром ОПЕК, включая Россию, Бразилию и Мексику. Формально ОПЕК+ (равно как и ОПЕК) призвана поддерживать стабильные цены на нефть в интересах ее участников²⁰. Однако также налицо негласная политическая солидарность вовлеченных в ОПЕК+ государств, озабоченных как ростом добычи сланцевой нефти в США, так и сокращающимся мировым спросом на нефть из-за процесса декарбонизации энергетики, усиленно продвигаемого Западом.

Во-вторых, с вхождением в БРИКС ведущих стран — членов ОПЕК (Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) и Ирана) энергетическое сотрудничество в рамках данного межгосударственного объединения, имеющего также в своих рядах Россию, Бразилию, Индию, Китай, Южно-Африканскую Республику (ЮАР), Египет и Эфиопию, имеет все шансы выйти на новый уровень (Мастепанов, 2024). В силу того, что БРИКС является одним из главных олицетворений формирующегося многополярного мира, нельзя исключать возможности скрытой политизации его энергетической повестки.

В-третьих, Россия, столкнувшаяся с крайне жесткими «энергетическими санкциями» Запада, в сущности, ощутила солидарную поддержку многих государств незападного мира. Индия, Китайская Народная Республика (КНР), Турция и целый ряд других западных стран — импортеров нефти фактически помогли России избежать коллапса ее нефтяной промышленности, согласившись в крайне сжатые сроки нарастить импорт российской нефти²¹, в том числе за счет «нетрадиционных» схем поставок. Партнеры России по ОПЕК+, включая Саудовскую Аравию и ОАЭ, оперативно переключились на рынки, откуда вынуждена была уйти Россия, и одно-

временно освободили для нее ниши в западных странах-импортерах, прежде всего в Индии и КНР.

Таким образом, применительно к формату ОПЕК+, усилению политико-энергетической составляющей БРИКС, а также негласному содействию России со стороны целого ряда западных стран в деле преодоления западных «энергетических санкций» можно определенно говорить о скрытой и в то же время умеренной политизации энергетики.

Заключение

Политизация энергетики — неотъемлемый атрибут международных отношений в течение последних 50 лет. Она может быть скрытой или открытой, умеренной или крайней. Крайняя политизация энергетики, в отличие от умеренной, предполагает применение государством или объединением государств «энергетического оружия» в политических целях, что приравнивается к энергетической войне. Энергетические войны могут быть ограниченными или полномасштабными; односторонними, двусторонними или многосторонними.

История и современность дают немало примеров политизации энергетики разных типов. Например, открытую и крайнюю политизацию энергетики можно увидеть в действиях нефтеэкспортеров Персидского залива в 1973–1974 гг., а также в «энергетических санкциях» Запада, введенных против России после начала СВО в 2022 г. Эти два примера могут одновременно олицетворять полномасштабную «энергетическую войну», правда, в первом случае — одностороннюю, во втором — двустороннюю.

Политизация мировой энергетики проявляется не только в контексте резонансных международных событий — кризисов, конфликтов, споров. С политизацией энергетики, носящей скрытый и умеренный характер, можно связывать «особые отношения» по формуле «энергетика плюс политика» (США и Саудовская Аравия, Россия и КНР и др.), поставки энергоносителей по политизированным (заниженным или завышенным по отношению к рынку) ценам (Россия — Белоруссия,

²⁰ Saudi Arabia, Russia, Iraq, the United Arab Emirates, Kuwait, Kazakhstan, Algeria, and Oman Extend Voluntary Cuts // OPEC. September 5, 2024. URL: https://www.opec.org/opec_web/en/press_room/7369.htm (accessed: 25.09.2024).

²¹ Perkins R. Interactive: Global Oil Flow Tracker // S&P Global. January 8, 2025. URL: <https://www.spglobal.com/commodityinsights/en/market-insights/latest-news/oil/072122-interactive-global-flow-tracker-recording-changes-russian-oil-exports> (accessed: 14.01.2025).

Венесуэла — Куба и др.), межгосударственное взаимодействие в формате ОПЕК+, а также де-факто негласное содействие России в преодолении западных «энергетических санкций» со стороны многих незападных стран (Индия, КНР и т. д.).

Конфликт на Украине спровоцировал открытую и крайнюю политизацию мировой энергетики, которая после начала СВО достигла беспрецедентных масштабов, поскольку

западные государства решили в полной мере применить против России доступное им «энергетическое оружие», рискуя поставить под удар не только собственную, но и мировую систему энергоснабжения. В итоге мир стал свидетелем очередной энергетической войны, которая в 2014–2022 гг. носила односторонний и ограниченный характер, а после февраля 2022 г. трансформировалась в двустороннюю и полномасштабную.

Поступила в редакцию / Received: 26.09.2024
Доработана после рецензирования / Revised: 15.12.2024
Принята к публикации / Accepted: 24.12.2024

Библиографический список

- Андреанов В. Д. Инфляция: причины возникновения и методы регулирования. Москва : Экономика, 2010. EDN: VRVQJZ
- Борисова А. Р. Политизация экономики США: от Буша к Трампу // США & Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 7. С. 65–78. <https://doi.org/10.31857/S03212068000016-1>; EDN: XZTVWP
- Боровский Ю. В. Международное измерение энергетической безопасности: Россия и мир (1991–2021 гг.). Москва : Аспект Пресс, 2022. EDN: FXWSHS
- Боровский Ю. В. Политизация мировой энергетики // Международные процессы. 2008. Т. 6, № 1. С. 19–28. EDN: OHWREZ
- Боровский Ю. В. Чем движем Запад в своей энергетической политике? // Международные процессы. 2023. Т. 21, № 1. С. 189–211. <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.1.72.4>; EDN: HVPKBM
- Голунов С. В. Энергетические рычаги внешней политики : опыт России и США // Международные процессы. 2021. Т. 19, № 1. С. 56–73. <https://doi.org/10.17994/IT.2021.19.1.64.3>; EDN: CESVFR
- Данилов М. В. Концепт «политизация» в научном и общественно-политическом дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2010. Т. 10, вып. 2. С. 92–96. EDN: MUIEOV
- Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. Москва : Альпина Паблишер, 2023.
- Ефанов А. А. Политизация спорта посредством медиа: синкретизм социальных институтов // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10, № 1. С. 130–140. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10\(1\).130-140](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(1).130-140); EDN: ZGEUVN
- Зоткин А. А. Война, политика и мир в трактовке К. фон Клаузевица // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2019. № 2. С. 113–127. EDN: BCYXRG
- Лебедев В. С. Политизация религии в современном мире: концептуализация проблемы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2015. Т. 11, № 3. С. 192–198. EDN: VXBVXF
- Лоран Э. Нефть. Ложь, тайны, махинации. Москва : Столица-Принт, 2008.
- Макаров И. А., Чупилкин М. С. Энергетический Пёрл-Харбор // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19, № 1. С. 38–53. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-1-38-53>; EDN: XZIVCW
- Мастепанов А. М. Энергетическое сотрудничество стран БРИКС в условиях фрагментации мировой экономики и глобального кризиса // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2024. № 8. С. 42–58. EDN: EYKFRB
- Саква Р. Сырьевой сектор России: экономика контроля и политика ренты // Неприкосновенный запас. 2010. № 6. С. 112–130.
- Семёнов В. Л. Влияние санкций США на экономику Венесуэлы // США & Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 1. С. 53–66. <https://doi.org/10.31857/S2686673022010047>; EDN: LMRGZR
- Сидорова Е. А. Энергетика России под санкциями Запада // Международные процессы. 2016. Т. 14, № 1. С. 143–155. <https://doi.org/10.17994/IT.2016.14.1.44.11>; EDN: VXDGD
- Симония Н. А. Нефть в мировой политике // Международные процессы. 2005. Т. 3, № 3. С. 4–17. EDN: OHWPUL

- Скорородова О. Н. Эпоха великих потрясений : энергетический фактор в последние десятилетия холодной войны. Москва : АСТ, 2021.
- Чернявская В. Е. Политизация истории как стратегия создания новой государственной идентичности: лингвистический анализ // Политическая лингвистика. 2013. № 4. С. 85–90. EDN: RSOTGF
- Batzella F. Slowly but Surely? Assessing EU Actorness in Energy Sanctions Against Russia // *Energy Policy*. 2024. Vol. 192. Art. 114233. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2024.114233>; EDN: BABRLX
- Bobba G., Hubé N. COVID-19 and Populism: A Sui Generis Crisis // *Populism and the Politicization of the COVID-19 Crisis in Europe* / ed. by G. Bobba, N. Hubé. Cham, Switzerland : Palgrave Macmillan, 2021. P. 1–16. https://doi.org/10.1007/978-3-030-66011-6_1
- Bourbeau P. *The Securitization of Migration : a study of movement and order*. London : Routledge, 2011. <https://doi.org/10.4324/9780203829349>; EDN: WPBVKP
- Buzan B., Wæver O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511491252>
- Chen Yangyang, Jiang Jiexin, Wang Lei, Wang Ruisong. Impact Assessment of Energy Sanctions in Geo-Conflict: Russian-Ukrainian War. *Energy Reports*. 2023. Vol. 9, P. 3082–3095. <https://doi.org/10.1016/j.egy.2023.01.124>; EDN: MTWWDJ
- Grigas A. *The New Geopolitics of Natural Gas*. Cambridge : Harvard University Press, 2017. <https://doi.org/10.2307/j.ctv253f7jj>
- Henderson J. Does Russia Have a Potent Gas Weapon? // *The Palgrave Handbook of the International Political Economy of Energy* / ed. by T. van de Graaf, B. Sovacool, A. Ghosh, F. Kern, M. Klare. London : Palgrave Macmillan, 2016. P. 461–486. https://doi.org/10.1057/978-1-137-55631-8_19
- Laryš M. Russia's Potential for Weaponization of Gas Supplies After the Re-Invasion of Ukraine // *Energy Policy*. 2024. Vol. 191. Art. 114195. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2024.114195>; EDN: JTGBKV
- Luft G., Korin A. *Realism and Idealism in the Energy Security Debate // Energy Security Challenges for the 21st Century* / ed. by G. Luft, A. Korin. Santa Barbara : Praeger, 2009. P. 335–349. <https://doi.org/10.5040/9798400646119.ch-023>
- Palonen K. Four Times of Politics: Policy, Polity, Politicking, and Politicization // *Alternatives*. 2003. Vol. 28, no. 2. P. 171–186. <https://doi.org/10.1177/030437540302800202>
- Rodríguez-Fernández L., Carvajal A. B. F., Ruiz-Gómez L. M. Evolution of European Union's Energy Security in Gas Supply During Russia — Ukraine Gas Crises (2006–2009) // *Energy Strategy Reviews*. 2020. Vol. 30. Art. 100518. <https://doi.org/10.1016/j.esr.2020.100518>; EDN: OUQVUH
- Sassi F. The Geopolitics of the EU — Russia Gas Trade: Reviewing Power in International Gas Markets // *The Handbook of Energy Policy* / ed. by F. Taghizadeh-Hesary, D. Zhang. Singapore : Springer, 2023. P. 33–67. https://doi.org/10.1007/978-981-19-6778-8_2
- Vaganova O. V. Russia and Sanctions // *Research Result. Economic Research*. 2022. Vol. 8, no. 1. P. 4–11. <https://doi.org/10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-1>; EDN: OWPZWW
- Venn F. *The Oil Crisis*. London : Routledge, 2002. <https://doi.org/10.4324/9781315840819>
- Wells C. *The UN, UNESCO and the Politics of Knowledge*. London : Palgrave Macmillan, 1987. <https://doi.org/10.1007/978-1-349-08409-8>
- Yergin D. *The Quest: Energy, Security, and the Remaking of the Modern World*. New York, NY : Penguin Press, 2011.

Сведения об авторе:

Боровский Юрий Викторович — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, МГИМО МИД России; eLibrary SPIN-код: 8456-7863; ORCID: 0000-0001-8855-5147; e-mail: yuribor@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-1-56-66

EDN: JPTSOK

Научная статья / Research article

Фрагментация мировой валютно-финансовой системы в условиях роста геополитической напряженности

А.В. Кузнецов

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
[✉kuznetsov0572@mail.ru](mailto:kuznetsov0572@mail.ru)

Аннотация. Мировая валютно-финансовая система как форма организации международных валютно-финансовых отношений призвана обеспечивать рамочные условия для беспрепятственного обмена между странами товарами, услугами и капиталами с целью поддержания устойчивого экономического роста. В настоящее время функциональность международного валютного стандарта подвержена воздействию обусловленных ростом геополитической напряженности дезинтеграционных процессов в мировой экономике и мировых финансах. Цель исследования — выявить и охарактеризовать основные институциональные аспекты фрагментации мировой валютно-финансовой системы с учетом их влияния на трансформацию мировой финансовой архитектуры. Методологически исследование опирается на историко-логический и системный подходы, позволившие установить, что текущий кризис международных отношений — это форма проявления глобального противоборства между действующим и потенциальным лидером мировой экономики за контроль над основными сферами корпоративного бизнеса в условиях современных технологических трансформаций. Обсуждаются такие основные тенденции, характеризующие фрагментацию мировой валютно-финансовой системы, как институциональная дисфункциональность, блоковое противостояние между текущим и формирующимся финансово-экономическими центрами, дедолларизация международных резервов и цифровизация международных расчетов. Обосновано влияние этих тенденций на трансформацию мировой финансовой архитектуры, которая проявляется в кризисе институциональных основ мировой валютно-финансовой системы и хаотичной реорганизации международных валютно-финансовых отношений под влиянием процессов цифровизации. Определены такие причины институциональной дисфункциональности мировой валютно-финансовой системы, как снижение роли Международного валютного фонда (МВФ) в качестве кредитора последней инстанции и утрата государственного контроля над ростом денежной массы в мировой экономике. Рассмотрены факторы, объясняющие мотивацию центральных банков в диверсификации структуры официальных валютных резервов. Особое внимание уделено проблеме введения цифровых валют центральных банков как метода противодействия асимметричному использованию доллара США на международном уровне и способа повышения международной финансовой стабильности. Сделан вывод, что изменение в мировой финансовой архитектуре позиций доллара США как ключевой международной ликвидности зависит от усилий стран мирового большинства в создании системной альтернативы действующему международному валютному порядку на основе передовых финансовых технологий.

Ключевые слова: геополитика, мировая экономика, мировые финансы, мировая финансовая архитектура, финансовые технологии, цифровые валюты

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00443, <https://rscf.ru/project/24-18-00443/>

© Кузнецов А.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Кузнецов А. В. Фрагментация мировой валютно-финансовой системы в условиях роста геополитической напряженности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 1. С. 56–66. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-56-66>

Fragmentation of the Global Monetary and Financial System in the Context of Rising Geopolitical Tensions

Aleksei V. Kuznetsov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
[✉kuznetsov0572@mail.ru](mailto:kuznetsov0572@mail.ru)

Abstract. The global monetary and financial system, as a form of organization of international monetary and financial relations, is designed to provide framework conditions for the unimpeded exchange of goods, services and capital between countries, in order to maintain sustainable economic growth. Currently, the functionality of the international currency standard is exposed to the influence of disintegration processes in the global economy and global finance, which are caused by the growth of geopolitical tensions. The purpose of the article is to identify and characterize the main institutional aspects of the fragmentation of the global monetary and financial system, taking into account their impact on the transformation of the global financial architecture. It is demonstrated that the geopolitical rivalry between the United States and China is caused by the desire to overcome their interdependence in the areas of global supply chains and the production of new-generation semiconductors, respectively. The article discusses the main trends that are currently characterizing the fragmentation of the global monetary and financial system, such as institutional dysfunctionality, the bloc confrontation between mature and emerging financial and economic centers, de-dollarization of international reserves and digitalization of international settlements. The article substantiates the influence of these trends on the transformation of the global financial architecture, which is manifested in the crisis of the institutional foundations of the global monetary and financial system and the chaotic reorganization of international monetary and financial relations under the influence of digitalization processes. The article identifies the reasons for the institutional dysfunctionality of the global monetary and financial system, including the decline in the role of the International Monetary Fund (IMF) as a lender of last resort and the loss of state control over the growth of the money supply in the global economy. It also examines the factors explaining the motivation of central banks to diversify the structure of official foreign exchange reserves. Particular attention is paid to the problem of introducing central bank digital currencies as a method of counteracting the asymmetric use of the US dollar at the international level and as a way of improving international financial stability. It is concluded that changing the position of the US dollar in the global financial architecture, as a key international liquidity, depends on the efforts of the world's majority countries in creating a systemic alternative to the current international monetary order based on advanced financial technologies.

Key words: geopolitics, global economy, global finance, global financial architecture, financial technologies, digital currencies

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 24-18-00443, <https://rscf.ru/project/24-18-00443/>).

For citation: Kuznetsov, A. V. (2025). Fragmentation of the global monetary and financial system in the context of rising geopolitical tensions. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(1), 56–66. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-56-66>

Введение

Современное глобальное развитие характеризуется разрывом финансово-экономических связей между США и Китаем (Eichengreen, 2024), ростом экономических санкций и использованием резервных валют

как финансового оружия (Syropoulos et al., 2024). Очевидно, что истоки текущего кризиса восходят к стремлению страны — гегемона мировой экономики дестабилизировать процессы глобального развития таким образом, чтобы не допустить роста влияния

конкурентов (Саква, 2024). На современном этапе сдерживание конкурентов достигается путем поддержания американского контроля над основными международными валютно-финансовыми институтами, что последовательно снижает эффективность их функционирования (Кузнецов, 2023).

Нынешняя конфигурация мировой валютно-финансовой системы (МВФС) с ключевой ролью доллара США порождает ряд негативных эффектов, влияющих на развитие мировой экономики, включая нестабильность, неопределенность, неравенство и недостаточность совокупного спроса (Ponsot, 2016). Для урегулирования дефицита платежного баланса развивающиеся страны вынуждены проводить политику жесткой экономии и сокращать внутренние издержки. Как следствие, США «импортируют дефляцию», приобретая зарубежные товары по относительно низким ценам (Иноземцев*, 2021, с. 9).

Текущее геополитическое противостояние приводит к дезинтеграции мировой торговой системы, перенаправлению международных инвестиционных потоков в сторону геополитических союзников и возврату стран к экономическому национализму (Братерский, 2024). Очевидным способом разрешения этих противоречий является создание более децентрализованной многополярной валютно-финансовой системы как метода разрядки международной напряженности и сглаживания социально-экономических диспропорций (Балюк, Балюк, 2024).

Между тем, как показывает опыт функционирования единой европейской валюты, регионализация МВФС в рамках европейского экономического и валютного союза не привела к разрешению вышеописанных проблем, а лишь обострила их проявление. В частности, об этом свидетельствуют последствия глобального финансового кризиса, когда США оказывали финансовую помощь странам еврозоны в форме кредитов в долларах США, чтобы помочь европейским банкам оправиться от рецессии (Abbassi et al., 2022; Alogoskoufis, Gravas & Jacque, 2023).

Методология

При обилии научных работ, изучающих проблемы фрагментации МВФС, академическая литература по-прежнему испытывает недостаток в исследованиях, посвященных институциональным аспектам этого процесса. В своих публикациях авторы в основном фокусируются на рассмотрении тенденций фрагментации МВФС в различных секторах (McCauley et al., 2019; Arkhipov, 2023; Arnold, 2024) или регионах мировой экономики¹, при этом комплексному анализу причин этого явления по-прежнему не уделяется должного внимания². Данная статья призвана в определенной степени заполнить существующий академический пробел.

Методологическую основу исследования составляет историко-логический и системный подходы, позволяющие уточнить категории используемых понятий, выявить и охарактеризовать основные институциональные аспекты фрагментации мировой валютно-финансовой системы с учетом их влияния на трансформацию мировой финансовой архитектуры.

Мировая валютно-финансовая система: понятие и современная концепция

Мировая валютно-финансовая система представляет собой совокупность правил и

* В.Л. Иноземцев внесен в реестр иностранных агентов Министерства юстиции Российской Федерации (распоряжение Минюста России от 26.05.2023 г.).

¹ Bolhuis M. A., Mighri H., Rawlings H., Reyes I., Zhang Qianqian. How Vulnerable Is Sub-Saharan Africa to Geoeconomic Fragmentation? // IMF Working Papers. 2024 (April 5). No. 2024/083. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2024/04/05/How-Vulnerable-is-Sub-Saharan-Africa-to-Geoeconomic-Fragmentation-546346#:~:text=We%20find%20that%20under%20GEF,the%20rest%20of%20the%20world> (accessed: 09.09.2024). См. также: (Candelon, Luisi & Roccazzella, 2022).

² Ayar Sh., Chen J., Ebeke Ch. E., Garcia-Saltos R., Gudmundsson T., et al. Geoeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism // International Monetary Fund Staff Discussion Notes. 2023 (January). SDN/2023/001. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/Staff-Discussion-Notes/Issues/2023/01/11/Geo-Economic-Fragmentation-and-the-Future-of-Multilateralism-527266> (accessed: 10.09.2024).

соглашений, механизмов и институтов, способствующих осуществлению международной торговли и инвестиций³. Надежная МВФС включает в себя следующие элементы: эффективную международную платежную систему, стабильную глобальную конфигурацию резервной валюты, а также надежные механизмы смягчения и разрешения кризисов⁴.

Следует отметить, что действующий стандарт МВФС не вполне отвечает императивам ее надежного функционирования. Доминирующая роль доллара и американских банков в мировых финансах наделяет США беспрецедентным уровнем финансовой власти, регулярные злоупотребления которой дестабилизируют развитие мировой экономики⁵ через отключение отдельных банков и целых государств от МВФС путем замораживания официальных валютных резервов, запрет на привлечение международного долгового и акционерного финансирования, осуществление инвестиций и транзакций с подсанкционными странами посредством введения вторичных санкций против финансовых институтов третьих стран во всех регионах мира⁶.

Проводником американского превосходства в валютно-финансовой сфере после окончания Второй мировой войны выступали как межправительственные организации, так и частные институты. Так, на протяжении

80 лет существования современной МВФС ее институциональной основой является Международный валютный фонд (МВФ), который де-факто с момента своего учреждения в 1944 г. служил прикрытием осуществления глобальной повестки дня США (Steil, 2013, p. 135). Свидетельством этому является то, что вплоть до конца 1950-х гг. МВФ не играл никакой особой роли в мировой экономике. Госдепартамент США заблокировал систему международных расчетов, созданную на Бреттон-Вудской конференции, с целью создания наиболее благоприятных условий для интернационализации доллара (Стил, 2023, с. 388).

Современная роль МВФ как кредитора последней инстанции все менее ощутима. Несмотря на тройное увеличение размера капитала и заемного финансирования после глобального финансового кризиса, на протяжении последующих 15 лет в среднем около 80 % финансовых ресурсов Фонда оставались невостребованными⁷ по причине их высокой стоимости, жесткости графика обслуживания долга и невозможности его пролонгации (Навой, 2022, с. 33–34). Реформа МВФ, проведенная в 2010–2015 гг., не решила существующих проблем⁸.

Другим аспектом институциональной дисфункциональности МВФС выступает ее офшорный характер, приведший к утрате контроля центробанков над ростом денежной массы в глобальном масштабе (Shaxson, 2018, p. 97). Например, в России доля наличных денег Центрального банка и безналичных денег коммерческих банков соотносится как 16 к 84 %⁹, в Великобритании — 3 к 97 % (Бьерг, 2023, с. 190). В проведении расчетов

³ Strengthening the International Monetary System — A Stocktaking // International Monetary Fund Policy Papers. February 22, 2016. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2016/12/31/Strengthening-the-International-Monetary-System-A-Stocktaking-PP5023> (accessed: 03.08.2024).

⁴ Aiyar S., Ilyina A. Geo-Economic Fragmentation: Implications for the International Monetary System // CEPR. March 28, 2023. URL: <https://cepr.org/voxeu/columns/geo-economic-fragmentation-implications-international-monetary-system> (accessed: 03.08.2024).

⁵ How Crises Reshaped the World Financial System // The Economist. May 3, 2024. URL: <https://www.economist.com/special-report/2024/05/03/how-crises-reshaped-the-world-financial-system> (accessed: 11.07.2024).

⁶ As Russia Completes Transition to a Full War Economy, Treasury Takes Sweeping Aim at Foundational Financial Infrastructure and Access to Third Country Support // U.S. Department of the Treasury. June 12, 2024. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy2404> (accessed: 10.09.2024).

⁷ IMF Finances // International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/en/Data/IMF-Finances#gi> (accessed: 03.08.2024).

⁸ Eichengreen B. Unlocking IMF Reform // Project Syndicate. July 17, 2024. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/imf-reform-requires-governance-overhaul-and-focus-on-core-mandate-by-barry-eichengreen-2024-07> (accessed: 03.08.2024).

⁹ Статистический бюллетень Банка России // Банк России. 2024. № 6. С. 22–23. URL: <https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/49287/Bbs2406r.pdf> (дата обращения: 03.08.2024).

через глобальную систему межбанковских коммуникаций SWIFT используются исключительно деньги коммерческих, а не центральных банков.

Самым масштабным и ликвидным офшорным сегментом МВФС выступает мировой валютный рынок, где преимуществами пользуются доллар США и американские банки¹⁰. Например, в апреле 2022 г. суточный оборот торгов на межбанковском валютном рынке составлял 7,5 трлн долл. США. При этом 88 % торгов осуществлялось в паре с американским долларом, а 70 % расчетов проходило через систему непрерывных конверсионных платежей (*Continuous Linked Settlement*), которую обслуживает американский клиринговый банк *CLS Bank*¹¹.

Блоковое противостояние как признак фрагментации МВФС

В наибольшем выигрыше от функционирования офшорной МВФС оказались корпорации развитых государств. Так, за три десятилетия с 1990 по 2020 г. активы иностранных филиалов многонациональных компаний увеличились в 21 раз (в 5,5 раза опережая рост мирового ВВП)¹². В 2003 г. в рейтинге 500 крупнейших компаний мира по размеру доходов 197 компаний были американского происхождения, на остальные страны «большой семерки» приходилось еще 217 компаний и только 18 компаний принадлежали странам группы БРИК, из которых лишь 11 были китайскими¹³. Однако после превращения Китайской Народной Респуб-

ки (КНР) в «глобальную мануфактуру» корпоративный баланс сил также стал смещаться в пользу Китая — в 2023 г. среди 500 крупнейших компаний мира насчитывалось уже 135 китайских предприятий против 136 американских¹⁴.

По мнению американских деловых кругов, экспансия китайского капитала несопоставима с доктриной рыночного фундаментализма, поскольку большинство китайских глобальных корпораций, включая банки, принадлежат государству и опираются на его непосредственную поддержку. С точки зрения официального Вашингтона, такие многосторонние институты, как Всемирная торговая организация (ВТО), больше не в состоянии отстаивать рыночную парадигму и защищать интересы США на глобальной экономической арене, поскольку допускают несправедливую конкуренцию со стороны КНР (Загашвили, 2019, с. 8). Подобная аргументация служит поводом для продолжительного блокирования со стороны США деятельности основных институтов ВТО — переговорных комитетов, Генерального совета и Апелляционного органа по урегулированию споров (Drabek, 2024).

Для покрытия значительного отрицательного торгового баланса с КНР США вынуждены регулярно наращивать размер государственного долга, продавая Китаю свои казначейские ценные бумаги. Кроме того, наблюдается непрерывный рост зависимости американских производителей от глобальных цепочек поставок с участием китайских компаний¹⁵.

Последовательное расширение Соединенными Штатами торговых ограничений против Китая привело к сокращению китай-

¹⁰ FX Survey 2022: Press Release // Euromoney. 2022. URL: <https://assets.euromoneydigital.com/aa/29/5600f1634d7cbef9210e9685e899/euromoney-foreign-exchange-survey-2022-results-press-release.pdf> (accessed: 03.08.2024).

¹¹ Triennial Central Bank Survey of Foreign Exchange and Over-The-Counter (OTC) Derivatives Markets in 2022 // Bank for International Settlements. 2022. URL: <https://www.bis.org/statistics/rpfx22.htm> (accessed: 03.08.2024).

¹² 2024 World Investment Report: Investment facilitation and Digital Government // UNCTAD. 2024. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2024_en.pdf (accessed: 03.08.2024).

¹³ Fortune Global 500 // Fortune. URL: <https://fortune.com/ranking/global500/> (accessed: 03.08.2024).

¹⁴ Hyam B. Most Profitable Companies: U.S. vs. Rest of the World, 2023 // Grow & Convert. November 29, 2023. URL: <https://www.growandconvert.com/research/most-profitable-fortune-500-companies-in-2023/> (accessed: 03.08.2024).

¹⁵ Baldwin R., Freeman R., Theodorakopoulos A. Hidden Exposure: Measuring US Supply Chain Reliance // National Bureau of Economic Research Working Papers. 2023 (October). No. 31820. P. 18–19. URL: <http://www.nber.org/papers/w31820> (accessed: 03.08.2024).

ской доли в американском импорте товаров и услуг с 22 % в 2018 г. до 14 % в 2023 г.¹⁶ Однако по мере ухода китайских компаний с американского рынка расширяется их присутствие в цепочках поставок в странах Юго-Восточной Азии, в частности в Камбодже и Вьетнаме, которые последовательно увеличивают размеры своего экспорта в США¹⁷. С начала вооруженного конфликта на Украине торговые потоки и количество объявленных инвестиционных проектов между геополитическими блоками с центрами в США и Китае сократились на 12 и 20 % соответственно по сравнению с торговлей и инвестициями между странами внутри одного блока¹⁸. На фоне отрицательной межблоковой динамики наблюдается рост торговых и инвестиционных потоков — соответственно экспортных у Китая и импортных у США — с третьими сторонами, в первую очередь Мексикой, Канадой, Вьетнамом, о-вом Тайвань (КНР) и Индией. Подразумевается, что США и Китай остаются связанными друг с другом косвенно через эти третьи стороны (Eichengreen, 2024). Передислокация китайских производств и инвестиций в страны Азии дает основания США вводить вторичные торговые ограничения уже и против этих стран.

Между тем основная арена соперничества между корпорациями США и КНР разворачивается в высокотехнологическом секторе — сфере, которая до недавнего времени была практически полностью монополизирована

¹⁶ International Trade & Investment // U.S. Department of Commerce. Bureau of Economic Analysis. URL: <https://www.bea.gov/data/intl-trade-investment> (accessed: 03.08.2024).

¹⁷ 2023 Report to Congress of the U.S. — China Economic and Security Review Commission. One Hundred Eighteenth Congress. First Session. November 2023 / U.S. — China Economic and Security Review Commission. Washington : U.S. Government Publishing Office, 2023. P. 53–54. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/2023-11/2023_Annual_Report_to_Congress.pdf (accessed: 03.08.2024).

¹⁸ Gopinath G., Gourinchas P.-O., Presbitero A. F., Topalova P. Changing Global Linkages: A New Cold War? // IMF Working Papers. 2024 (April 5). No. 2024/076. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2024/04/05/Changing-Global-Linkages-A-New-Cold-War-547357> (accessed: 11.07.2024).

американским бизнесом. В 2022 г. ключевые американские игроки — *Intel* и *AMD* — контролировали соответственно 70,77 и 19,84 % мирового рынка микропроцессоров¹⁹. Доля американской компании *Nvidia* на мировом рынке графических процессоров составляла 88 %²⁰, а на китайском рынке достигала 95 %²¹. Долгое время ни одна страна не могла оспаривать первенство США в разработке программного обеспечения для автоматизированного электронного проектирования. Так, в настоящее время американским платформам *Amazon Web Services*, *Microsoft Azure* и *Google Cloud* принадлежит 66 % на мировом рынке облачных вычислений²².

Необходимость для Китая в преодолении зависимости от США в сфере высоких технологий была определена в государственной стратегии «Сделано в Китае — 2025», где были озвучены амбициозные цели по выходу Поднебесной к 2030 г. на лидирующие позиции в производстве наиболее передовых полупроводников и в сфере искусственного интеллекта нового поколения. В настоящее время Пекин уже обогнал Вашингтон по размеру инвестиций в развитие квантовых технологий и облачных вычислений и вышел на первое место в мире по количеству суперкомпьютеров (173 системы против 127 у США)²³.

¹⁹ Data Center CPU Market: AMD Surpasses Intel in Share Growth // Counterpoint. February 27, 2023. URL: <https://www.counterpointresearch.com/insights/data-center-cpu-market-amd-surpasses-intel-share-growth/> (accessed: 03.08.2024).

²⁰ Dow R. Shipments of Graphics Add-In Boards Decline in Q1 of 24 as the Market Experiences a Return to Seasonality // Jon Peddie Research. June 6, 2024. URL: <https://www.jonpeddie.com/news/shipments-of-graphics-add-in-boards-decline-in-q1-of-24-as-the-market-experiences-a-return-to-seasonality/> (accessed: 03.08.2024).

²¹ Wu D., King I., Savov V. US Deals Heavy Blow to China Tech Ambitions with Nvidia Chip Ban // CSET. September 2, 2022. URL: <https://cset.georgetown.edu/article/us-deals-heavy-blow-to-china-tech-ambitions-with-nvidia-chip-ban/> (accessed: 03.08.2024).

²² Lu M. The World's Biggest Cloud Computing Service Providers // Visual Capitalist. March 22, 2024. URL: <https://www.visualcapitalist.com/worlds-biggest-cloud-computing-service-providers/> (accessed: 03.08.2024).

²³ Толстухина А. Технологическая политика США в условиях соперничества с Китаем // Российский совет по международным делам. 30.11.2023.

С конца 2022 г. США начали развертывать целевую стратегию сдерживания достижений Китая в области критически важных технологий. В координации с Японией и Нидерландами США внедрили беспрецедентный режим экспортного контроля, призванный ограничить доступ Китая к передовым полупроводниковым технологиям²⁴. Также в августе 2023 г. администрация Дж. Байдена издала указ по ограничению прямых инвестиций американских компаний, направляемых на развитие китайских полупроводников и микроэлектроники, квантовых информационных технологий и отраслей искусственного интеллекта²⁵.

Переориентация торгово-инвестиционных потоков Китая на Азию и в широком контексте на Евразию в перспективе может означать более активную «юанизацию» цепочек поставок, особенно с учетом дальнейшего развития транснациональной финансовой инфраструктуры с участием китайских банков и высокотехнологических компаний. Продвижение цифрового юаня как резервной валюты в долгосрочной перспективе может значительно ослабить привязку внешней торговли КНР к доллару США и расчетам через SWIFT²⁶. Следовательно, блоковое противостояние между США и КНР потенциально усиливает риски фрагментации МВФС.

URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tekhnologicheskaya-politika-ssha-v-usloviyakh-sopernichestva-s-kitaem/> (дата обращения: 03.08.2024).

²⁴ Allen G. C., Benson E., Putnam M. Japan and the Netherlands Announce Plans for New Export Controls on Semiconductor Equipment // CSIS. April 10, 2023. URL: <https://web.archive.org/web/20240304155336/https://www.csis.org/analysis/japan-and-netherlands-announce-plans-new-export-controls-semiconductor-equipment> (accessed: 03.08.2024).

²⁵ Benson E., Allen G. C. A New National Security Instrument: The Executive Order on Outbound Investment // CSIS. August 10, 2023. URL: <https://web.archive.org/web/20240622231611/https://www.csis.org/analysis/new-national-security-instrument-executive-order-outbound-investment> (accessed: 03.08.2024).

²⁶ См.: Carney M. The Growing Challenges for Monetary Policy in the Current International Monetary and Financial System // BIS. August 27, 2019. URL: <https://www.bis.org/review/r190827b.htm> (accessed: 09.09.2024); Wolf M. A New World of Currency Disorder Looms // Financial Times. March 29, 2022. URL: <https://www.ft.com/content/f18cf835-02a0-44ff-875f-7de7facba54e> (accessed: 11.07.2024).

Дедолларизация международных резервов

В основе нынешней международной валютно-финансовой иерархии находится доллар США, который продолжает преобладать как международная резервная валюта, доминирующая валюта международного долга, глобальных корпоративных заимствований, финансирования развития и международного выставления счетов. Эта доминирующая роль американского доллара опирается на глобальную системную инфраструктуру, требующую от стран с развивающейся экономикой проводить транзакции в долларах США (Kuehnlenz, Orsi & Kaltenbrunner, 2023). Между тем в течение последних двух десятилетий имело место постепенное снижение доли доллара в валютных резервах центральных банков — с 78,4 % в 2000 г. до 57,39 % в третьем квартале 2024 г.²⁷ Примечательно, что эта тенденция была обусловлена ростом нетрадиционных резервных активов в австралийских, канадских, сингапурских долларах, китайских юанях, южнокорейских вонгах и других валютах²⁸. При этом валюты «большой четверки» используются как ликвидность для финансирования текущих дефицитов, обслуживания и погашения долга и интервенций на валютных рынках, а инвестиции в нетрадиционные валюты осуществляются с целью получения доходности. В настоящее время можно выделить 46 стран, у которых доля официальных резервов, размещенных в нетрадиционных валютах, составляет не менее 5 %. К самым активным «странам-диверсификаторам» относятся Россия, Китай, Малайзия, Индонезия, Польша, Чехия, Сингапур, Великобритания, Швейцария, Индия и Бразилия (Arslanalp, Eichengreen & Simpson-Bell, 2022).

²⁷ Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves // International Monetary Fund. June 28, 2024. URL: <https://data.imf.org/?sk=e6a5f467-c14b-4aa8-9f6d-5a09ec4e62a4> (accessed: 11.07.2024).

²⁸ Arslanalp S., Eichengreen B., Simpson-Bell Ch. Dollar Dominance in the International Reserve System: An Update // IMF Blog. June 11, 2024. URL: <https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2024/06/11/dollar-dominance-in-the-international-reserve-system-an-update> (accessed: 10.09.2024).

Наиболее явно ослабление роли американского доллара как резервного актива проявляется в снижении китайских инвестиций в казначейские облигации США как основной резервный актив Народного банка Китая. В октябре 2024 г. инвестиции Китая в государственные долговые обязательства США по сравнению с январем 2022 г. уменьшились с 1 034 млрд до 760 млрд долл. США²⁹. Уменьшение спроса китайского регулятора на американские ценные бумаги обусловлено усилением американо-китайского торгово-инвестиционного противостояния, а также замораживанием российских валютных резервов, послужившим индикатором ненадежности инвестиций в американские активы, которые способны использоваться в качестве инструмента санкционного давления на страну-инвестора (Петров, 2024, с. 18).

Характерно, что замораживание седьмых по величине официальных валютных резервов России — пятой по величине валового внутреннего продукта по паритету покупательной способности (ВВП по ППС) экономики мира — возвращает мир к первоначальной логике создания МВФ как механизма проведения расчетов между странами в их собственных валютах. Свидетельством этому является все более активное использование рубля и юаня в международных расчетах. Так, в марте 2024 г. доля рубля во внешнеторговых расчетах между Россией и Европой достигла 58,5 %³⁰. В обслуживании российско-китайской торговли доля рубля и юаня превысила 90 %³¹.

Еще одним индикатором понижения доверия к доллару США как резервному активу

²⁹ Treasury International Capital (TIC) System // U.S. Department of the Treasury. URL: <https://home.treasury.gov/data/treasury-international-capital-tic-system> (accessed: 10.09.2024).

³⁰ Линник М. ЦБ: Доля рубля в расчетах России и Европы достигла рекордных 58,5 процента // Российская газета. 09.06.2024. URL: <https://rg.ru/2024/06/09/cbdolia-rublia-v-raschetah-rossii-i-evropy-dostigla-rekordnyh-585-procenta.html> (дата обращения: 10.09.2024).

³¹ Путин заявил, что доля рубля и юаня в российско-китайских операциях превысила 90 % // ТАСС. 16.05.2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20813665?ysclid=m794d2xib1703788068> (дата обращения: 10.09.2024).

выступает рост спроса на монетарное золото³². Следовательно, дедолларизация международных резервов выступает серьезным фактором фрагментации МВФС. Между тем основные импульсы в этой связи могут исходить от амбиций центральных банков по введению цифровых валют в сферу международных расчетов.

По некоторым прогнозам (Кравченко, 2024), доллар сохранит свои доминирующие позиции в МВФС как минимум до 2060 г. Однако динамика изменения позиций других валют в мировой валютно-финансовой иерархии, очевидно, будет всецело зависеть от успехов стран мирового большинства в создании системных альтернатив доллару как международной ликвидности. В конечном итоге именно такие альтернативы могут защитить страны с формирующимися рынками и развивающиеся страны от рисков дестабилизации глобальной финансовой конъюнктуры, тем самым обеспечив для них условия для догоняющего развития.

Риски цифровой фрагментации МВФС

Хотя использование инновационных технологий в сфере международных расчетов необязательно означает слом действующей системы международного резервирования. Тем не менее все большее число суверенных государств исследует возможности выпуска собственных цифровых финансовых активов с целью снижения валютных и санкционных рисков путем унификации стандартов, технологий и нормативно-правового регулирования проведения международных платежей. По состоянию на июль 2024 г. 134 страны и валютных союза, представляющие 98 % мирового ВВП, изучали возможность создания цифровой валюты центрального банка (ЦВЦБ)³³. Помимо национальных цифровых

³² Arslanalp S., Eichengreen B. J., Simpson-Bell Ch. Gold as International Reserves: A Barbarous Relic No More? // IMF Working Papers. 2923 (January 27). No. 2023/014. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2023/01/27/Gold-as-International-Reserves-A-Barbarous-Relic-No-More-528089> (accessed: 09.09.2024).

³³ Today's Central Bank Digital Currencies Status // CBDC Tracker. November 2024. URL: <https://cbdctracker.org/> (accessed: 10.11.2024).

валют ведется подготовка к запуску ЦВЦБ для осуществления международных расчетов на мультиплатформенной основе. С помощью мульти-ЦВЦБ-платформ международные платежи между участвующими юрисдикциями могут осуществляться с использованием национальных валют, обеспечивая реализацию концепции множественности резервных активов.

В то же время само по себе введение ЦВЦБ недостаточно, чтобы разрешить проблемы асимметрий в действующей МВФС. Ключевая роль доллара США определяется его доминированием в выставлении счетов в международной торговле, осуществлении операций на финансовых рынках и урегулировании международных финансовых обязательств. Более того, спрос на доллар США подкреплен глубоким доверием к институтам и регулированию финансовых рынков США, а также способностью и готовностью Федеральной резервной системы (ФРС) США выступать в качестве глобального кредитора последней инстанции. Таким образом, для реальной дедолларизации глобальных финансовых инфраструктур необходим трехмерный подход, который одновременно решает эту проблему в сферах платежной инфраструктуры, международной торговли и финансовых рынков (Kuehnlitz, Orsi & Kaltenbrunner, 2023).

Между тем усиление интереса стран мирового большинства к введению собственных цифровых валют требует глобального регулирования цифровых валютно-финансовых отношений, что повышает риски цифровой фрагментации МВФС (Маслов, Швандар, 2023; Крылова, 2024). Дело в том, что по установившейся исторической традиции Вашингтон негативно относится к поддержке любых инициатив по введению глобальных правил регулирования международной валютно-финансовой сферы, неподконтрольных США³⁴. Поэтому не исключено, что

в процессе цифровой адаптации МВФС столкновение геополитических интересов в ближайшем будущем может переместиться в сферу нормативно-правового регулирования международных финансовых расчетов и операций на финансовых рынках с использованием цифровых финансовых активов.

Заключение

Современная МВФС подвержена рискам фрагментации, что связано с ее растущей институциональной дисфункциональностью, обусловленной противоречием между национальным происхождением и международным использованием доллара США, структурными сдвигами в мировой экономике в связи с переходом на новый технологический базис, изменением соотношения сил между мировыми экономическими и финансовыми центрами и формированием новой политико-экономической модели мироустройства, идущей вразрез с геополитическими интересами и стратегиями ведущих развитых стран Запада.

Сохранение американского контроля над международной платежно-расчетной инфраструктурой и институтами мирового финансового рынка в значительной степени обусловлено стремлением США удержать свои доминирующие позиции в новом технологическом укладе и не допустить Китай и другие формирующиеся экономические и финансовые центры к определению правил перераспределения глобальных финансовых ресурсов.

Возможность расширения доступа стран мирового большинства к международной ликвидности рассматривается через введение цифровых валют центральных банков с последующим их использованием для проведения международных расчетов, в том числе посредством цифровых мультиплатформ. Вместе с тем амбиции США по сохранению одностороннего контроля над МВФС создают риски ее дальнейшей фрагментации.

Сегодня суверенные государства усиливают меры протекционизма из соображений

³⁴ UK — US Financial Innovation: Digital Payments // TheCityUK. July 2021. URL: <https://www.thecityuk.com/media/suylm3ij/uk-us-financial-innovation-digital-payments.pdf> (accessed: 10.09.2024).

национальной безопасности и с целью защиты своих экономик от негативных последствий геополитического противостояния между крупнейшими экономиками мира. Если вследствие обострения конкуренции между высокотехнологическими компаниями

политика изоляционизма распространится на цифровую сферу, это может негативно отразиться на международном сотрудничестве в сфере совместного развития стратегических технологий.

Поступила в редакцию / Received: 05.08.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 11.10.2024

Принята к публикации / Accepted: 24.12.2024

Библиографический список

- Балюк И. А., Балюк М. А.* Бреттон-Вудс 2.0: на пути к новой мировой финансовой архитектуре // *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Т. 68, № 3. С. 5–14. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-3-5-14>; EDN: XJSTQX
- Братерский М. В.* Мир фрагментации на смену миру глобализации // *Актуальные проблемы Европы*. 2024. № 1. С. 18–41. <https://doi.org/10.31249/ape/2024.01.02>; EDN: CWVANG
- Бьерг У.* Как делаются деньги? Философия посткредитного капитализма. Москва : Ад Маргинем, 2023.
- Загашвили В. С.* Застой в ВТО как проявление кризиса глобализации // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63, № 6. С. 5–12. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-6-5-12>; EDN: ZSWFSO
- Иноземцев В. Л.* Экономика без догм : как США создают новый экономический порядок. Москва : Альпина Паблишер, 2021.
- Кравченко Ю. Б.* Фрагментационные процессы и позиции доллара США в мировой валютно-финансовой системе // *Международная экономика*. 2024. № 4. С. 249–258. <https://doi.org/10.33920/vne-04-2404-02>; EDN: AZKVVM
- Крылова Л. В.* Платформы цифровых валют центральных банков как фактор фрагментации мировой валютной системы // *Экономика. Налоги. Право*. 2024. Т. 17, № 2. С. 40–50. EDN: ONWYNA
- Кузнецов А. В.* Восточный вектор трансформации мировой валютной системы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. Т. 67, № 7. С. 22–32. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-7-22-32>; EDN: IYZETZ
- Маслов А. В., Швандар К. В.* Новые международные проекты по использованию цифровых валют центральных банков в трансформации трансграничных расчетов // *Финансовый журнал*. 2023. Т. 15, № 2. С. 47–58. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2023-2-47-58>; EDN: LVINPJ
- Навой А. В.* Трансформация подходов к построению системы антикризисного функционирования основных международных финансовых институтов в условиях новых геополитических вызовов // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2022. Т. 15, № 6. С. 28–45. <https://doi.org/10.31249/kgf/2022.06.02>; EDN: DVBEUA
- Петров М. В.* Влияние геополитической напряженности на международное движение капитала // *Финансовый журнал*. 2024. Т. 16, № 3. С. 8–22. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2024-3-8-22>; EDN: IGCBRM
- Саква Р.* Великое разрушение // *Россия в глобальной политике*. 2024. Т. 22, № 4. С. 37–53. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-4-37-53>; EDN: SFFTBN
- Стил Б.* План Маршалла: на заре холодной войны / пер. с англ. О. Левченко; под науч. ред. А. Березина, Ю. Вакуленко. Москва : Изд-во Института Гайдара, 2023.
- Abbassi P., Bräuning F., Fecht F., Peydró J.-L.* Cross-Border Interbank Liquidity, Crises, and Monetary Policy // *Journal of International Economics*. 2022. Vol. 139. Art. 103657. <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2022.103657>; EDN: MHBFAQ
- Alogoskoufis G., Gravas K., Jacque L.* Asymmetries in Post-war Monetary Arrangements in Europe: From Bretton Woods to the Euro Area // *The Journal of Economic Asymmetries*. 2023. Vol. 28. Art. e00320. <https://doi.org/10.1016/j.jeca.2023.e00320>; EDN: UAHWBF
- Arkhipov A.* Fragmentation of the World Financial System: Evidence from Stock Markets // *Procedia Computer Science*. 2023. Vol. 221. P. 1099–1101. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2023.08.093>; EDN: DGRVJN
- Arnold I. J. M.* The Effect of Fragmentation Risk on Monetary Conditions in the Euro Area // *Journal of International Money and Finance*. 2024. Vol. 146. Art. 103109. <https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2024.103109>; EDN: WQAHVO

- Arslanalp S., Eichengreen B., Simpson-Bell C.* The Stealth Erosion of Dollar Dominance and the Rise of Nontraditional Reserve Currencies // *Journal of International Economics*. 2022. Vol. 138. Art. 103656. <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2022.103656>; EDN: AKNBST
- Candelon B., Luisi A., Roccazzella F.* Fragmentation in the European Monetary Union: Is It Really Over? // *Journal of International Money and Finance*. 2022. Vol. 122. Art. 102545. <https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2021.102545>; EDN: QMYAQW
- Drabek Z.* Is the WTO Terminally Ill? Threats to the International Trading System // *Asia and the Global Economy*. 2024. Vol. 4, no. 1. Art. 100078. <https://doi.org/10.1016/j.aglobe.2024.100078>; EDN: QREEOH
- Eichengreen B.* Geopolitics and the Global Economy // *Journal of International Money and Finance*. 2024. Vol. 146. Art. 103124. <https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2024.103124>; EDN: MJSDXN
- Kuehnlentz S., Orsi B., Kaltenbrunner A.* Central Bank Digital Currencies and the International Payment System: The Demise of the US Dollar? // *Research in International Business and Finance*. 2023. Vol. 64. Art. 101834. <https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2022.101834>; EDN: OHBEXT
- McCauley R. N., Bénétrix A. S., McGuire P. M., von Peter G.* Financial Deglobalisation in Banking? // *Journal of International Money and Finance*. 2019. Vol. 94. P. 116–131. <https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2019.01.011>
- Ponsot J.-F.* The “Four I’s” of the International Monetary System and the International Role of the Euro // *Research in International Business and Finance*. 2016. Vol. 37. P. 299–308. <https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2016.01.004>
- Shaxson N.* *The Finance Curse : How Global Finance is Making Us All Poorer*. London : The Bodley Head, 2018.
- Steil B.* *The Battle of Bretton Woods : John Maynard Keynes, Harry Dexter White, and the Making of a New World Order*. Princeton : Princeton University Press, 2013. <https://doi.org/10.2307/j.ctt1r2dxv>
- Syropoulos C., Felbermayr G., Kirilakha A., Yalcin E., Yotov Y. V.* The Global Sanctions Data Base—Release 3: COVID-19, Russia, and Multilateral sanctions // *Review of International Economics*. 2024. Vol. 32, iss 1. P. 12–48. <https://doi.org/10.1111/roie.12691>; EDN: SALPUY

Сведения об авторе:

Кузнецов Алексей Владимирович — доктор экономических наук, старший научный сотрудник, профессор кафедры мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; eLibrary SPIN-код: 3219-0542; ORCID: 0000-0003-3669-0667; e-mail: kuznetsov0572@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-1-67-77

EDN: KACFAB

Научная статья / Research article

Разграничение гражданских и военных объектов в условиях развития информационно-коммуникационных технологий в ходе вооруженных конфликтов

Я.Н. Аду^{1,2,3} , М.С. Рамич¹ ¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация²Оренбургский государственный университет, Оренбург, Российская Федерация³Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Российская Федерация adu-ya@rudn.ru

Аннотация. Поражение разных объектов как гражданского, так и военного назначения в современных вооруженных конфликтах реанимирует дискуссию о разграничении гражданских и военных объектов в действующих международных инструментах в международном гуманитарном праве (МГП). В современных реалиях, с одной стороны, наличие тяжелой артиллерии не является преимуществом без современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), которые могут обеспечить превосходство одной из сторон конфликта, в частности в контексте концепции сетецентричных войн, подразумевающих единую систему управления войсками, эффективное использование спутников для выявления дислокации войск противника и т. д. С другой стороны, информационное пространство стало полноценным театром военных действий, где проводятся информационные и кибероперации, направленные на снижение боевого духа противника, создание социальной напряженности и парализацию работы критически важных информационных ресурсов. Наличие продвинутых систем связи, Интернета и спутниковых данных является безусловным преимуществом в современных конфликтах, но осложняет разграничение характеристик гражданского и военного объекта, особенно в условиях, когда один и тот же объект может служить для гражданских и военных целей. Цель исследования — проанализировать трудности, возникшие в определении гражданского объекта в контексте развития информационно-коммуникационных технологий в связи с их двойным использованием как в гражданских, так и в военных целях применительно к современным конфликтам. Авторы приходят к выводу, что определение гражданского объекта, как представляется в МГП, усложняется в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий ввиду своего двойного назначения. Несмотря на то, что современные положения международного права защищают гражданские объекты, развитие ИКТ «размывает» критерии их определения в условиях современных вооруженных конфликтов.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, комплексная инфраструктура информационно-коммуникационных технологий, объекты двойного назначения, Женевские конвенции 1949 года

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

© Аду Я.Н., Рамич М.С., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Аду Я. Н., Рамич М. С. Разграничение гражданских и военных объектов в условиях развития информационно-коммуникационных технологий в ходе вооруженных конфликтов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 1. С. 67–77. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-67-77>

The Principle of Distinction Between Civilian Objects and Military Objectives in the Context of the Development of Information and Communication Technologies in Armed Conflicts

Yao N. Adu^{1,2,3} , Mirzet S. Ramich¹

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation

³Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russian Federation

 adu-ya@rudn.ru

Abstract. The destruction of infrastructure in modern armed conflicts, whether civilian or military, has led to renewed of interest in the discussion on the distinction between civilian objects and military objectives in the current international instruments of international humanitarian law (IHL). On the one hand, in contemporary realities, the presence of heavy artillery is not an advantage without modern information and communication technologies (ICT), which determine the benefits of the parties to the conflict, in particular in the context of the concept of network-centric warfare, which implies a unified system of troop control, the effective use of satellites to identify the dislocation of enemy troops, etc. On the other hand, the information space has become a full-fledged battlefield, where information and cyber operations are conducted to reduce the enemy's morale, create social tension, and paralyze the operation of critical information resources. The availability of advanced communication systems, the Internet, and satellite data is an undoubted advantage in modern warfare, which complicates the concepts of distinction between civilian objects and military objectives, especially when the same object can serve both civilian and military purposes. The purpose of this article is to analyze the complexities that have arisen in the definition of a civilian object in the context of the development of ICTs due to their dual use for both civilian and military purposes in relation to modern conflicts. As a result of the study, the authors conclude that the definitions of civilian objects, as outlined in IHL, become more complex in the context of the development of ICT given its dual purpose. The authors assume that despite the protective measures afforded by contemporary international law with regard to civilian objects, the development of ICTs “erodes” the criteria for their definition in modern armed conflicts.

Key words: international humanitarian law, integrated infrastructure of information and communication technologies, dual-use facilities, Geneva Conventions of 1949

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

For citation: Adu, Y. N., & Ramich, M. S. (2025). The principle of distinction between civilian objects and military objectives in the context of the development of information and communication technologies in armed conflicts. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(1), 67–77. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-67-77>

Введение

Вопрос разграничения гражданских и военных объектов обсуждается учеными с момента принятия четырех Женевских конвенций 1949 г. и дополнительных Протоколов к ним в связи с тем, что данные инструменты не дают четкого определения гражданских объектов. Например, содержание ст. 52 дополнительного Протокола I определяет их

абстрактно и не полностью. Вопрос правового статуса гражданского объекта, особенно при его двойном назначении, остается предметом рассмотрения и анализа российских и зарубежных ученых¹.

¹ См.: Тиунов О. И. Международное гуманитарное право : учебник. Москва : Изд-во Норма, 2023; Международное право : в 2 томах. Т. 2: Особенная часть : учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред.

Определение гражданского объекта осложняется применением современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), представляющих комплексные военно-гражданские изобретения и инфраструктуру, в различных целях (как военных, так и гражданских).

Цель исследования — выявить последствия отсутствия четкого определения гражданского объекта в инструментах международного гуманитарного права (МГП) и трудности, возникающие при попытке решения данного вопроса, особенно в области ИКТ. Для достижения поставленной цели необходимо решить комплексные задачи: определить понятие гражданского объекта и его правовое значение в международном гуманитарном праве, проанализировать сложность разграничения гражданских и военных объектов, особенно в условиях развития ИКТ в связи с их двойным назначением, в том числе в гражданской и военной сферах, и определять ответственность воюющих сторон в условиях ведения войны.

Роль ИКТ в современных вооруженных конфликтах

С учетом комплексности правовой сферы регулирования МГП оно имеет ряд различных трактовок. В настоящее время наиболее распространенное определение международного гуманитарного права, которое применяется в российской учебной литературе, принадлежит российскому ученому-международнику О.И. Тиуну. По его мнению, «международное гуманитарное право представляет собой отрасль международного (публично-го. — *Прим. авт.*) права, состоящую из совокупности международно-правовых принципов и норм, применяемых в условиях вооруженных конфликтов (международных и немеждународных), предусматривающих права и обязанности субъектов международного права и иных участников вооруженных конфликтов по соблюдению и обеспечению

защиты жертв вооруженных конфликтов, гражданского населения, гражданских объектов и культурных ценностей, а также обязанности таких субъектов по запрещению применения определенных средств и методов введения вооруженных действий»².

Источники международного гуманитарного права состоят в основном из так называемых Гаагского права, Женевского права и иных международных правовых норм, принятых в этой области. Разработка и принятие норм Гаагского и Женевского права уходят корнями во вторую половину XVIII и начало XIX в., когда современные ИКТ еще не существовали или находились в стадии начала их разработки и развития.

Сегодня, спустя почти полвека после принятия трех дополнительных протоколов³ к четырем Женевским конвенциям⁴, произошел большой скачок развития в области ИКТ, невиданный в истории развития человеческого общества. И если в последние десятилетия удалось достичь серьезного прогресса в сфере средств ведения войны, например в области запретов на производство, накопление и распространение определенных видов оружия, таких как биологическое⁵, бактериологическое⁶, ядерное⁷ и др., то другие, например гиперзвуковое или лазерное, вообще не регулируются или регулируются частично современным международным гуманитарным

² Международное право : в 2 томах. Т. 2: Особенная часть : учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. А. Я. Капустина. Москва : Изд-во Юрайт, 2025. С. 102.

³ Geneva Conventions of 1949, Additional Protocols and Their Commentaries // International Humanitarian Law Databases. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/geneva-conventions-1949additional-protocols-and-their-commentaries> (accessed: 30.11.2022).

⁴ Ibid.

⁵ Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bacwep.shtml (дата обращения: 30.11.2022).

⁶ Там же.

⁷ Договор о запрещении ядерного оружия // Организация Объединенных Наций. 07.07.2017. URL: <https://docs.un.org/ru/A/CONF.229/2017/8> (дата обращения: 30.11.2022).

А. Я. Капустина. Москва : Изд-во Юрайт, 2025. См. также: (Фуркало, 1982; Блищенко, 1984; Smith, 2002; Schmitt, 2008; Dinstein, 2012; Routledge Handbook..., 2016).

правом. То же самое можно сказать и о ИКТ, ставших важной частью военного потенциала ряда государств.

Дж. Най, сравнивая развитие киберпотенциала стран с ядерным оружием, делает предположение, что атаки из киберпространства, где затраты сравнительно низкие, могут быть направлены против целей в реальном мире, где ресурсы ограничены и требуют больших затрат (Nye, 2011, р. 19). В это же время, согласно теории войн четвертого поколения (*fourth-generation warfare*), необходимо использовать все возможные «сети» для того, чтобы убедить лиц, принимающих политические решения со стороны противника, в том, что их политические цели недостижимы или требуют неоправданно больших затрат, что позволяет комбинировать физические и виртуальные атаки для достижения своих целей (Betz & Stevens, 2011, pp. 99–124).

Если еще в далеком прошлом люди просто осознавали значение информации (Jayau, 2009, р. 1) и возможности ее передачи, даже пусть ограниченными средствами, то сегодня бурное развитие ИКТ оказало глубокое влияние на все сферы жизни. Исследуя роль ИКТ в развитии современных видов вооружений в стратегии ведения войн государствами, Т.В. Смит разделяет страны на высокотехнологичные (*hi-tech states*) и невысокотехнологичные (*low-tech countries*) (Smith, 2002). Также справедливо иерархичное разделение стран по их способности оказывать влияние в информационной сфере на тех, кто определяет правила (*rule-maker*), и тех, кто эти правила принимает ввиду отсутствия должного технологического потенциала (*rule-taker*) (Рамич, Пискунов, 2022).

Более того, отдельного внимания заслуживают объекты, используемые для информационно-психологических операций, задача которых — оказать наибольшее влияние на общество и лиц, принимающих решения, через информационные ресурсы. С одной стороны, борьба с дезинформацией и фейками возможна в информационном пространстве с помощью блокировок и инструментов фильтрации контента, а с другой — из-за большого размера информационного пространства физическое уничтожение

источника угрозы в сети может быть менее затратным и более эффективным решением проблемы. Так, по данным российских СМИ, 24 февраля 2022 г. одним из первых пораженных объектов на территории Украины был штаб 72-го Центра информационно-психологических операций Вооруженных сил Украины⁸. Это подтверждает значимость информационно-психологических операций в контексте современных конфликтов, но вместе с тем актуализирует вопрос классификации используемых для информационно-психологических операций объектов с точки зрения международного права, особенно в контексте возможного размещения таких объектов не на территории стран — участниц конфликта и возможности привлечения частных подрядчиков.

Таким образом, в рамках данного исследования особое внимание уделяется применению информационно-коммуникационных технологий как средства ведения войны и его совместимости с понятием «гражданского объекта» в современных вооруженных конфликтах.

Применение спутниковых данных сторонами вооруженного конфликта, в частности Украиной, посредством спутниковых станций гражданского назначения (*Starlink*) и других спутниковых данных, предоставляемых третьими странами (странами — членами Организации Североатлантического договора (НАТО) и главным образом США), ставит вопрос о разграничении понятий гражданской и военной ИКТ-инфраструктуры.

Как уже отмечалось, действующие международные инструменты в области международного гуманитарного права не дают полного определения того, что представляет собой «гражданский объект»⁹. Обычно

⁸ Альшаева И. «Чтобы не промывали мозги»: ликвидирован штаб «фабрики троллей» ВСУ // Газета.ру. 25.02.2022. URL: <https://www.gazeta.ru/army/2022/02/25/14577799.shtml?ysclid=m7ke4nv4ij91060383> (дата обращения: 24.06.2023).

⁹ См.: Международное право : в 2 томах. Т. 2: Особенная часть : учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. А. Я. Капустина. Москва : Изд-во Юрайт, 2025. С. 102; Сассоли М. Законные цели нападения в международном гуманитарном праве // Международный Комитет Красного Креста.

гражданский объект представляется нечто иным, чем «военный объект». Ст. 52 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 г., касающаяся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (далее — Протокол I), определяет, что «гражданскими объектами являются все те объекты, которые не являются военными объектами»¹⁰. В свою очередь второй пункт той же статьи определяет военный объект следующим образом: «Военные объекты ограничиваются теми объектами, которые в силу своего характера, расположения, назначения или использования вносят эффективный вклад в военные действия и полное или частичное разрушение, захват или нейтрализация которых при существующих в данный момент обстоятельствах дает явное военное преимущество»¹¹. Можно заметить, что само определение «военного объекта» не конкретно, поскольку фраза «Военный объект в силу своего характера... дает явное военное преимущество» в современном контексте требует серьезного уточнения.

Таким образом, формулировка п. 2 ст. 52 Протокола I, как отмечает М. Сассоли, является абстрактной¹² и дает возможность для широкого толкования различными сторонами. В связи с этим неслучайно Т.В. Смит, анализируя действующие нормы МГП, отмечает, что МГП способствует развитию вооружений (Smith, 2002, p. 362).

Однако, исходя из приведенного определения, можно отметить некоторые характеристики военного объекта, касающиеся его

характера, расположения и назначения. Данные характеристики должны давать очевидное военное преимущество как обороняющейся стране, так и противнику при его поражении. Как видно, определения «гражданский объект» и «военный объект» из Протокола I способствуют их широкой интерпретации, в том числе среди ученых и специалистов.

В этой связи некоторые авторы пытаются дать свое определение, которое могло бы послужить примером в будущем при разработке и принятии новых международных правовых норм в области МГП или при внесении изменений в действующие инструменты. Например, по мнению Ю.В. Пузыревой, военными объектами могут являться как объекты, специально созданные для использования в военных целях (боевая техника, заводы по изготовлению боеприпасов, склады военного снаряжения и т. п.), так и гражданские объекты (жилой дом или мост становятся военными объектами в силу их тактического использования обороняющейся стороной) (Пузырева, 2006).

Как нам представляется, замечание Ю.В. Пузыревой о том, что не существует объектов, которые были бы исключительно гражданскими или военными, справедливо, поскольку гражданские объекты, такие как жилые дома, мосты, железнодорожные пути, спутниковые станции, станции электроснабжения и др., в силу их тактического использования обороняющейся стороной могут стать военными объектами и, соответственно, военными законными целями, подтверждение чему можно увидеть в настоящее время на Украине. Например, неправительственная организация *Amnesty International* 4 августа 2022 г. в своем заявлении отметила, что Украина размещает военную технику в населенных пунктах, школах и больницах¹³. В таком случае указанные гражданские объекты становятся законными целями.

23.01.2004. URL: <https://web.archive.org/web/20221011205642/https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/ihl-attacks-230104.htm> (дата обращения: 15.05.2023).

¹⁰ Дополнительный Протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901755843> (дата обращения: 15.05.2023).

¹¹ Там же.

¹² Сассоли М. Законные цели нападения в международном гуманитарном праве // Международный Комитет Красного Креста. 23.01.2004. URL: <https://web.archive.org/web/20221011205642/https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/ihl-attacks-230104.htm> (дата обращения: 15.05.2023).

¹³ Ukraine: Military Endangering Civilians by Locating Forces in Residential Areas — New Research // Amnesty International. August 4, 2022. URL: <https://www.amnesty.org.uk/press-releases/ukraine-military-endangering-civilians-locating-forces-residential-areas-new> (accessed: 15.05.2023).

Следует отметить, что МГП устанавливает одинаковые правила, права и обязанности для сторон конфликта, не разграничивая наступательные и оборонительные операции. Напомним, что во время операции «Буря в пустыне» в 1990–1991 гг. в Ираке из утвержденного странами коалиции списка целей для бомбардировок, включающего 12 объектов, более половины были объектами гражданского назначения: системами электро-снабжения, телекоммуникационными системами, мостами, водохранилищами и т. п. (Smith, 2002, p. 364). Подобная тактика уничтожения объектов гражданской инфраструктуры и объектов двойного назначения была также применена в Югославии странами — членами НАТО (Boothby, 2018, p. 7).

Таким образом, четкое определение гражданского объекта особенно актуально в условиях глобализации и скачка развития ИКТ. Все, что ранее использовалось в области информационных технологий только в военных целях, сейчас стало общественным, то есть гражданским достоянием. Все это усложняет определение правового статуса ИКТ в военное время.

У. Бутби справедливо отмечает, что создание радиолокационных систем (*radar*) во время Второй мировой войны и их применение в гражданской авиации способствовало обеспечению безопасности в этой области (Boothby, 2018, p. 7). Это также подтверждает двойное назначение военных объектов в гражданских целях и наоборот. Схожая ситуация наблюдается и в случае со спутниковыми навигационными системами. Изначально американская система глобального позиционирования (*Global Positional System, GPS*) и российская Глобальная навигационная спутниковая система (ГЛОНАСС) носили исключительно военный характер применения. Например, уже в Иракской кампании 1990–1991 гг. Пентагон применял технологии GPS в авиаударах, для того чтобы сделать их более точечными (Smith, 2002, p. 366), а также при управлении высокоточными ракетами. Однако если в то время подобные спутниковые навигационные системы использовались в военных целях, то на современном этапе

они получили широкое применение уже в гражданских целях. При этом их первоначальное предназначение не исчерпало себя, и они не только вносят неопределимый вклад в развитие ИКТ гражданского назначения, но и предоставляют существенное военное преимущество при ведении войны сторонами, поскольку они не только определяют геопозицию противника в режиме реального времени, но и могут быть использованы для управления летательными аппаратами.

Дилемма инфраструктуры ИКТ гражданского назначения во время вооруженных конфликтов

Расположение инфраструктуры ИКТ и их двойное назначение ставит ряд вопросов при определении гражданского объекта: например, можно ли поражать *комплекс инфраструктуры информационно-коммуникационных технологий* гражданского назначения, размещенный в жилых домах или в жилых кварталах, если обороняющаяся сторона не переместила их из этих мест и одновременно использует их в военных целях, получая при этом явное военное преимущество. Речь идет, как правило, о спутниковых антеннах и иных средствах вещания, а также иных объектах инфраструктуры, обеспечивающих функционирование средств вещания, таких как объекты электроснабжения, и иных станциях. По действующим Женевским конвенциям эти объекты инфраструктуры среди других гражданских объектов будут защищены только в случае, если есть сомнение в их использовании обороняющейся стороной в военных целях. Однако несмотря на их расположение среди объектов гражданского назначения, они могут стать военными целями в соответствии с Протоколом I, как это происходило во время военных операций в Ираке и Югославии¹⁴.

Конечно, разработчики Женевских конвенций и относящихся к ним протоколов не

¹⁴ Сассоли М. Законные цели нападения в международном гуманитарном праве // Международный Комитет Красного Креста. 23.01.2004. URL: <https://web.archive.org/web/20221011205642/https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/ihl-attacks-230104.htm> (дата обращения: 15.05.2023).

могли это предвидеть, а в настоящее время сложно определить, как будут развиваться ИКТ в ближайшие годы. Это большой вызов для современного международного гуманитарного права, и употребляемый нами термин «*комплексная инфраструктура информационно-коммуникационных технологий*» также имеет большое значение. Под «*комплексной инфраструктурой информационно-коммуникационных технологий*» наряду с другим оборудованием, обслуживающим данную сферу деятельности, следует понимать объекты электроснабжения, антенны, башни (телевизионные, телекоммуникационные), пути сообщения, обеспечивающие доступ к этой инфраструктуре или поддерживающие их бесперебойное функционирование, и т. п. Комплексная инфраструктура ИКТ, как показывает практика, является критической инфраструктурой государства, жизненно необходимой для нормального функционирования экономики и иных сфер деятельности страны (Gallais & Filiol, 2017). Комплексная инфраструктура ИКТ неизбежно становится законной военной целью в соответствии со ст. 52, если будет доказано, что обороняющаяся сторона пользуется ею, тем самым обеспечивая себе военное преимущество.

В целях адаптации к меняющимся условиям в НАТО было разработано Таллинское руководство по международному праву, применимому к кибероперациям, где сформулированы основные понятия и подходы к новым вызовам и угрозам, появившимся в условиях цифровизации. В документе несколько разделов посвящено теме разграничения гражданских и военных объектов в сфере ИКТ. В частности, в норме 100 указывается, что объекты ИКТ-инфраструктуры могут быть признаны военными объектами, если соответствуют одному из четырех критериев: сущность, расположение, назначение и использование¹⁵.

Во-первых, в Таллинском руководстве разграничено понятие военной цели в юридическом и операционном смысле. Например,

¹⁵ Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations / ed. by M. N. Schmitt. Cambridge : Cambridge University Press, 2017. P. 435–445.

оперативной целью может быть нейтрализация передачи электронных сообщений, сами же сообщения в юридическом смысле не будут легальной военной целью, однако оборудование, используемое для их приема и передачи, будет считаться таковым¹⁶.

Во-вторых, компьютеры и другая ИКТ-инфраструктура определяются в качестве военных объектов на основе критерия «сущности», что имеет значение в контексте военного командования, коммуникаций, разведки, слежения и др. С точки зрения положений Таллинского руководства «военные информационные системы, где бы они ни находились, и объекты, в которых они постоянно располагаются, квалифицируются как военные объекты. Тот факт, что гражданские лица (государственные служащие или подрядчики) могут эксплуатировать эти системы, не имеет отношения к вопросу о том, квалифицируются ли они как военные объекты»¹⁷.

В-третьих, когда гражданские объекты используются в военных целях, они перекалфицируются в военные объекты. Так, «если сторона конфликта использует определенную гражданскую компьютерную сеть в военных целях, эта сеть теряет свой гражданский характер и становится военным объектом, даже если она продолжает использоваться в гражданских целях»¹⁸. Также военным объектом будет считаться предприятие, производящее компьютерное оборудование по контракту с вооруженными силами противника, даже если на этом же предприятии производятся товары гражданского назначения¹⁹.

В-четвертых, объект может быть признан военным по критериям «расположения», которое может дать одной из сторон военное преимущество, или по «назначению», которое позволяет использовать объект в военных целях в будущем²⁰.

Существует несколько примеров, когда гражданские объекты были перекалфицированы в военные из-за соответствия указанным критериям.

¹⁶ Ibid. P. 436.

¹⁷ Ibid. P. 438.

¹⁸ Ibid. P. 438–439.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid. P. 439–440.

Первый пример имеет отношение к операции «Союзная сила» 1999 г. Тогда НАТО объясняла бомбардировку телецентра в Белграде военной необходимостью, утверждая, что телевидение являлось инструментом пропаганды властей страны²¹ и, соответственно, обоснованно является военной целью.

Второй пример связан с конфликтом на Украине. В Российской Федерации 8 октября 2022 г. на Крымском мосту произошел взрыв, который привел к частичному обрушению объекта. Результаты расследования, проведенного российскими спецслужбами, подтвердили украинский след в данном инциденте²², хотя официально руководство страны в лице президента Украины В.А. Зеленского отрицало причастность Киева к данному взрыву²³. Комментируя случившееся в программах западных (в частности французских) телеканалов, многие эксперты рассматривали Крымский мост в качестве законной военной цели для Украины, то есть он был приравнен к военным объектам, так как предоставлял России военное преимущество²⁴, несмотря на то, что сам мост является единственной связующей артерией между российской частью материка и полуостровом. Западные эксперты ссылаются на то, что российские войска поль-

зуются данным маршрутом для снабжения военных подразделений при проведении Специальной военной операции (СВО)²⁵.

Следует отметить, что взрыв на Крымском мосту изменил ход СВО, поскольку после него российская армия начала атаковать важные объекты энергетической инфраструктуры Украины, хотя до этого инцидента удары, по словам российского военного руководства, наносились исключительно по военной инфраструктуре²⁶. При этом удары по объектам стратегической инфраструктуры Украины, согласно ст. 52 Протокола I, также являются военной необходимостью, то есть юридически обоснованными целями, поскольку *этой же комплексной инфраструктурой* Украина пользуется для нанесения ударов по российским войскам и по территории Российской Федерации.

В этот же ряд можно поставить передачу Соединенными Штатами Украине станций спутниковой связи *Starlink*, что обеспечивает последнюю военным преимуществом, поскольку эта система используется не только для связи, но и для управления беспилотными летательными аппаратами (БПЛА)²⁷ для сбора данных и т. п. в ходе военных действий. Соответственно украинская *комплексная стратегическая ИКТ-инфраструктура* становится очевидной законной целью для российских войск: система электроснабжения, спутниковые антенны, железнодорожные пути и др., образующие и обеспечивающие комплексность ИКТ-инфраструктуры Украины, вносят большой вклад «в возможности неприятеля сражаться или поддерживать военные усилия», как пишет Д.С. Маликов (Маликов, 2014, с. 166). Автор также справедливо отмечает, что определенные страны при выборе цели «будут учитывать военное преимущество, ожидаемое от нападения в це-

²¹ Сассоли М. Законные цели нападения в международном гуманитарном праве // Международный Комитет Красного Креста. 23.01.2004. URL: <https://web.archive.org/web/20221011205642/https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/ihl-attacks-230104.htm> (дата обращения: 15.05.2023). См. также: (Smith, 2002, p. 366).

²² ФСБ опубликовала материалы о том, как готовился взрыв на Крымском мосту // РИА Новости. 12.10.2022. URL: <https://ria.ru/20221012/most-1823287523.html?ysclid=m7kenlrrnq537442668> (дата обращения: 15.05.2023).

²³ Полякова В. Зеленский заявил, что Киев не заказывал теракт на Крымском мосту // РБК. 20.10.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/10/2022/63513b7b9a7947798da528f5?ysclid=m7keovvc4k585403941> (дата обращения: 15.05.2023).

²⁴ Sauvage G. L'attaque du pont de Crimée, point culminant des revers russes en Ukraine // France24. 12.10.2022. URL: <https://www.france24.com/fr/europe/20221009-guerre-en-ukraine-le-pont-de-crim%C3%A9e-touch%C3%A9-la-russie-accumule-les-revers> (accessed: 19.01.2023).

²⁵ Ibid.

²⁶ Брифинги // Министерство обороны Российской Федерации. URL: https://z.mil.ru/spec_mil_oper/brief/briefings.htm (дата обращения: 01.11.2024).

²⁷ Илон Маск отказался бесплатно поставлять Украине спутниковый интернет // CNews. 14.10.2022. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2022-10-14_ilon_mask_otkazalsya_besplatno (дата обращения: 29.11.2022).

лом, а не от отдельных его частей» (Маликов, 2014, с. 166). Кроме того, согласно п. 2 ст. 52, важное место среди признаков военного объекта занимает его расположение.

Однако с учетом комплексности ИКТ-инфраструктуры в данном случае можно заметить, что даже обычные спутниковые антенны, расположенные на частных домах в населенных пунктах, в современных реалиях становятся военными законными целями при ведении войны, поскольку они обеспечивают военное преимущество противника, о чем свидетельствуют действия НАТО в Ираке и Югославии.

Следовательно, возникает вопрос, как восполнить пробел в нормах международного гуманитарного права с учетом современных реалий развития ИКТ, поскольку, с нашей точки зрения, этот процесс будет только усугублять ситуацию, связанную с проблемой разграничения гражданского и военного объектов, как показывает анализ некоторых современных средств и методов ведения войны. Классические способы ведения войны, на которых были основаны нормы Женевских конвенций и Протоколов к ним, уже устарели²⁸. Сегодня ключевую роль в тактике ведения войны играют не только обычные виды вооружения (например, артиллерия), но и БПЛА и др., использующие ИКТ для передачи данных. В этих условиях обычный инженер, работающий в частной компании и собирающий датчики, беспилотные летательные аппараты, или даже простой IT-специалист может обеспечивать существенное преимущество в ходе конфликта, что не было предусмотрено ранее разработчиками различных норм международного гуманитарного права.

М. Сассоли, обращаясь к комментариям к немецкому военному Уставу, касательно нападения на гражданское население справедливо отмечает следующее: «Если бы намерение оказать непосредственное влияние

на решимость народа неприятельской стороны сражаться было признано законной целью применения военной силы, в войне не осталось бы никаких ограничений»²⁹. Также с учетом того, что конечная цель международного гуманитарного права, по оговорке Ф.Ф. Мартенса (Кукушкина, Иойрыш, Шишкин, 2019, с. 160), направлена на смягчение и минимизацию последствий военных действий на гражданское население конфликтующих сторон, считаем, что необходимо изъять из военных целей, перечисленных в ст. 52 Дополнительного протокола I, гражданские объекты, в том числе объекты ИКТ-инфраструктуры, даже если они носят двойной характер, особенно при их расположении в населенных пунктах, поскольку экспертные комментарии к статьям Женевских конвенций не содержат перечня обязательств стран-участниц по отношению к таким объектам.

В этой связи следует ужесточить ответственность воюющих сторон за нападение на объекты ИКТ-инфраструктуры или гражданские объекты двойного назначения, а также за их использование в военных целях, если эти объекты преимущественно применяются в гражданских целях как часть ИКТ-инфраструктуры. Подобный подход уже существует в МГП: речь идет о запрете наносить удары по ядерным или иным опасным источникам (например, ГЭС, АЭС, дамбам), несмотря на их назначение (военное или гражданское) и расположение, то есть близости/дальности к населенным пунктам (Boothby, 2018, р. 52). Это позволяет сохранить жизни мирных людей во время войны. Считаем, что аналогичная трактовка может также быть применена к ИКТ-инфраструктуре.

Также следовало бы, как отметил М. Сассоли, вести список, четко определяющий гражданские объекты, используемые как военные, с возможностью внесения изменений с учетом развития современных ИКТ или международных отношений в целом.

Отдельным важным аспектом является возможность использования ИКТ для нанесения ущерба государству без фактического

²⁸ Сассоли М. Законные цели нападения в международном гуманитарном праве // Международный Комитет Красного Креста. 23.01.2004. URL: <https://web.archive.org/web/20221011205642/https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/ihl-attacks-230104.htm> (дата обращения: 15.05.2023).

²⁹ Там же.

начала боевых действий. Это может быть кибератака на критическую инфраструктуру или значимые для социальной или государственной жизни объекты. Основной проблемой является определение «порога», который можно считать допустимым для того, чтобы считать кибератаку нарушением суверенитета со всеми вытекающими последствиями в рамках международного гуманитарного права.

Возможным решением в рамках текущего этапа разработки международных правил в сфере ИКТ может быть «мягкое регулирование», позволяющее предварительно определить нормы и правила поведения посредством участия многосторонних организаций и в дальнейшем заложить эти нормы в проекты международно-правовых документов ООН. Подобная ситуация сложилась вокруг принятия международной конвенции в сфере информационной безопасности, где присутствует два подхода: российский подход, предусматривающий уважение нерушимости суверенитета в ходе борьбы с преступным использованием ИКТ, и западный подход, подразумевающий «возможность борьбы с киберпреступностью без учета государственного суверенитета», что «фактически предполагает экстерриториальное распространение права сильного в данной области»³⁰. Соответственно нормы, предлагаемые Россией, также легли в основу концепции Конвенции ООН об обеспечении международной информационной безопасности и документов, принятых в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и БРИКС, а нормы, предлагаемые западными странами, поддерживаются США и приняты в НАТО и Европейском союзе.

³⁰ Зиновьева Е. С. Международная информационная безопасность в двусторонних отношениях России и США // Российский совет по международным делам. 22.02.2023. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodnaya-informatsionnaya-bezopasnost-v-dvustoronnikh-otnosheniyakh-rossii-i-ssha/?sphrase_id=101081028 (дата обращения: 26.06.2023).

Заключение

Подводя итоги исследования, можно отметить, что проблема разграничения гражданских и военных объектов весьма актуальна. Данное разграничение становится с каждым днем все более размытым, особенно в условиях развития современных информационно-телекоммуникационных технологий. Проведенный нами анализ продемонстрировал, что западные страны, в частности государства — члены НАТО, в своей практике считают гражданские объекты двойного назначения военными объектами, как было показано при проведении военных кампаний в Ираке, сербском Косово и др. Таким образом, ИКТ, безусловно, открывают большие возможности в различных областях человеческой жизни. Однако по большому счету их первоначальное назначение в области военной сферы по-прежнему остается первостепенным, несмотря на их широкое введение в гражданский оборот, что будет в дальнейшем осложнять не только разграничение понятия гражданских и военных объектов, но и установление ответственности воюющих сторон за нарушение МГП.

Большинство объектов ИКТ-инфраструктуры являются объектами двойного назначения, что создает сложность в их классификации в качестве гражданских или военных целей. Помимо этого, возможность удаленного доступа и нанесения кибератак из «третьих стран» ставит вопрос законных мер противодействия и «порога» нанесенного ущерба для реализации тех или иных ответных мер.

Сложность в принятии новых международных норм и правил также связана с различными подходами стран к пониманию киберпространства и суверенитета в киберпространстве, что становится причиной кластеризации государств, придерживающихся тех или иных взглядов, и формирования нормативных документов на базе региональных международных организаций.

Поступила в редакцию / Received: 18.10.2023
Доработана после рецензирования / Revised: 04.11.2024
Принята к публикации / Accepted: 24.12.2024

Библиографический список

- Блищенко И. П.* Обычное оружие и международное право. Москва : Международные отношения, 1984.
- Кукушкина А. В., Иойрыш А. И., Шишкин В. Н.* Международное гуманитарное право и оговорка Мартенса // Закон и право. 2019. № 9. С. 159–163. <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2019-10431>; EDN: URLACB
- Маликов Д. С.* К вопросу об определении понятий военных и гражданских объектов в районах вооруженного конфликта и о правовой оценке различий между ними // Власть. 2014. № 8. С. 163–168. EDN: SJXJHX
- Пузырева Ю. В.* Разграничение гражданских и военных объектов в международном гуманитарном праве // Юрист-международник. 2006. № 4. С. 19–28. EDN: UWCVMH
- Рамич М. С., Пискунов Д. А.* Секьюритизация информационного пространства: от конструирования норм до создания правовых режимов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 2. С. 238–255. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-238-255>; EDN: KSSXFK
- Фуркало В. В.* Международно-правовая защита гражданского населения в период вооруженных конфликтов: дис. ... канд. юр. наук. Киев, 1982. EDN: NPLCHL
- Betz D. J., Stevens T.* Cyberspace and the State: Toward a Strategy for Cyber-Power. Abingdon : Routledge, 2011. URL: https://www.researchgate.net/publication/345705816_Cyberspace_and_the_State_Toward_a_Strategy_for_Cyber-power (accessed: 12.10.2024).
- Boothby W. H.* New Technologies and the Law in War and Peace. Cambridge : Cambridge University Press, 2018. <https://doi.org/10.1017/9781108609388>
- Dinstein Y.* The Principle of Distinction and Cyber War in International Armed Conflicts // Journal of Conflict and Security Law. 2012. Vol. 17, iss. 2. P. 261–277. <https://doi.org/10.1093/jcsl/krs015>
- Gallais C., Filiol E.* Critical Infrastructure: Where Do We Stand Today? A Comprehensive and Comparative Study of the Definitions of a Critical Infrastructure // Journal of Information Warfare. 2017. Vol. 16, iss. 1. P. 64–87. URL: <https://www.jstor.org/stable/26502877> (accessed: 16.06.2024).
- Jayan S. D.* About Information, Information Technology, Cryptography and Law // Journal of the Indian Law Institute. 2009. Vol. 51. P. 1–11. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1804899# (accessed: 26.06.2024).
- Nye J. S.* Nuclear Lessons for Cyber Security? // Strategic Studies Quarterly. 2011. Vol. 5, no. 4. P. 18–38. URL: <https://www.jstor.org/stable/26270536> (accessed: 26.06.2024).
- Routledge Handbook of the Law of Armed Conflict / ed. by R. Liivoja, T. McCormack. London : Routledge, 2016. <https://doi.org/10.4324/9780203798362>
- Schmitt M. N.* The Principle of Distinction and Weapon Systems on the Contemporary Battlefield // Connections. 2008. Vol. 7, no. 1. P. 46–56. <https://doi.org/10.11610/Connections.07.1.03>
- Smith T. W.* The New Law of War: Legitimizing Hi-Tech and Infrastructural Violence // International Studies Quarterly. 2002. Vol. 46, no. 3. P. 355–374. <https://doi.org/10.1111/1468-2478.00237>

Сведения об авторах:

Аду Яо Никэз — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; доцент кафедры теории государства и права и конституционного права, Оренбургский государственный университет; почетный профессор, Уральский государственный экономический университет; eLibrary SPIN-код: 6740-9517; ORCID: 0000-0001-8696-0181; e-mail: adu-ya@rudn.ru

Рамич Мирзет Сафетович — ассистент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; научный сотрудник Центра прикладного анализа международных трансформаций, Российский университет дружбы народов; eLibrary SPIN-код: 1830-1087; ORCID: 0000-0003-1479-2785; e-mail: ramich_ms@pfur.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-1-78-86
EDN: KHGBKR

Научная статья / Research article

Политика обеспечения информационно-психологической безопасности ОДКБ в условиях глобальной стратегической конкуренции

Р.С. Выходец

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация
marketing812@mail.ru

Аннотация. К настоящему моменту уже произошло полноценное осознание того факта, что глобальные процессы цифровизации, начавшиеся примерно во второй четверти XX в., привели к коренному переосмыслению теоретико-методологических основ современных конфликтов, а также политической практики в области обеспечения международной безопасности. Современный виток стратегической конкуренции, в котором постсоветское пространство выступает одной из основных арен международного противоборства, характеризуется повсеместным использованием комплекса гибридных методов воздействия на противника, в котором информационно-психологический компонент занимает одно из центральных мест. Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) на сегодняшний день является единственным механизмом обеспечения коллективной безопасности на постсоветском пространстве, поэтому активизация совместных усилий государств-членов в области обеспечения безопасности в информационно-психологической сфере является одним из приоритетов деятельности организации. Цель исследования — выявить место и роль информационно-психологического компонента в системе коллективной безопасности на уровне ОДКБ, а также сформулировать теоретико-методологическую платформу для повышения политического статуса данных вопросов в Повестке деятельности Парламентской Ассамблеи ОДКБ (ПА ОДКБ) на ближайшие годы. Помимо общенаучной методологии (анализ, синтез, индукция, аналогия) автор опирался на специальные методы и подходы (контент-анализ, критический дискурс-анализ, анализ документов, информационный и неофункциональный подходы). Наряду с официальными документами, российскими и зарубежными научными публикациями по теме исследования автор использовал рабочие материалы заседаний Экспертно-консультативного совета при ПА ОДКБ, членом которого он является. Предложен комплексный взгляд на формирование и обособление информационно-психологического компонента коллективной безопасности на уровне ОДКБ, а также впервые предложен анализ информационно-психологической безопасности в ракурсе текущей Повестки деятельности ПА ОДКБ. Выявлена роль информационного фактора в современных условиях стратегической конкуренции. Определены теоретические контуры информационно-психологической безопасности и дано авторское определение данному понятию. Исследованы информационно-психологические аспекты обеспечения коллективной безопасности на уровне ОДКБ. Представлены результаты анализа вопросов, касающихся обеспечения информационно-психологической безопасности в текущей Программе деятельности ПА ОДКБ. В 2025 г. завершается Программа деятельности ПА ОДКБ по сближению и гармонизации национального законодательства государств-членов на 2021–2025 гг. Проведенное исследование способствует разработке проектов законодотворческих инициатив для внесения в Программу деятельности ПА ОДКБ на 2026–2030 гг.

Ключевые слова: стратегическая конкуренция, информационная война, Организация Договора о коллективной безопасности, постсоветское пространство, когнитивная война

© Выходец Р.С., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке СПбГУ, шифр проекта 116471555, [https://pureportal.spbu.ru/ru/projects/-----40-----2024---1\(f1156a7a-525f-427e-8cc6-211429b8a1e4\).html](https://pureportal.spbu.ru/ru/projects/-----40-----2024---1(f1156a7a-525f-427e-8cc6-211429b8a1e4).html)

Для цитирования: *Выходец Р. С.* Политика обеспечения информационно-психологической безопасности ОДКБ в условиях глобальной стратегической конкуренции // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 1. С. 78–86. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-78-86>

The Policy of Ensuring the Information and Psychological Security of the CSTO in the Context of Global Strategic Competition

Roman S. Vykhodets

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

marketing812@mail.ru

Abstract. By now, it has been widely acknowledged that the global processes of digitalization, which began approximately in the second quarter of the twentieth century, have led to a radical rethinking of the theoretical and methodological foundations of contemporary conflicts, as well as of political practice in the field of international security. The modern round of strategic competition, in which the post-Soviet space is one of the main arenas of international confrontation, is characterized by the widespread use of a complex of hybrid methods of influencing the enemy, in which information and psychological influence occupy a central place. The Collective Security Treaty Organization (CSTO) is currently the only mechanism for ensuring collective security in the post-Soviet space, therefore, the intensification of joint efforts of the member states in the field of ensuring collective information and psychological security is today one of the priorities of the organization's activities. The aim of the present article is twofold: firstly, to identify the place and role of the information and psychological component in the collective security system at the CSTO level; and secondly, to formulate a theoretical and methodological platform for raising the political status of these issues on the agenda of the CSTO Parliamentary Assembly (CSTO PA) (in the coming years. In addition to the general scientific methodology (analysis, synthesis, induction, analogy), special methods and approaches (comparative analysis, content analysis, critical discourse analysis, document analysis, informational and non-functional approaches) were employed in the research. In addition to official documents, domestic and foreign scientific literature on the research topic, the author used working materials from meetings of the Expert Advisory Council at the CSTO PA, of which he is a member. The article provides a comprehensive perspective on the formation and isolation of the information and psychological components of collective security within the CSTO and, for the first time, an analysis of information and psychological security from the perspective of the current agenda of the CSTO PA. The role of the information factor in modern conditions of strategic competition is revealed. The theoretical contours of information and psychological security are defined, and the author's definition of this concept is given. The information and psychological aspects of ensuring collective security at the CSTO level are investigated. The results of the analysis of issues related to the provision of information and psychological security in the current Program of Activities of the CSTO PA are presented. In 2025, the Program of Activities of the CSTO PA on the Approximation and Harmonization of National Legislation of the Member States for 2021–2025 is being completed. The conducted research contributes to the development of draft legislative initiatives for inclusion in the Program of Activities of the CSTO PA for 2026–2030.

Key words: strategic competition, information warfare, information and psychological security, Collective Security Treaty Organization, post-Soviet space, cognitive warfare

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Acknowledgements. This research was supported by St. Petersburg State University, project code 116471555, [https://pureportal.spbu.ru/ru/projects/-----40-----2024---1\(f1156a7a-525f-427e-8cc6-211429b8a1e4\).html](https://pureportal.spbu.ru/ru/projects/-----40-----2024---1(f1156a7a-525f-427e-8cc6-211429b8a1e4).html)

For citation: Vykhodets, R. S. (2025). The policy of ensuring the information and psychological security of the CSTO in the context of global strategic competition. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(1), 78–86. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-78-86>

Введение

Сегодня уже вполне очевидна и не требует громоздких научных обоснований модель международных конфликтов, включающая шесть измерений: четыре классических (суша, море, воздушное и космическое пространство) и два, возникших в результате общемирового развития и распространения информационных технологий, — информационное и когнитивное. Причем последнее тесно связано с бурным развитием рекомендательных и генеративных систем на основе искусственного интеллекта (ИИ), которые своим появлением ознаменовали наступление новой эпохи в истории пропаганды, связанной с беспрецедентными возможностями воздействия на психику и поведение отдельного человека.

Один из отцов-основателей современной теории пропаганды, Жак Элюль, в своей классической работе дал пропаганде следующее определение: «Набор методов, используемых организованной группой, которая хочет добиться активного или пассивного участия в своих действиях массы индивидов, объединенных и организованных посредством психологических манипуляций» (Elull, 1965, p. 61). Сегодня информационно-психологическое противоборство выступает неотъемлемой частью и одним из ведущих факторов стратегической конкуренции на мировой арене. Особую роль в этом играют глобальные процессы цифровизации, результатом чего являются кардинальные изменения в структуре производства, распространения и потребления информации. По мнению К.Н. Лобанова, «состояние международных отношений в современном мире все в большей степени определяется последствиями информационно-психологической борьбы, в которую оказались втянуты ведущие субъекты мировой политики» (Лобанов, 2020, с. 36).

Начавшийся в 2010-х гг. в США переход от долгосрочной мягкосиловой политики вовлечения к методам стратегической

пропаганды, в основу которой была положена целенаправленная дискредитация противников и врагов Соединенных Штатов в информационной среде, на постсоветском пространстве ознаменовался широким применением прямых форм информационно-психологического воздействия (Цветкова, 2015, с. 130). Как указывают некоторые исследователи, эта тенденция привела к существенному нарастанию вызовов и угроз коллективной безопасности на постсоветском пространстве, мишенью которых оказалась интеграционная политика России и ее союзников (Петрищев, 2021, с. 126).

Столетиями создаваемый историко-культурный и политико-экономический потенциал Евразии оказался непреодолимым препятствием на пути к глобальному доминированию Запада (Михалёв, Рахимов, 2024). Не имея возможности прямого использования военной силы, США и их союзники сосредоточились на использовании неконвенциональных инструментов. Волна «цветных революций», прокатившаяся в том числе по странам постсоветского пространства, со всей ясностью продемонстрировала, с одной стороны, силу и возможности информационно-психологического воздействия, опирающегося на современные цифровые технологии, а с другой — решимость коллективного Запада завершить в свою пользу очередной виток стратегической конкуренции на огромном геополитическом пространстве, возникшем после распада Советского Союза.

Начало специальной военной операции (СВО) на Украине в феврале 2022 г. ознаменовало собой новую веху в осмыслении фундаментальных основ национальной и международной безопасности. Зародившаяся в начале XX в. и обретшая всю мощь в постсоветский период концепция «Украина — анти-Россия», которая на протяжении десятилетий питалась щедрой идеологической и финансовой поддержкой со стороны Запада, наконец предъявила эсхатологические вызовы не только видению Россией справедливости

в международных отношениях (Кавешников, 2023), но и ее национальной безопасности, не оставив иного выбора, кроме как применить военную силу (Де Ларозьер, 2024). После этого уже не только для ученых и экспертов, но и на уровне здравого смысла стало вполне очевидно, насколько тонка сегодня грань между военными и невоенными средствами конкуренции на международной арене и насколько значительна роль информационно-психологического фактора в обеспечении национальной и международной безопасности.

Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в настоящее время является единственным дееспособным механизмом обеспечения коллективной безопасности на пространстве бывшего СССР, и от его эффективности во многом зависит защита политического суверенитета и наработанных десятилетиями экономических связей государств-членов. В этом, как справедливо указывает ответственный секретарь Парламентской Ассамблеи (ПА) ОДКБ С.В. Поспелов, ведущую роль играет модельное законодательство¹. Именно поэтому своевременная имплементация новейших подходов и методов конкуренции на международной арене в политическую практику является залогом построения эффективной системы коллективной безопасности.

Роль информации в современных условиях стратегической конкуренции

В 1948 г. Дж. Кеннан в своем политическом меморандуме о политическом планировании призвал руководство США отказаться от представлений, в которых проводятся различия между «миром» и «войной»². Основная

идея Дж. Кеннана заключалась в том, что соперничество между государствами находится в континууме действий, простирающемся между военными конфликтами и дружественными отношениями. Это предполагает широкий спектр воздействий на соперника, включающий идеологические, дипломатические, экономические и иные инструменты невоенного характера. Эта идея американского политического стратега спустя более чем 50 лет в полной мере была раскрыта в современной концепции «гибридной войны», предполагающей нанесение противнику комплексного ущерба с использованием военных, дипломатических, экономических, информационных, психологических и идеологических методов воздействия³.

Конкурентная деятельность располагается в достаточно широком диапазоне международных отношений, полюсами которого выступают сотрудничество и война, но при этом не переходит грань прямого вооруженного конфликта и насилия. По мнению экспертов, такая конкуренция включает шпионаж, экономическую борьбу, кражу интеллектуальной собственности, противоборство в информационной среде, санкции, юридическое принуждение, позиционирование вооруженных сил, дипломатические и военные маневры и угрозы, запугивание, подкуп политической элиты⁴.

Таким образом, под стратегической конкуренцией следует понимать конкурентную деятельность государства (государств) против другого государства (государств), направленную на реализацию национальных интересов, которая находится в диапазоне действий между сотрудничеством и войной.

В современном мире именно информационная сфера играет ключевое значение в

¹ Поспелов С. В. Роль модельного законодательства ОДКБ в реагировании на нарастание вызовов и угроз со стороны евразийской дуги нестабильности // *Международная жизнь*. 2021. № 2. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2474> (дата обращения: 16.10.2024).

² Kennan G. Policy Planning Staff Memorandum // The U.S. Department of State. May 4, 1948. URL: <https://archive.law.upenn.edu/live/files/9964-kennan-memo-political-warfarepdf> (accessed: 16.02.2024).

³ Mattis J., Hoffman F. Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars // *U.S. Naval Institute Proceedings*. 2005. Vol. 131, no. 11. URL: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/2005/november/future-warfare-rise-hybrid-wars> (accessed: 16.10.2024).

⁴ Van de Velde J. What Is 'Strategic Competition' and Are We Still in It? // *The SAIS Review of International Affairs*. February 2, 2024. URL: <https://saisreview.sais.jhu.edu/what-is-strategic-competition-and-are-we-still-in-it/> (accessed: 16.10.2024).

стратегической конкурентной борьбе. Б. Блечман и С. Каплан еще в конце 1970-х гг. в своей совместной работе указали, что «успех во многом зависит от эффективного использования информационной среды, позволяющей проецировать национальную мощь в глобальном масштабе, решая задачи сдерживания, принуждения, укрепления уверенности и побуждения к действиям» (Vlechman & Kaplan, 1978, p. 27).

Сложность современной конкурентной среды определяется глубоким проникновением цифровых технологий и социальных сетей, позволяющих установить эффективную коммуникацию с отдельным человеком, оказывая тем самым беспрецедентное воздействие на общественное мнение путем адекватной синхронизации разносторонней деятельности во всех областях общественной жизни с ее профессиональным коммуникационным сопровождением» (Пашенцев, 2017, с. 167).

Важное значение информационного фактора в международном противоборстве в последнее время было закреплено в целой серии официальных документов национального и международного уровня. В Стратегической концепции Организации Североатлантического договора (НАТО) от 2022 г. за киберпространством признается ключевая роль в противодействии современным угрозам⁵. В обновленной Концепции внешней политики Российской Федерации⁶ впервые в российском официальном дискурсе использован термин «информационно-психологическое воздействие».

Все это, по мнению исследователей, диктует необходимость создание правовых режимов для секьюритизации информационного пространства (Рамич, Пискунов, 2022). Поэтому выработка коллективной политики

⁵ Стратегическая концепция НАТО 2022 года // НАТО. 29.06.2022. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf (дата обращения: 19.02.2024).

⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 16.02.2024).

в области обеспечения информационно-психологической безопасности в зоне ответственности ОДКБ представляется сегодня одним из основных приоритетов.

Теоретические контуры информационно-психологической безопасности

В современной теории информационного противоборства принято выделять его информационно-технические и информационно-психологические аспекты, каждый из которых обладает своим относительно обособленным предметом (Троценко, 2016).

Вопросу четкого определения предметных границ концепции информационно-психологического противоборства и теоретических границ понятия «информационно-психологическая безопасность» посвящена отдельная работа (Выходец, Панцерев, 2022). Здесь же ограничимся отдельными замечаниями по данному вопросу.

Обособление информационно-психологического компонента является логическим итогом теоретической дифференциации исходной концепции информационной войны (Toffler & Toffler, 1995) в процессе ее развития и уточнения в череде авторских концепций, осмысливающих особенности современного противоборства в информационной среде: «сетевая война»⁷, «сетевая война»⁸, «кибервойна» (Clarke & Knake, 2010), «ментальная война» (Ильницкий, 2021), «когнитивная война»⁹.

В настоящее время под информационно-психологическим противоборством следует

⁷ Arquilla J., Ronfeldt D. The Advent of Netwar // In Athena's Camp: Preparing for Conflict in the Information Age. RAND Corporation, 1997. URL: <https://www.jstor.org/stable/10.7249/mr880osd-rc.17?seq=2> (accessed: 16.10.2024).

⁸ Cebrowski A. K., Garstka J. J. Network-Centric Warfare: Its Origin and Future // U.S. Naval Institute Proceedings. 1998. Vol. 124, no. 1. P. 28–35.

⁹ Claverie B., de Cluzel F. The Cognitive Warfare Concept // NATO Innovation Hub. 2021. URL: https://web.archive.org/web/20220310080151/https://innovationhub-act.org/sites/default/files/2022-02/CW%20article%20Claverie%20du%20Cluzel%20final_0.pdf (accessed: 16.10.2024).

понимать сферу международных отношений, связанную с деструктивным воздействием в информационной среде на системы формирования общественного мнения и принятия решений, а также психику должностных лиц, общественных деятелей и населения.

Воздействие может осуществляться достаточно широким арсеналом сил и средств:

— специальные информационно-психологические операции (*psychological operations*, PSYOP);

— распространение фейков, дискредитация политической элиты в публичном пространстве, деструктивное воздействие на общественные ценности, систему образования;

— деятельность иностранных СМИ, некоммерческих организаций (НКО), распространение определенных идеологических и социокультурных моделей через бизнес-сообщества, академические и образовательные структуры.

Главными мишенями информационно-психологического воздействия выступают информационная повестка (контроль над информационными ресурсами, производством и распространением определенного контента), а также индивидуальная психика (использование манипулятивных методов и приемов, в том числе с использованием передовых информационных технологий) (Выходец, 2024, с. 50).

Под информационно-психологической безопасностью мы будем понимать состояние защищенности существующей в государстве системы формирования общественного мнения и принятия решений, а также психики должностных лиц, общественных деятелей и населения от деструктивного идеологического и психологического воздействия в информационной среде.

Информационно-психологические аспекты обеспечения коллективной безопасности на уровне ОДКБ

Сразу следует подчеркнуть, что вопросы, касающиеся выработки коллективной политики по противодействию деструктивному психологическому и идеологическому влиянию включены в общий комплекс задач

обеспечения информационной безопасности и цифрового суверенитета государств-членов (Бондуровский, Поспелов, 2024). При этом спектр необходимых коллективных действий, лежащих в данной плоскости, во многом связан с необходимостью регулирования цифровых платформ, что сопряжено, по мнению отдельных исследователей, с трудностями гармонизации транснационального характера деятельности, с одной стороны, и особенностями законодательства и правоприменительной практики — с другой (Ларионова, Доронин, 2024), что зачастую выступает препятствием для выработки консенсусных решений на международном уровне.

Тем не менее, первые шаги по концептуализации информационной безопасности как самостоятельной сферы коллективной безопасности ОДКБ приходятся на середину 2000-х гг. Данный вопрос подробно изложен в одной из наших работ (Выходец, 2024, с. 336–351), поэтому в этой статье кратко изложим лишь основные вехи этого процесса (табл.).

Таким образом, к настоящему моменту на уровне ОДКБ разработана нормативно-правовая основа, в которой информационно-психологические аспекты обладают характером самостоятельного компонента коллективной безопасности.

Информационно-психологическая безопасность в ракурсе Программы деятельности ПА ОДКБ на 2021–2025 гг.

Действующая Программа деятельности Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности по сближению и гармонизации национального законодательства государств — членов ОДКБ на 2021–2025 гг. утверждена постановлением 13-го пленарного заседания ПА ОДКБ от 30 ноября 2020 года № 13-8¹⁰.

¹⁰ Программа деятельности Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности по сближению и гармонизации национального законодательства государств-членов ОДКБ на 2021–2025 годы // Парламентская Ассамблея ОДКБ. 18.12.2023. URL: <https://paodkb.org/documents/programma-deyatelnosti-parlamentskoy-assamblei-odkb-po-sblizheniyu-43f64b44-9f0d-419d-babe-aa4bfbfc0299> (дата обращения: 15.09.2024).

**Концептуализация информационной безопасности
как самостоятельной сферы коллективной безопасности ОДКБ**

Наименование документа	Дата и место принятия	Главные тезисы
Решение о создании Рабочей группы по вопросам информационной политики и информационной безопасности	Ноябрь 2006 г., заседание Комитета секретарей советов безопасности	За Рабочей группой закреплены функции координации совместных действий по выявлению общих проблем в сфере информационной политики и безопасности
Решение Совета коллективной безопасности ОДКБ	Декабрь 2010 г., заседание Совета коллективной безопасности ОДКБ	Впервые задачи, относящиеся к сфере информационно-психологической безопасности, отдельно обозначены в перечне приоритетов обеспечения информационной безопасности Организации
Стратегии коллективной безопасности ОДКБ на период до 2025 г.	Октябрь 2016 г., заседание Совета коллективной безопасности ОДКБ	Признание за информационно-психологическим воздействием статуса одного из элементов современного силового противоборства
Соглашение о сотрудничестве в области обеспечения информационной безопасности	Ноябрь 2017 г., встреча лидеров государств-членов	Впервые в официальных документах ОДКБ дано определение понятию «деструктивное информационное воздействие»
Модельный закон «Об информационном противоборстве терроризму и экстремизму»	Октябрь 2018 г., заседание ПА ОДКБ	Впервые в официальных документах ОДКБ использован термин «информационно-психологическое противоборство»
Модельный закон «Об информационной безопасности»	Ноябрь 2021 г., заседание ПА ОДКБ	К основным угрозам обеспечения коллективной информационной безопасности отнесены ряд угроз информационно-психологического характера

Источник: составлено Р.С. Выходцем на основе: Законодательная деятельность ПА ОДКБ // ПА ОДКБ. URL: <https://paodkb.org/documents> (дата обращения: 16.08.2024).

На текущую пятилетку запланировано принятие 35 нормативно-правовых актов, модельных законов и рекомендаций. Соответствующие органы государств-членов (парламенты, парламентские делегации ПА ОДКБ) обладают равными правами при инициировании разработки и принятии нормативно-правовых актов. Среди государств-членов Республика Беларусь является лидером по числу инициатив, Программа 2021–2025 гг. содержит 16 пунктов, предложенных этой страной. За ней следует Россия — 5 инициатив, Таджикистан — 2, инициативы Армении, Казахстана и Кыргызстана в Программе 2021–2025 гг. отсутствуют. Структурные подразделения самой ОДКБ инициировали 17 предложений, которые включены в действующую Программу¹¹.

Содержательный анализ документа позволяет утверждать, что на уровне ОДКБ уделяется серьезное внимание информационным аспектам коллективной безопасности.

¹¹ Одну инициативу могут вносить несколько государств — членов ОДКБ.

Так, число инициатив, связанных с информационно-техническими и информационно-психологическими аспектами коллективной безопасности, составляет 13 единиц, или чуть менее 40 %. Причем 5 из 13 инициатив непосредственно относятся к информационно-психологической сфере и направлены на противодействие внешним деструктивным попыткам ревизии и искажения исторических событий и итогов Второй мировой войны, реабилитации нацизма, создание единых основ военно-патриотического воспитания, выработку общих принципов регулирования сети Интернет, а также защиту электорально-го суверенитета.

Таким образом, в Программе деятельности ПА ОДКБ на 2021–2025 гг. вопросы, касающиеся информационно-психологических аспектов коллективной безопасности, в качестве приоритетов поднимают только Россия и Белоруссия. Остальные партнеры по ОДКБ присоединяются к общему консенсусу либо в контексте исторической ретроспективы (противодействие реабилитации нацизма и искажению исторической истины), либо

в вопросах, имеющих непосредственное отношение к сохранению власти политических элит — защита электоральных процессов и суверенитета в государствах — членах ОДКБ.

В последнее время многие российские и зарубежные исследователи обращают внимание на особую роль технологий искусственного интеллекта в современном информационно-психологическом противоборстве (Goldstein, 2021; *The Palgrave Handbook of Malicious Use of AI and Psychological Security*, 2023). И, как часто бывает, многие экспертные идеи довольно быстро оказываются в основе официальных документов: например, в Программе деятельности ПА ОДКБ 2021–2025 гг. впервые на уровне организации появилась инициатива, связанная с искусственным интеллектом в контексте обеспечения национальной безопасности.

Существенное расширение числа акторов информационно-психологического противоборства, кратное увеличение манипулятивного контента с одновременным снижением его стоимости за счет автоматизации его создания и распространения среди целевых групп, динамическая персонализация контента в реальном времени и другие факторы определяют современные возможности быстрого распространения вредоносной информации с широким охватом аудитории, что в контексте обеспечения безопасности поднимает вопросы управления поведением человека и свободы воли в цифровом мире. Как указывают некоторые исследователи, в современном информационно-психологическом противоборстве акцент переносится с фронтальных методов пропаганды на работу с целевыми аудиториями с намерением искусственной невротизации и психотизации отдельных групп населения за счет «вбросов» психотравмирующего контента (Lobanov & Selin, 2022).

Признание существенного влияния ИИ-технологий на мировую политику и международную безопасность нашло отражение

в совместном заявлении Совета Парламентской Ассамблеи ОДКБ в июне 2024 г., в котором подчеркивается необходимость внедрения и использования наработок государств-членов в области искусственного интеллекта целях укрепления информационной и когнитивной безопасности¹².

Заключение

В заключение отметим, что на сегодняшний день вопросы информационно-психологического противоборства прочно укрепились в политической повестке ОДКБ по обеспечению коллективной безопасности. Анализ коллективной политики и модельного законодательства ОДКБ к информационно-психологическим вызовам и угрозам, которые на сегодняшний день имеют безусловный приоритет, позволяет отнести следующие:

- экстремистская и террористическая деятельность в информационной среде;
- производство, публичное распространение и потребление заведомо ложной и/или вводящей в заблуждение информации;
- внешние целенаправленные попытки ревизии истории и искажения исторической правды, прежде всего итогов Второй мировой войны;
- отсутствие единых принципов регулирования разработки, внедрения и использования информационных систем на основе искусственного интеллекта;
- деструктивные действия, направленные на дискредитацию принципов патриотизма и традиционных духовно-нравственных ценностей государств — членов ОДКБ;
- внешнее деструктивное вмешательство в электоральные процессы.

¹² Совет ПА ОДКБ принял Заявление в связи с развитием технологий искусственного интеллекта // Парламентская Ассамблея ОДКБ. 03.06.2024. URL: <https://paodkb.org/events/sovet-pa-odkb-prinyal-zayavlenie-v-svyazi> (дата обращения: 17.10.2024).

Поступила в редакцию / Received: 09.03.2024
Доработана после рецензирования / Revised: 22.10.2024
Принята к публикации / Accepted: 24.12.2024

Библиографический список

- Бондуровский В. В., Поспелов С. В. Деятельность Парламентской Ассамблеи ОДКБ в контексте трансформации вызовов и угроз безопасности // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2024. № 2. С. 14–26. <http://doi.org/10.61260/2074-1626-2024-2-14-26>; EDN: MAQBZM
- Выходец Р. С. Политика ОДКБ в сфере информационно-психологической безопасности. Санкт-Петербург : Фонд РМГК, 2024. EDN: CCDYLQ
- Выходец Р. С., Панцеров К. А. Сравнительный анализ современных концепций информационного противоборства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16, № 4. С. 139–148. <http://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-139-148>; EDN: SVTUJU
- Де Ларозьер Ж. Украина: сначала понять, потом делать выводы // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22, № 5. С. 33–40. <http://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-5-33-40>; EDN: LBMXIG
- Ильницкий А. М. Ментальная война России // Военная мысль. 2021. № 8. С. 19–33. EDN: TDSKIX
- Кавеников Н. Ю. Справедливость при урегулировании региональных конфликтов: анализ стратегии России в 1992–2021 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 215–227. <http://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-215-227>; EDN: JFXLBY
- Ларионова М. В., Доронин П. А. Проблемы регулирования цифровых платформ: трудности и возможности международного сотрудничества // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2024. Т. 19, № 2. С. 70–92. <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2024-02-04>; EDN: ESNVNP
- Лобанов К. Н. Информационно-психологическое противоборство в сфере региональной безопасности СНГ: идеологические и доктринальные основы // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Т. 15, № 2. С. 35–47. EDN: TDVLJI
- Михалёв А. В., Рахимов К. К. Евразия с точки зрения Фуко // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22, № 1. С. 98–111. <http://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-1-98-111>; EDN: TUMIRB
- Пашенцев Е. Н. Стратегическая коммуникация США: особенности и противоречия в условиях международной напряженности // Россия: тенденции и перспективы развития : Ежегодник. Вып. 12. Ч. 2 / отв. ред. В. И. Герасимов. Москва : ИНИОН РАН, 2017. С. 163–167. EDN: ZOCASF
- Петрищев Е. В. Развитие международных политических коммуникаций на постсоветском пространстве: тенденции и особенности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. № 2. С. 116–128. http://doi.org/10.52070/2500-347X_2021_2_843_116; EDN: TVWOYE
- Рамич М. С., Пискунов Д. А. Секьюритизация информационного пространства: от конструирования норм до создания правовых режимов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 2. С. 238–255. <http://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-238-255>; EDN: KSSXFK
- Троценко К. А. Информационное противоборство в оперативно-тактическом звене управления // Военная мысль. 2016. № 8. С. 20–25. EDN: WHHND
- Цветкова Н. А. Публичная дипломатия США: от «мягкой силы» к «диалоговой пропаганде» // Международные процессы. 2015. Т. 13, № 3. С. 121–133. EDN: UXZUAB
- Blechman B., Kaplan S. Force Without War: U.S. Armed Forces as a Political Instrument. Washington, D.C. : Brookings Institution, 1978.
- Clarke R. A., Knake R. K. Cyber War: The Next Threat to National Security and What to Do About It. New York : Ecco, 2010.
- Elull J. Propaganda: The Formation of Men's Attitudes. New York : Knopf, 1965.
- Goldstein J. Foreign Influence Operations in the Cyber Age [PhD dissertation]. Oxford : University of Oxford, 2021.
- Lobanov K. N., Selin B. N. The State of Human Security in the Context of Scenario Forecasting of Global Dysfunctionality // International Academic Conference on Human Security (5; 2022; Beograd). Book of abstracts / ed. by N. Stekić, S. Stanarević. P. 29. Belgrade : Planeta Print, 2022.
- The Palgrave Handbook of Malicious Use of AI and Psychological Security / ed. by E. N. Pashentsev. Cham : Palgrave Macmillan, 2023. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-22552-9>; EDN: TMRCFI
- Toffler A., Toffler H. War and Anti-War: Survival at the Dawn of the 21st Century. New York : Warner Books, 1995.

Сведения об авторе:

Выходец Роман Сергеевич — доктор политических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет; член Экспертно-консультативного совета, Парламентская Ассамблея ОДКБ; eLibrary SPIN-код: 4332-7938; ORCID: 0000-0002-5910-9815; e-mail: marketing812@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-1-87-97

EDN: KKDPVC

Обзорная статья / Review article

Критика принципа деколонизации: в диалоге с книгой Олуфеме Тайво «Против деколонизации: серьезный подход к африканской акторности»

Н.А. Медушевский

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 lucky5659@yandex.ru

Аннотация. Анализируется научная дискуссия, развернувшаяся вокруг опубликованной в 2022 г. книги нигерийского философа и ученого Олуфеме Тайво «Против деколонизации: серьезный подход к африканской акторности», в которой был сформулирован новый подход к трактовке феномена деколонизации. Рассмотрено содержание публикации, выделены ее ключевые идейно-философские смыслы, а также исследована дискуссия вокруг работы О. Тайво в англо-американском научном сообществе. Последний раздел статьи посвящен критике монографии и выявлению ее «политической миссии», которая состоит в констатации необходимости противодействия тренду «деколонизации современности», набирающему силу во многих странах Африки южнее Сахары. Автор применяет интеллектуальный анализ текстовых данных (TDM) к монографии О. Тайво, а дискурс-анализ позволяет проанализировать характер дискуссии вокруг работы нигерийского философа. Делается вывод, что монография О. Тайво стала реакцией на серию революций и переворотов в Западной Африке, приведших к выходу таких стран, как Нигер, Буркина-Фасо, Мали и др., из-под французского неокOLONИАЛЬНОГО влияния. Возникший тренд на освобождение африканских стран от неокOLONИАЛЬНОЙ зависимости и неспособность бывших метрополий остановить данный процесс потребовали от западного научного сообщества срочной разработки идейной платформы, утверждающей необходимость сохранения прежнего неокOLONИАЛЬНОГО порядка. О. Тайво в своей монографии представляет такой идеологический концепт. Его суть сводится к тезису о том, что, когда африканские колонии обрели государственность, они стали независимы и деколонизация была завершена. Дальнейшая деколонизация, именуемая в книге «деколонизация современности», вредна и разрушает комплексное историко-культурное наследие, необходимое африканцам для развития. Как следствие, риторика «деколонизации современности» нелегитимна и должна быть прекращена.

Ключевые слова: колониализм, метрополии, деколонизация современности, неокOLONИАЛИЗМ, Африка южнее Сахары

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование подготовлено в рамках гранта «Проектные научные коллективы РГГУ» в 2024 г. для реализации научно-исследовательского проекта «Глобальный Юг во внешнеполитической стратегии России: новые подходы и механизмы многостороннего сотрудничества».

Для цитирования: Медушевский Н. А. Критика принципа деколонизации: в диалоге с книгой Олуфеме Тайво «Против деколонизации: серьезный подход к африканской акторности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 1. С. 87–97. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-87-97>

© Медушевский Н.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Critique of the Decolonization Principle: In Dialogue with Olúfẹ̀mi Táíwò Book “Against Decolonisation: Taking African Agency Seriously”

Nikolaj A. Medushevsky

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
RUDN University, Moscow, Russian Federation
 lucky5659@yandex.ru

Abstract. This article presents an analysis of the academic debate surrounding the book “Against Decolonisation: Taking African Agency Seriously,” published in 2022 by the Nigerian philosopher and scientist Olúfẹ̀mi Táíwò. The central thesis of the book is that it formulates a new approach to the phenomenon of decolonization. In the article, the author examines the content of the publication, highlighting key ideological and philosophical meanings. Meanwhile, the debates within the Anglo-American academic community are also explored. The article concludes with a critique of the monograph. The ‘political mission’ of the book is also investigated since it is directed against the growing “decolonization of modernity” trend of in many countries of sub-Saharan Africa. In terms of methodology, the author used text data mining (TDM) to analyze the original text. Discourse analysis was utilized to investigate the scientific discussion surrounding the book. The article draws several conclusions. O. Táíwò’s monograph represents a reaction to the series of revolutions in West Africa, which resulted in withdrawal from French neocolonial influence in some countries. The trend towards the liberation of African countries from neocolonial dependency had emerged, and the former metropolises were unable to stop this process. Consequently, it required the Western scientific community to urgently develop an ideological platform asserting the need to preserve the previous neocolonial order. O. Táíwò presents this ideological concept in his monograph. Its essence unfolds the thesis that decolonization was completed when African colonies gained independence and statehood. Further decolonization, referred to in the book as the “decolonization of modernity,” is harmful and destroys the essential complex historical and cultural African heritage. Therefore, the rhetoric of “decolonizing modernity” is considered illegitimate and must be stopped.

Key words: colonialism, metropolises, decolonization of modernity, neocolonialism, sub-Saharan Africa

Conflicts of interest. The author declares no conflict of interest.

Acknowledgements. The study was prepared within the framework of the grant “Project Research Teams of the Russian State University for the Humanities” in 2024 for the implementation of the research project “The Global South in Russia’s Foreign Policy Strategy: New Approaches and Mechanisms of Multilateral Cooperation”.

For citation: Medushevsky, N. A. (2025). Critique of the decolonization principle: In dialogue with Olúfẹ̀mi Táíwò book “Against Decolonisation: Taking African Agency Seriously”. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(1), 87–97. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-87-97>

Введение

«Преобразование колониализма в самый важный или даже единственный элемент в объяснении социальных явлений в Африке не может быть правдоподобным, адекватным или корректным. Для меня это, вероятно, самый неприятный аспект деколонизационного тропа, поскольку колониализм принимается в качестве единственной или доминирующей оси, на которой строится история континента и события после колонизации» (Тáíwò, 2022, 148), — так Олуфеме Тайво характеризует одну из основных идей своей книги «Против деколонизации: серьезный подход к африканской акторности».

Нельзя не согласиться с автором в том, что, действительно, эпоха колониализма до сих пор продолжает определять научный, политический и философский дискурс, когда речь заходит об Африке и ее современном развитии. Это подтверждает целый ряд работ, публикуемых на Западе, в Африке и в России. В числе иностранных работ следует отметить ряд коллективных монографий (Creating the New African University, 2023; Decolonisation: Revolution and Evolution, 2023; Decolonising African University Knowledges..., 2022; Ubuntu Philosophy..., 2023), работы Р. Скиннера (Skinner, 2023), Я. Офосу-Асапе (Ofosu-Asare, 2024), Ш. Тусасиирве (Tusasiirwe, 2024) и др.

В числе публикаций по теме деколонизации, изданных на русском языке, необходимо выделить работы К.А. Фурсова (Фурсов, 2015), Г. Терборна и И. Тартаковской (Терборн, Тартаковская, 2005), О.С. Кульковой (Кулькова, 2015), Я.А. Левина (Левин, 2017), С.Г. Малкина (Малкин, 2018), А.Ж. Бисеновой (Бисенова, 2022), О.С. Карнаухова (Карнаухова, 2022) и знаковую статью «Советские исследования неокOLONИализма» (Бокерия и др., 2022).

Причины, обуславливающие повышенный интерес академического сообщества к вопросам деколонизации, связаны в первую очередь с комплексным радикальным изменением жизни целого континента, который в результате колониальной экспансии оказался подчинен логике европейского развития и помимо своей воли был вынужден адаптироваться к новому статусу «зависимой территории».

Данный статус просуществовал достаточно долго, и только в 1950–1970-х гг. подавляющее большинство африканских колоний формально получили независимость и обрели собственную государственность. В то же время обретение государственности для них отнюдь не означало освобождения от бывших метрополий, так как сохранялась выраженная политическая, экономическая и культурная зависимость, которую в различных ее проявлениях в российской политической науке принято называть неокOLONИализмом. Современная серия революций и государственных переворотов в странах Западной Африки в 2019–2024 гг. и их внешнеполитическая переориентация в сторону России продемонстрировали выраженное желание данных стран и континента в целом преодолеть историческую зависимость и неокOLONИальный контроль со стороны бывших метрополий через «вторичную деколонизацию». Данное намерение нашло выражение в их выходе из проевропейских союзов и объединений, например Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС), и активизации диалога с альтернативными центрами силы, способными направить и поддерживать национальное развитие, открыв новые

перспективы. Тем не менее эти практические, порой ситуативные, решения правительств ряда африканских стран, равно как и пассивность других государств континента, оставляют открытым вопрос о необходимости «деколонизации культуры» и «деколонизации мышления» африканских обществ в их стремлении обрести свой уникальный путь развития.

Именно этот вопрос становится объектом анализа в крайне актуальной и инновационной по своему смыслу работы известного нигерийского философа, профессора и директора Центра африканских исследований Корнелльского университета в США О. Тайво «Против деколонизации: серьезный подход к африканской акторности» (Táíwò, 2022). Рассматриваемая нами книга наследует целой серии крупных работ автора (Táíwò, 2010; 2014; 2015).

Обзор работы

В контексте глобальных трансформаций, которые переживает современный мир, многие исторические процессы неожиданно получают новый импульс. Одним из таких процессов, создающих тренд глобального развития, безусловно, является деколонизация стран Африки южнее Сахары.

Фактически книга «Против деколонизации: серьезный подход к африканской акторности» выражает протест автора против набирающей силу на континенте культуры отмены исторического наследия, сформированного в колониальный период в соответствии с принципами и идеями, коренящимися в европейской традиции. В этой связи О. Тайво пишет, что изначально деколонизация была обоснована и имела целью освобождение от внешнего экономического, военного и политического контроля, что было необходимо для выбора самостоятельного курса развития. Впоследствии, уже на современном этапе, отрицание контроля переросло в абсолютное отрицание влияния Европы во всех социально значимых сферах, от философии до медицины, в пользу «мнимой» аутентичности, которой в данных сферах никогда не было, так как они были созданы европейцами.

Выступая против «комплексной» деколонизации культуры и науки, О. Тайво говорит с позиций глобализма и делает упор на единство исторического развития национальных культурных традиций, которые исторически оказались вплетены в единые для Европы и Африки процессы исторического развития. В этом контексте попытка изъять из истории и культуры эффект колониального влияния подрывает современные достижения африканских обществ, так как практически все их новые успехи базируются на фундаменте колониального прошлого, а уничтожение этого фундамента лишает современных африканских мыслителей ценнейшего ресурса западной культуры и интеллектуального наследия, что «инфантилизует» результаты их деятельности.

На почве критики «всеобъемлющей деколонизации» О. Тайво вступает в полемику с «контргегемонистским дискурсом», сторонники которого утверждают, что принудительная сила колониализма простирается намного дальше официальной даты его окончания. По мнению, отраженному философом в книге, контргегемонистский дискурс для большинства критиков выступает как самоцель, имеющая демонстративный эффект, но в то же время не способствующая обретению бывшими колониями реальной свободы — реального независимого пути развития.

В этой связи О. Тайво выделяет два типа деколонизации.

Первый тип — это освобождение от контроля метрополий. Такая деколонизация завершается с обретением независимости, и африканскими странами она уже достигнута, что, безусловно, стало благом для континента. Второй же тип деколонизации, по мнению О. Тайво, означает «принуждение бывшей колонии отказаться от любого культурного, политического, интеллектуального, социального и лингвистического артефакта, идеи, процесса, учреждения и практики, которые сохраняют даже малейший намек на колониальное прошлое» (Táíwò, 2022, pp. 183–184).

Этот процесс, отстаиваемый контргегемонистами, по мнению О. Тайво, не имеет конца и в идеале должен вернуть страну в ту точку истории, где колонизация еще не

началась. Такая цель представляется абсурдной и противоречащей интересам любого африканского общества, которое за 200 лет проделало длинный путь развития, пусть и в рамках колониальной системы. Тем не менее данная популистская идея выглядит привлекательной в глазах общества, так как позволяет «списать» на колонизаторов многочисленные социальные и политические проблемы. В итоге О. Тайво в принципе призывает отказаться от термина «деколонизация» как скрывающего ложные цели и подменяющего эффект реального освобождения формой бесконечного манипулирования и констатирует, что «любые явления, связанные с колониализмом, должны быть изгнаны из постколониального мира» (Táíwò, 2022, pp. 7–8).

Причин, по которым, по мнению О. Тайво, нельзя огульно вырывать наследие колониализма из истории и жизни африканских обществ, несколько.

В первую очередь, он отмечает, что интеллектуальная, социальная и политическая история Африки изобилует культурными контактами с европейцами еще в доколониальный период, и тогда это влияние не было обязывающим, но воспринималось, хотя и фрагментированно, как импульс к развитию.

Второй тезис связан с тем, что до, во время и после колониальной эпохи именно коренное население Африки и его конкретные представители реализовывали преобразования во всех сферах жизни общества, то есть всегда были включены в процесс развития, воспринимая те или иные решения как часть своей жизни, несмотря на то, что первопричиной данных решений во многих случаях выступали европейцы. Таким образом, африканцы сами создали современную социально-политическую реальность, и она не может считаться искусственной и навязанной.

О. Тайво признает, что решения, принятые при участии или под влиянием европейцев, приводили как к улучшению, так и к ухудшению жизни африканских обществ. Однако он считает, что их нельзя обобщенно отрицать и заявлять, что они однозначно вели к кризису и лишению африканских народов самостоятельности в рамках колониальной системы и до сих пор являются корнем

всего многообразия социально-политических проблем африканских обществ, а значит, их нужно «изъять» в рамках современной деколонизации.

Как следствие, такие попытки обобщения негативного эффекта от колониального прошлого, по мнению О. Тайво, ведут к фетишизации воображаемого автохтонного прошлого народов Африки и формулируют изначально неправильный вывод о том, что будущее должно строиться по образцу этого «фетиша», не имеющего ничего общего с реальностью.

В итоге позиция О. Тайво может быть концептуализирована как отрицание идеи африканской политики чистоты и возврата к истокам африканской цивилизации. Фундаментальная причина, которая лежит в основе данного отрицания, связана с тем, что изъятие наследия колониального прошлого уничтожит настоящее, сохранение которого основано на интересах и желаниях самих африканцев. В данном контексте О. Тайво пишет о своеобразном парадоксе восприятия африканцами европейского влияния, который состоит в том, что у африканских народов «современность ассоциируется с вестернизмом и „белизной“ (*whiteness*), а все три (современность, вестернизм и „белизна“) — с колониализмом... [и, как следствие] деколонизация стала универсальной идеей для решения любых, даже незначительных проблем, связанных с „Западом“» (Táíwò, 2022, p. xvi).

О. Тайво осуждает данный подход и на протяжении всей работы доказывает, что такой взгляд в корне не верен, так как современность по своей сути не является «западной», «белой» или колониальной, а выступает итогом евро-африканского культурного обмена с отдаленного момента истории, когда межконтинентальные контакты только зарождались. В итоге он делает вывод, что, если считать «современность» продуктом колониализма и результатом искусственного европейского насаждения, то неправильное понимание как ее философского содержания, так и ее исторического развития неизбежно.

В данном случае автор выносит за скобки сам факт европейского колониализма, который

им однозначно осуждается на основании того, что жители колоний были исключены из политики и не могли изменить режим, с которым не были согласны, но вопрос вызывает подача данного тезиса. Дословно автор пишет следующее: «Колониализм характеризовался отрицанием колонизированными современным философского принципа политической легитимности, который настаивает на том, что никто не должен подчиняться правлению любого правительства, с которым не согласен» (Táíwò, 2022, p. 58).

Таким образом, проблема колониализма заключается не в эксплуатации колонистами местного населения, а в его неосведомленности и незнании того, что колонистам можно отказать. Критическое осмысление данных идей будет представлено ниже. Из данного тезиса проистекает следующий, в соответствии с которым «современность» — это не продукт или результат колониализма и его травмирующего эффекта, а следствие успешного избавления от колониализма, позитивный эффект, который нужно развивать.

В этой связи автор апеллирует к мнению населения африканских стран, которое, впрочем, он в данной работе не изучает, а принимает за аксиому. С точки зрения О. Тайво, африканцы должны сами судить, что для них предпочтительнее — традиционные идеи и институты или идеи иностранного или смешанного происхождения, причем сам он уверен в выборе африканцами последних как максимально отвечающих их рациональным потребностям в благополучии.

Доминирование дискурса о «деколонизации современности» О. Тайво напрямую связывает с философскими концепциями, распространенными на континенте, и именно философская аргументация собственной позиции является для него приоритетной. Так, О. Тайво отмечает, что «кроме таких мыслителей, как Квази Виреду и... Кваме Гиеки, среди академических философов редко можно встретить сторонников деколонизации, которые указывают на недостатки в своем коренном наследии и на то, как их можно устранить» (Táíwò, 2022, p. 175). Остальные же нацелены на формулирование концепций,

автохтонных для сообществ до момента колонизации, однако подобные конструкты рождаются как априорные, вне конкуренции с иными концептами нелокального происхождения, что искажает их справедливую оценку.

В подтверждение своих тезисов О. Тайво обращается к целому ряду африканских философских концепций середины — второй половины XX в., представленных в работах Леопольда Седара Сенгора, Кваме Нкрумы, Франца Фанона и Амилкара Кабрала. По его мнению, они относятся к авторам, отстаивающим деколонизацию как получение странами Африки независимости, но не к сторонникам «деколонизации современности».

В то же время резкой критике О. Тайво подвергает ряд африканских авторов, отстаивающих национальные языки и выступающих за снижение роли европейских языков в обучении и общении на территории африканских стран. Одним из критикуемых автором мыслителей был Нгуги ва Тхионго — профессор литературы Университета Найроби, который выступал за упразднение кафедры английского языка и преподавание африканской литературы на национальных языках, что и было реализовано в Найроби в конце 1960-х гг.

Вторым объектом критики стал ганский философ К. Виреду, усилиями которого африканская философия была выделена в отдельную от философии колониальной Африки категорию. К. Виреду считал, что африканский философ отличается от западных философов своим восприятием концептов философии через призму языка, что делает его взгляд на типичные философские формы уникальным.

О. Тайво в своей критике деколонизации современности считает язык самым важным вопросом и указывает не только на то, что европейские языки — это средство приобщения африканских обществ к глобальной современной неколониальной культуре, но также, приводя в пример «инструменталистский» подход А. Кабрала к языку, заявляет, что использование европейских языков африканцами стало результатом проявления их свободы воли присваивать язык, религию и другие культурные артефакты колонизаторов и делать их своими (Táíwò, 2022, p. 174).

В то же время на практике многие колонизаторы насильно насаждали употребление своего языка в Африке, способствовали забыванию местных языков, наказывали учеников в школах за разговоры на родном (местном) языке. Критическое осмысление данных идей О. Тайво автором этой статьи будет изложено далее.

Применительно к языку О. Тайво делает вывод, что европейские языки, ставшие своими для народов Африки, — это едва ли не единственная возможность для них быть услышанными и представить миру «продукт африканского гения». Это должно стать важным стимулом для африканской молодежи, которой необходимо осознать, что она является наследницей интеллектуальной традиции, намного более богатой и изощренной, чем говорят о ней сторонники деколонизации современности.

Все обозначенные тезисы, представленные в четырех главах книги, по мнению О. Тайво, «готовят почву для рассмотрения вопроса о свободе и автономии Африки в современном мире через новые призмы», взглянуть через которые может лишь общество, свободное от штампов деколонизации, готовое само решить, какие идеи и институты для него предпочтительнее. Современная же ситуация доминирования идеи деколонизации современности именуется автором «трагедией деколонизации», выраженной в том, что современные африканцы не могут принять современность как реальность, которую сами создали, что «ведет к сокращению богатой и продолжительной истории» (Táíwò, 2022, p. 192).

Дискуссия и критика

Выход книги О. Тайво «Против деколонизации: серьезный подход к африканской акторности» стала резонансным событием среди американских и британских исследователей и публицистов, на что указывает обилие опубликованных отзывов. Отметим, что все обнаруженные отзывы имеют позитивную и восторженную окрашенность. Так, например, показательна реакция профессора Университета штата Огайо Аделеке Адека,

который отмечает, что книга «начинает позиционную войну. Ее пылающие стрелы поражают всех, не щадя аксиомы рефлекторной деколонизации. Это критика *bólèkàjà* („спускайся, давай разберемся“) в ее наиболее последовательной форме. Если вас не спровоцируют ее аргументы, вы ничего не понимаете»¹. В своем отзыве почетный профессор социальной и политической мысли Йоркского университета в Торонто Ато Секи-Оту пишет, что «с характерной убедительностью, ясностью и дерзостью О. Тайво показывает, что „деколонизация“ превратилась в идею, пропагандирующую огульную враждебность к формам мышления и практики, ошибочно запятнанным пагубной колониальной эгидой. Ироничный результат — риторика, которая пренебрегает африканским общественным интересом. Пришло время отбросить ошибочные объединения и признать наше право на изобретательное присвоение общечеловеческих ценностей»².

Еще один характерный отзыв представила профессор Колумбийского университета Гаятри Чакраворти Спивак, которая констатировала, что «О. Тайво написал незаменимую книгу. Выдвигать лозунги культурной и идеологической деколонизации — значит отрицать историю и свободу действий Африки. Он отстаивает свою точку зрения посредством тщательного анализа политики, экономики и дебатов вокруг языка и философии»³.

Аналогичные отзывы (более 10) представили и другие авторитетные мыслители и публицисты, представляющие Оксфордский, Гарвардский и Бирмингемский университеты, а также BBC и CNN⁴. При этом в ходе изучения вопроса не было обнаружено отзывов и рецензий авторов, представляющих африканские страны, а также страны континентальной Европы.

Говоря о критике работы, следует отметить рецензию доцента философии Государственного университета Сэма Хьюстона —

¹ Against Decolonisation: Taking African Agency Seriously // Hurst Publishers. URL: <https://www.hurstpublishers.com/book/against-decolonisation/> (accessed: 27.06.2024).

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

Томаса Мигера⁵. Характерно, что данный автор специализируется на африканской философии и философии науки, то есть является специалистом по «философии деколонизации».

Критические замечания Т. Мигера заключаются в следующем.

Во-первых, троп деколонизации относителен, и если О. Тайво делит его на два типа — деколонизацию политико-правовую и «деколонизацию современности» (культурную, языковую, социальную), то это не означает отсутствие возможности реализовать более дифференцированный подход, в котором, например, одна из форм идеологии деколонизации окажется совместима с принятым современности населением Африки. Кроме того, по мнению Т. Мигера, сама абсолютизированная идеология деколонизации гипотетически на определенном этапе своего развития может сделать выбор в пользу современности и оправдать идею деколонизации в свете критики О. Тайво.

Во-вторых, критика Т. Мигером работы О. Тайво связана с интерпретацией последним идей К. Виреду, которые он трактует буквально и пишет, что, согласно К. Виреду, деколонизация была успешно проведена, когда были критически проанализированы концептуальные рамки, унаследованные от колониального прошлого, следствием чего стал отказ от этих рамок в пользу создания новых и аутентичных (Táíwò, 2022, p. 95). В реальности же К. Виреду пишет о переосмыслении данных рамок и создании нового синтетического конструкта, в котором определяющим элементом выступает автохтонность. С этой точки зрения К. Виреду не является сторонником «деколонизации современности», как об этом пишет О. Тайво, а просто предлагает эту современность переосмыслить и начать управлять ею в пользу африканцев.

В-третьих, Т. Мигер указывает на чрезмерное внимание О. Тайво к идее колониальности, которую он предлагает избегать

⁵ Meagher T. For Modernity: A Review of Olúfemi Táíwò's *Against Decolonisation* // Blog of the APA. April 11, 2023. URL: <https://blog.apaonline.org/2023/04/11/for-modernity-a-review-of-olufemi-taiwos-against-decolonisation/> (accessed: 27.06.2024).

и фактически вычеркнуть из дискурса африканской философской и политической мысли как закрытую фактом «первичной» деколонизации через получение странами Африки независимости. Т. Мигер в этой связи отмечает, что злоупотреблять колониальной детерминантой в дискурсе не следует, но и абсолютное ее игнорирование невозможно и способно нанести ущерб целостности системы восприятия африканскими обществами своего прошлого. Отсюда Т. Мигер выводит возможность существования «любого количества смыслов деколонизации, которые сосредоточены вокруг искоренения колониальности, в отличие от искоренения колониализма как такового (как в первичной деколонизации) или любого «оттенка» действительности, унаследованного от колониального периода (как в деколонизации современности). С его точки зрения, адекватная деколонизация востребована ситуативно и должна делать акцент «на искоренении того, что имеет устойчивую колониальную функцию, а не просто колониальный „оттенок“»⁶.

В итоге Т. Мигер констатирует, что доводы О. Тайво не аргументируют необходимость отказа от «деколонизационного тропа». Более того, сам отказ на практике невозможен, так как сторонники деколонизации современности непоколебимы в использовании этого тропа, и единственным выходом из данной дихотомии является диалог и поиск компромиссных подходов⁷.

Авторская критика

Подход Т. Мигера к критике работы О. Тайво является взвешенным и аргументированным, но реализуется в системе западной (англосаксонской) политико-философской мысли, в которой, безусловно, есть место не только противникам, но и умеренным сторонникам деколонизации. Здесь показательны работы А. Хирша и К. Лопеса (Hirsch & Lopes, 2020), Р. Мусавенганы и Л. Леонарда

⁶ Meagher T. For Modernity: A Review of Olúfẹ́mi Táíwò's Against Decolonisation // Blog of the APA. April 11, 2023. URL: <https://blog.apaonline.org/2023/04/11/for-modernity-a-review-of-olufemi-taiwos-against-decolonisation/> (accessed: 27.06.2024).

⁷ Ibid.

(Musavengane & Leonard, 2019), Н. Виэги (Viegi, 2016) и др., правда, большая часть данных работ написана до 2020 г., то есть до обострения геополитической обстановки на Африканском континенте.

В то же время прочтение работы О. Тайво с позиции российской африканистики вызывает массу вопросов, не отраженных в рецензии Т. Мигера. Базовым вопросом, как представляется, является проблема отсутствия в работе О. Тайво даже косвенных упоминаний феномена неоколониализма (Medushevskiy & Shishkina, 2022), хотя философ активно апеллирует к идеям и деятельности К. Нкрумы, который и ввел данный термин в работе «Неоколониализм, последняя стадия империализма» (Nkrumah, 1965). Также в русле борьбы с неоколониализмом работали и другие деятели, отмеченные в работе, например А. Кабрал. Суть идеи неоколониализма как раз и заключается в сохранении колониальной зависимости, несмотря на получение государственности, и, как следствие, обуславливает неизбежность продолжения деколонизации, которую О. Тайво именует «деколонизацией современности».

Второй тезис нашей критики связан с извращением О. Тайво логики колониальной зависимости. В частности, внимание привлекают уже упомянутые в данной работе фрагменты книги, в которых О. Тайво пишет следующее:

а) причиной сохранения колониализма в Африке было незнание местными жителями принципов легитимности, что привело к неспособности осознать нелегитимность колониальных администраций;

б) африканцы свободно и самостоятельно приняли европейские языки, культуру и религию и присвоили их.

Оба утверждения, на наш взгляд, абсурдны, так как колониализм не оставлял местным жителям права выбора, и принятие политических институтов было условием выживания целых этнических групп, а язык, религия и культура выступали необходимыми условиями социализации в рамках колониальных систем. Ужасы европейского колониализма в Африке подробно описаны как в многочисленных европейских, американских и африканских работах, так и в российских (Африка:

неоплаченный долг колонизаторов, 2023), и О. Тайво просто не может не знать об этом, являясь урожденным йоруба, представителем народа, заплатившего крайне высокую цену за колониальные границы современной Нигерии.

Третий тезис нашей критики связан с набором авторов, которых О. Тайво выбирает в свои сторонники или противники. Безусловно, такие авторы, как К. Виреду, К. Гиеки, Ч.У. Миллс, Л.С. Сенгор, К. Нкрума, Ф. Фанон, А. Кабрал и др., являются крайне авторитетными и внесли большой вклад в развитие африканской политико-философской мысли, но все они являются мыслителями второй половины XX в. и на данный момент уже умерли, так что О. Тайво фактически ведет дискуссию с прошлым. Кроме того, некоторые авторы, на чье мнение опирается О. Тайво, — это политики, в частности А. Кабрал, убитый заговорщиками. Своим примером эти авторы демонстрируют неготовность африканских обществ принять те или иные прогрессивные идеи, будь то panaфриканизм К. Нкрумы или идея «классового самоубийства» А. Кабрала (Кабрал, 1973).

С этим связан четвертый тезис критики. В своей работе О. Тайво подчеркивает роль общества, указывая на то, что именно общество, или в другом варианте «*African agency*» (африканская акторность), должно выбирать и решать, нужно ли ему отказываться от «деколонизации современности». При этом автор не опирается на данные изучения общественного мнения и, более того, всей своей концепцией подводит читателя к результату общественного выбора, который он считает единственно возможным. По его мнению, африканцы мыслят рационально и не откажутся от комфортной и перспективной современности в пользу ее абстрактной деколонизации, так как современность несет блага и возможности, а деколонизация обнуляет развитие.

Данный тезис также представляется надуманным и искусственным, так как, во-первых, деколонизация современности представляется им как тотальное и комплексное явление, каким она, безусловно, не является,

так как реализуется фрагментарно, и, во-вторых, современность, которая, по мнению автора, несет блага и возможности, далеко не для всех африканцев является таковой, на что указывает, с одной стороны, сверхвысокий уровень нищеты и голода⁸, преступности и наркомании, а с другой — процент африканцев, которые до сих пор проживают в сельской местности и являются традиционалистами в своих религиозных, социальных и политических взглядах (Воронина, 2020). Таким образом, очевидный для автора выбор африканцев в пользу постколониальной современности является совершенно неочевидным.

Заключение

Ознакомление с нашей достаточно жесткой критикой может создать впечатление, что работа О. Тайво несостоятельна и не обладает научной ценностью, так как манипулирует мышлением читателя, предлагая ему готовые решения и удобные аргументы, но такой вывод был бы не вполне верным.

Книга «Против деколонизации: серьезный подход к африканской акторности» является политической, а не философской работой, как ее хочет представить автор, — и ее миссия политическая. Суть данной миссии, на наш взгляд, заключается в следующем.

Африканские общества после обретения их странами формальной независимости в 1960–1970 гг. оказались в состоянии перманентного кризиса, связанного с поиском пути самостоятельного развития и отсутствием политического опыта. Такие деятели, как К. Нкрума, А. Кабрал или Л.С. Сенгор, действительно не требовали «деколонизации современности», так как полагали, что могут управлять этой современностью, направив ее в нужное русло неколониального развития. Тем не менее их политический опыт демонстрирует, что власть в Африке осталась

⁸ Нищета и голод: 31 страна с самым бедным населением // Рамблер. 27.10.2017. URL: https://finance.rambler.ru/other/38267137/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 27.06.24).

закреплена за неокOLONиальными институтами, западными корпорациями и марионеточными элитами. Безусловно, такой порядок вещей оспаривался социалистическими странами, поддерживавшими многие африканские правительства, но кризис коммунистической идеологии и распад СССР и Югославии позволили восстановить и даже расширить неокOLONиальный контроль, не имевший никакого отношения к свободному выбору «дизайна современности» африканскими обществами.

Сегодня, когда мир столкнулся с кризисом прозападной однополярной системы, наметилась мощная тенденция к разрушению неокOLONиальной модели, подтверждением чему является независимая и антизападная политика таких стран, как Нигер, Мали, Буркина-Фасо, Судан, Сенегал и т. д., которые, с точки зрения неокOLONиалистов, выбирают «неправильную сторону», противопоставляя отношениям с Европейским союзом и США налаживание отношений с Россией и Китаем. Фактически, на наш взгляд, это свидетельствует о набирающем силу среди африканцев перевороте мышления, в рамках которого поддерживаемая странами Запада «современность», которую защищает О. Тайво, элитарна и не отвечает интересам африканцев, а значит, должна быть переосмыслена.

В этой связи работа О. Тайво институционализирует и подводит философский базис под идею возвращения африканских обществ к *status quo ante bellum*. О. Тайво крайне умело разделяет колониальное прошлое, которое трактуется как однозначно негативное, и постколониальное общество, которое

и является той «современностью», которую ни в коем случае нельзя деколонизировать, но не потому, что это, как пишет О. Тайво, вернет африканцев в доколониальный период истории (это уже невозможно), а потому, что эта деколонизация освободит африканцев от удобных для Запада стереотипов, которые до сих пор обеспечивают ему зависимость и лояльность африканских обществ.

Именно поэтому из-за своего политического смысла данная работа О. Тайво получила такую грандиозную поддержку ведущих англо-американских вузов, и именно поэтому работа была написана в стенах Корнелльского университета, входящего в Лигу плюща, — сообщество вузов, готовящих представителей американской политической элиты. В итоге именно поэтому данная работа была написана именно О. Тайво — этническим йоруба, своим происхождением и биографией представляющим «современную» и «недеколонизированную» Африку.

Таким образом, книга О. Тайво «Против деколонизации: серьезный подход к африканской акторности» является манифестом, опубликованным видным африканским ученым, но отражающим набирающий силу проамериканский по своей природе подход к формированию современного африканского социополитического мышления. Это делает работу О. Тайво сверхактуальной и одновременно опасной в контексте набирающего силу глобального идеологического противостояния, где гегемонистские интересы США и стран Европейского союза вступают в конфликт с идеей многополярного и равноправного мира, которую отстаивает Россия.

Поступила в редакцию / Received: 27.06.2024
Доработана после рецензирования / Revised: 07.11.2024
Принята к публикации / Accepted: 24.12.2024

Библиографический список

- Африка: неоплаченный долг колонизаторов / отв. ред. И. О. Абрамова. Москва : Ин-т Африки РАН, 2023. EDN: OORAQY
- Бисенова А. Ж. Обзор основных терминов постколониальной теории и вопрос их «локализации» // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. 2022. № 4. С. 161–171. <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2022-141-4-161-171>; EDN: VPFXEG

- Бокерия С. А., Давидчук А. С., Дегтерев Д. А., Дубровский И. Р., Журавлева Е. В. и др. Советские исследования неокolonизма // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2022. Т. 22, № 4. С. 671–687. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-671-687>; EDN: GYGFFS
- Воронина Н. А. Роль протестантских церквей в общественно-политической жизни южноафриканского общества в течение XX – начале XXI вв.: дис. ... канд. ист. наук. Москва : Институт Африки РАН, 2020. EDN: QNQQGQ
- Кабрал А. Революция в Гвинее. Избранные статьи и речи. Москва : Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1973.
- Карнаухова О. С. «Деколонизируй это»: европейские проекты помощи третьему миру // *Новое прошлое*. 2022. № 3. С. 132–143. EDN: COOFMJ
- Кулькова О. С. Африканский континент как театр «холодной войны»: новые сюжеты научной полемики по проблемам внешнего вмешательства // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2015. Т. 7, № 4. С. 101–112. EDN: VRNHZB
- Левин Я. А. Колониальная система: баланс и перспективы после 1945 г. в оценках дипломатов США, СССР и Великобритании // *Самарский научный вестник*. 2017. Т. 6, № 4. С. 181–183. EDN: ZWHTYR
- Малкин С. Г. Между историографией и мифотворчеством: деколонизация, (анти)повстанчество и (пост)имперский синдром // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2018. № 8. EDN: YYSWNF
- Терборн Г., Тартаковская И. Глобализация и неравенство: проблемы концептуализации и объяснения // *Социологическое обозрение*. 2005. Т. 4, № 1. С. 31–62. EDN: SZTFHP
- Фурсов К. А. Деколонизация афро-азиатского мира: предпосылки, этапы, модели // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2015. № 2. С. 5–19. EDN: TQKXNX
- Creating the New African University / ed. by E. T. Woldegiorgis, S. Motala, P. Nyoni. Leiden : Brill, 2023. <https://doi.org/10.1163/9789004677432>
- Decolonisation: Revolution and Evolution / ed. by D. Boucher, A. Omar. Johannesburg : Wits University Press, 2023. <https://doi.org/10.18772/22023108448>
- Decolonising African University Knowledges. Volume 1: Voices on Diversity and Plurality / ed. by A. P. Ndofirepi, F. Maringe, S. Vurayai, G. Erima. London : Routledge, 2022. <https://doi.org/10.4324/9781003228233>
- Hirsch A., Lopes C. 2 – Post-colonial African Economic Development in Historical Perspective // *Africa Development*. 2020. Vol. 45, no. 1. P. 31–46. <https://doi.org/10.57054/ad.v45i1.651>; EDN: IHSTBY
- Medushevskiy N. A., Shishkina A. R. Modern French Policy on the African Continent: Transformations of a FrancAfrique Model // *Journal of Asian and African Studies*. 2022. Vol. 57, iss. 6. P. 1141–1157. <https://doi.org/10.1177/00219096211046275>; EDN: ZJFEML
- Musavengane R., Leonard L. N. When Race and Social Equity Matters in Nature Conservation in Post-apartheid South Africa // *Conservation & Society*. 2019. Vol. 17, no. 2. P. 135–146. https://doi.org/10.4103/cs.cs_18_23
- Nkrumah K. Neo-Colonialism, the Last Stage of Imperialism. London : Thomas Nelson & Sons, Ltd., 1965.
- Ofosu-Asare Y. Decolonizing Design in Africa: Towards New Theories, Methods, and Practices. New York : Routledge, 2024. <https://doi.org/10.4324/9781032692647>
- Skinner R. Peace, Decolonization, and the Practice of Solidarity. London : Bloomsbury Academic, 2023. <https://doi.org/10.5040/9781350384736>
- Táíwò O. Africa Must Be Modern: A Manifesto. Bloomington, IN : Indiana University Press, 2014.
- Táíwò O. Against Decolonisation: Taking African Agency Seriously. London : C. Hurst & Company, 2022.
- Táíwò O. How Colonialism Preempted Modernity in Africa. Bloomington, IN : Indiana University Press, 2010.
- Táíwò O. Legal Naturalism : A Marxist Theory of Law. Ithaca, NY : Cornell University Press, 2015. <https://doi.org/10.7591/9781501701740>
- Tusasiirwe S. Decolonising and Reimagining Social Work in Africa: Alternative Epistemologies and Practice Models. London : Routledge, 2024. <https://doi.org/10.4324/9781003407157>
- Ubuntu Philosophy and Decolonising Social Work Fields of Practice in Africa / ed. by J. M. Twikirize, Sh. Tusasiirwe, R. Mugumbate. London : Routledge, 2023. <https://doi.org/10.4324/9781003330370>
- Viegi N. The Economics of Decolonisation: Institutions, Education and Elite Formation // *Theoria: A Journal of Social and Political Theory*. 2016. Vol. 63, no. 147. P. 61–79. <https://doi.org/10.3167/th.2016.6314705>

Сведения об авторе:

Медушевский Николай Андреевич — доктор политических наук, профессор кафедры современного Востока и Африки, Российский государственный гуманитарный университет; доцент кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов; eLibrary SPIN-код: 4547-0007; ORCID: 0000-0003-0475-6713; e-mail: lucky5659@yandex.ru

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

INTERNATIONAL SECURITY

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-1-98-108

EDN: KOOFQM

Научная статья / Research article

«Зеленая» безопасность: стратегия адаптации НАТО к изменению климата

О.А. Тимакова

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Российская Федерация

 o.timakova@dipacademy.ru

Аннотация. На саммите 2021 г. в Брюсселе главы государств и правительств стран Организации Североатлантического договора (НАТО) одобрили План действий по изменению климата и обеспечению безопасности, поставив амбициозную, по мнению экспертов, цель — сделать Альянс ведущей организацией в сфере экологической безопасности, способной разрабатывать адекватные адаптационные меры, чтобы снизить влияние климатических изменений на безопасность. Исследование посвящено рассмотрению основных проблем, с которыми сталкивается Альянс при реализации двух треков своей климатической политики. Несмотря на значительную роль стран — членов НАТО в формировании международной климатической повестки, вклад организации в глобальный климатический дискурс долгое время оставался ограниченным. Автор подвергает сомнению эффективность действий блока в борьбе с изменением климата, поскольку они направлены не на смягчение последствий изменения климата, а на адаптацию к нему. Изучив потенциал применения возобновляемых источников энергии в НАТО, автор приходит к выводу о недостаточной разработанности инновационных технологий, а также об инфраструктурных и логистических проблемах их внедрения. Страны Альянса намерены перейти к устойчивой энергетике и отказаться от энергоносителей из России, что потенциально может привести к еще большей зависимости от поставок редкоземельных металлов из Китая. На основе методов качественного и количественного анализа обосновано, что климатическая повестка не соответствует реальным действиям блока, который увеличивает военные расходы и поставки вооружений на Украину. Новые страны — члены Альянса, Швеция и Финляндия, которые лидируют в реализации целей устойчивого развития ООН, также готовы увеличить национальные показатели выбросов парниковых газов за счет участия в НАТО и наращивать расходы на оборонную сферу в соответствии с требованиями Альянса. Таким образом, хотя НАТО хочет стать первой международной военно-политической организацией, политика которой направлена на снижение влияния климатических изменений именно на безопасность, действия и цели Альянса остаются дискуссионными. По мнению автора, международные негосударственные экологические акторы будут усиливать давление на НАТО, призывая к более существенным климатическим действиям.

Ключевые слова: США, страны Европы, климатическая повестка, выбросы CO₂

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Тимакова О.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Тимакова О. А. «Зеленая» безопасность: стратегия адаптации НАТО к изменению климата // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 1. С. 98–108. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-98-108>

“Green” Security: NATO’s Climate Change Adaptation Strategy

Olga A. Timakova

Diplomatic Academy, MFA of Russia, Moscow, Russian Federation

 o.timakova@dipacademy.ru

Abstract. At the Brussels Summit in 2021, North Atlantic Treaty Organization (NATO) heads of state and government endorsed the Climate Change and Security Action Plan, which, according to experts, sets an ambitious goal of transforming the alliance into a leading environmental security organization capable of developing adequate adaptation measures to reduce the security impacts of climate change. The article examines the main challenges that the alliance faces in implementing the two tracks of its climate policy. Despite the significant role of the alliance’s member countries in shaping the international climate agenda, the organization’s contribution to the global climate discourse has long remained limited. The article questions the effectiveness of the bloc’s actions in combating climate change; since they are aimed at adapting to climate change rather than mitigating its effects. Studying the potential for the use of renewable energy sources in NATO, the article concludes that the development of innovative technologies is inadequate, as are the infrastructural and logistical problems associated with their implementation. The alliance countries have expressed their intention to transition to sustainable energy and to cease their reliance on energy resources from Russia, which could potentially lead to an even greater dependence on supplies of rare earth metals from China. Based on the methods of qualitative and quantitative analysis, the article substantiates that the climate agenda does not correspond to the real actions of the bloc, as evidenced by the increase in military spending and arms supplies to Ukraine. New member countries of the alliance, Sweden and Finland, which are leading the implementation of the United Nations sustainable development goals, are also ready to increase their national greenhouse gas emissions through participation in NATO and increase defense spending in accordance with the requirements of the alliance. The author concludes that although NATO wants to become the first international military-political organization whose policy is aimed at reducing the impact of climate change on security, the actions and goals of the alliance continue to be controversial. The author further predicts an escalating call from international non-state actors for greater climate action within the alliance.

Key words: US, European countries, climate change, CO₂ emissions

Conflicts of interest. The author declares no conflict of interest.

For citation: Timakova, O. A. (2025). “Green” security: NATO’s climate change adaptation strategy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(1), 98–108. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-98-108>

Введение

В XXI в. «климатическая безопасность» начинает занимать все более важное место в системе национальной безопасности большинства государств мира. Организация Североатлантического договора (НАТО) под «климатической безопасностью» понимает состояние защищенности от глубоких последствий изменения климата. Экстремальные погодные условия, климатические катастрофы и глобальное повышение температуры сделали проблему изменения климата одной из самых дискутируемых тем

современности, в том числе на полях международных организаций¹.

Обосновывая актуальность адаптации к изменению климата для сферы безопасности, Альянс характеризует данный вызов как системный риск и «мультипликатор угроз»²:

¹ Van Schaik L., Zandee D., von Lossow T., Dekker B., Van der Maas Z., Halima A. Military Responses to Climate Change // Clingendael Report. March 2020. URL: https://www.clingendael.org/sites/default/files/2020-03/Report_Military_Responses_to_Climate_Change_March_2020.pdf (accessed: 30.01.2024).

² Climate Change & Security Impact Assessment: The Secretary General’s Report // NATO. 2022. URL:

изменение климата будет во многом формировать стратегическую среду безопасности, оно повлияет на операции и миссии НАТО, а также безопасность блока в целом как в Евроатлантическом регионе, так и в более широком окружении Североатлантического альянса. Вопросы изменения климата вошли в новую Стратегическую концепцию НАТО, принятую на саммите в Мадриде в 2022 г.³: страны — члены Альянса установили, что климатическая сфера будет интегрирована в их базовые задачи.

НАТО определила амбициозную цель — стать лидирующей международной организацией в сфере безопасности по адаптации к изменению климата. В 2021 г. Организация опубликовала первый концептуальный документ, зафиксировавший базовые основы общей политики блока в данной сфере, — План действий по изменению климата и обеспечению безопасности (*Climate Change and Security Action Plan*)⁴. Тогда же НАТО объявила еще одну, по мнению стратегов блока, революционную задачу: первым среди акторов международной безопасности снизить выбросы CO₂ как минимум на 45 % до 2030 г. и до 2050 г. перейти к их нулевому уровню.

Условно можно сформулировать два базовых трека климатической политики альянса: климатическая безопасность (*climate security*) и климатическая защита (*climate protection*).

Климатическая безопасность в политике Альянса на данный момент может быть охарактеризована как корректировка планов по использованию вооружений и военной техники в условиях предполагаемого изменения климата, а также развитие передовых технологий с применением возобновляемых источников энергии (ВИЭ) (Milburn, 2023).

https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/280622-climate-impact-assessment.pdf (accessed: 30.01.2024).

³ NATO 2022 Strategic Concept // NATO. June 29, 2022. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf (accessed: 30.01.2024).

⁴ NATO Climate Change and Security Action Plan // NATO. June 14, 2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_185174.htm (accessed: 30.01.2024).

Вопросы климатической защиты НАТО входят в общую политику Альянса. В разработанных Организацией стандартах и регламентах определяется допустимая степень воздействия военных операций на окружающую среду. Новая инициатива по снижению объема углеродного следа Альянса также входит в этот вектор политики.

В западном экспертном сообществе отсутствует единое мнение о том, какую роль и место должна занимать климатическая повестка в стратегии Альянса⁵. До недавнего времени вклад НАТО как организации в международную климатическую повестку и вопросы климатической безопасности оставался достаточно скромным.

Рассмотрим основные проблемы, с которыми сталкивается Альянс при реализации двух треков своей климатической политики. В качестве методологической основы использовались методы качественного и количественного анализа. Анализ источников и официальных документов, затрагивающих климатическую стратегию НАТО, дает возможность определить основные направления политики альянса, а анализ статистических данных — оценить степень реализации целей альянса по снижению показателей выбросов и по уровню внедрения ВИЭ в оборонную сферу. Также посредством изучения ключевых научных исследований по теме проведен сравнительный анализ международных подходов к климатической безопасности, что позволило обосновать гипотезу о несовпадении декларируемых целей и реальных действий Альянса в сфере борьбы с изменением климата.

Фактор военной деятельности в международной климатической повестке

В теории международных отношений климатический фактор в сфере безопасности

⁵ Rico L. G. NATO and Climate Change: A Climatized Perspective on Security // Belfer Center for Science and International Affairs. August 18, 2022. URL: <https://www.belfercenter.org/publication/nato-and-climate-change-climatized-perspective-security> (accessed: 30.01.2024). См. также: (Kertysova, 2023).

рассматривается с кардинально противоположных позиций. Поэтому существует несколько подходов к определению и концептуализации климатической безопасности. Среди целого ряда классических и неклассических школ и теорий следует выделить наиболее релевантные для исследуемой темы.

В период после окончания холодной войны популярным был взгляд на эту проблему с точки зрения традиционного подхода к национальной безопасности (Lippert, 2019; Black et al., 2022): основное внимание уделялось ограниченности ресурсов и возможным конфликтам — региональным и международным, проистекающим из борьбы за контроль над этими ресурсами (Homer-Dixon, 1994; Mach et al., 2019).

В похожем ключе изучали вопрос исследователи, которые занимаются «ресурсным проклятием», которое, по их мнению, должно также стать причиной нестабильности в разных регионах мира (Badeeb, Lean & Clark, 2017).

В соответствии с «зеленой теорией» международных отношений (Barnett, 2001) климатическая безопасность и справедливость считаются ключевыми аспектами человеческой безопасности (*human security*).

Другим инновационным подходом стала конструктивистская теория «секьюритизации», разработанная специалистами Копенгагенской школы по безопасности (Buzan, Wæver & de Wilde, 1998), позволяющая рассматривать климатические угрозы через призму проблем национальной безопасности.

Вопросы климатической политики занимают важное место и в общественном и профессиональном дискурсе стран — членов НАТО. Согласно опросу общественного мнения граждан стран — членов Организации за 2022 г., более трети респондентов указывают, что изменение климата кажется им большей угрозой, чем риск войны, политической нестабильности, терроризма и кибератак⁶.

⁶ NATO Annual Tracking Research 2022 // NATO Public Diplomacy Division. 2023. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2023/3/pdf/230320-annual_tracker_report.pdf (accessed: 30.01.2024).

Хотя позицию, что именно изменение климата будет формировать среду безопасности в Евроатлантическом регионе, разделяют большинство стран — членов блока, мнения союзников о необходимой степени вовлеченности Альянса в борьбу с климатическими изменениями разнятся. Решение проблем соотнесенности изменения климата и безопасности предполагает активные действия в таких сферах общественной жизни, которые выходят за традиционные рамки сферы ответственности НАТО. Вместе с тем это вписывается в общую логику трансформации Альянса, который с конца холодной войны планомерно расширяет список вызовов и угроз, а также причин их возникновения.

Одновременно достаточно широко распространено мнение, что Альянс и не должен изменять подход к реализации своих базовых задач в соответствии с тенденциями устойчивой повестки в мире, а сфера национальной безопасности не должна быть подчинена требованиям сокращения выбросов CO₂ (Jalili, 2022).

На общеорганизационном уровне впервые связь климата и безопасности в Стратегической концепции НАТО была зафиксирована еще в 1991 г. Однако программ и проектов, напрямую связанных именно с адаптацией или смягчением последствий изменения климата, в тот период инициировано не было. Некоторые исследователи объясняют то, что общая климатическая политика Альянса формировалась так долго, принадлежностью данной проблематики сфере ответственности национальных правительств (Causevic, 2017).

Климатическая проблематика и вопрос изменения климата был выведен на уровень вызова безопасности Альянса только в Стратегической концепции 2010 г. В частности, связь изменения климата и безопасности была прописана во второй базовой задаче НАТО — кризисном реагировании. В декларации Лиссабонского саммита тогда же было отмечено, что ключевые экологические и ресурсные ограничения, включая риски для здоровья, изменение климата, нехватку воды и растущие потребности в энергии, будут и дальше формировать среду безопасности

в областях, вызывающих озабоченность НАТО, и потенциально могут существенно повлиять на планирование операций Организации и их осуществление⁷.

Важным этапом в становлении климатической политики НАТО стало принятие в 2014 г. на саммите в Уэльсе рамочной программы «Зеленой обороны» — комплексного системного плана, который охватывает широкий спектр мероприятий, включая поддержание операционного потенциала, защиту окружающей среды и энергоэффективность⁸. Лейтмотивом программы было обеспечение безопасности использования энергетических ресурсов и развитие энергосберегающих технологий в военной отрасли, что и было зафиксировано в декларации саммита: страны-члены продолжают «дальнейшее развитие компетенций Альянса в поддержке защиты критически важной энергетической инфраструктуры и работу над значительным повышением энергоэффективности вооруженных сил [НАТО]»⁹.

На этапе разработки новой Стратегической концепции еще в 2019 г. был выпущен объемный доклад «НАТО 2030», где были определены главные угрозы и вызовы Альянсу в следующее десятилетие. Климатическая повестка была внесена в список приоритетов для блока¹⁰.

Значительный шаг и прогресс в институционализации климатической политики НАТО был сделан в 2021 г. на саммите в Брюсселе, когда был принят План действий по изменению климата и безопасности, в рамках которого было определено четыре основных направления политики Альянса:

⁷ Lisbon Summit Declaration // NATO. November 20, 2010. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_68828.htm (accessed: 30.01.2024).

⁸ NATO and Its Partners Become Smarter on Energy // NATO. April 7, 2015. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_118657.htm (accessed: 30.01.2024).

⁹ Wales Summit Declaration // NATO. September 5, 2014. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (accessed: 30.01.2024).

¹⁰ NATO 2030: United for a New Era // NATO. November 25, 2020. URL: https://www.nato.int/nato-static_files2014/assets/pdf/2020/12/pdf/201201-Reflection-Group-Final-Report-Uni.pdf (accessed: 30.01.2024).

1) повышение осведомленности стран НАТО о последствиях изменения климата для безопасности;

2) содействие адаптации к изменению климата во всех областях работы НАТО;

3) смягчение последствий климатических изменений за счет сокращения военных выбросов;

4) расширение связей с другими международными акторами, которые активно действуют в сфере климатической безопасности¹¹.

Международное сообщество пытается определить, как взаимосвязаны между собой изменение климата и деятельность военных акторов, но на этом пути существует ряд препятствий. Так, вооруженные силы не предоставляют отчетность об углеродном следе своей деятельности или подают ее добровольно и в ограниченных масштабах¹². Они были исключены из отчетности по выбросам CO₂ еще при подписании Киотского протокола 1997 г. Причиной тогда были названы потенциальные уязвимости для национальной безопасности при разглашении информации о затратах энергии. Не последнюю роль в этом решении сыграла позиция Министерства обороны США (Depledge, 2023). В частности, аналитики указывают, что подробные данные о выбросах могут быть использованы для разведки и получения информации о боеготовности страны¹³. В Парижском соглашении по климату 2015 г. было согласовано, что механизм содействия сокращению выбросов парниковых газов, создаваемый в рамках документа, будет использоваться сторонами-подписантами на добровольной основе¹⁴.

На данный момент на международном уровне разработана система трех категорий

¹¹ NATO Climate Change and Security Action Plan // NATO. June 14, 2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_185174.htm (accessed: 30.01.2024).

¹² The West's Armies Are Getting More Serious About Climate Change // The Economist. April 27, 2021. URL: <https://www.economist.com/international/2021/04/27/the-west-s-armies-are-getting-more-serious-about-climate-change> (accessed: 28.01.2024).

¹³ Ibid.

¹⁴ Paris Agreement // United Nations. 2015. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/english_paris_agreement.pdf (accessed: 28.01.2024).

для учета выбросов CO₂ в военной сфере. Базовые данные включают прямые выбросы от техники и входят в категорию 1. Выбросы категории 2 — выбросы от отопления или использования электричества, которые являются косвенным результатом военной деятельности, например выбросы от сжигания газа для производства электроэнергии для освещения или отопления армейских казарм. Категория 3 предполагает отчетность о косвенных или «скрытых» выбросах. Эта категория включает всю систему цепочек поставок в военной сфере и учитывает все выбросы — начиная от выбросов в ходе производства оружия и заканчивая выбросами, связанными с военной логистикой¹⁵.

Согласно методологии учета Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК), военный углеродный след должен попадать под категорию 1.A.5¹⁶. По характеристике она совпадает с вышеуказанными Категориями 1 и 2.

Существует несколько масштабных исследований, авторы которых доказывают, что военная деятельность является одним из самых сильных «загрязнителей». При отсутствии достоверных данных оценки разнятся. Согласно статье, опубликованной в журнале *Nature*, они могут составлять до 5 % (Fennell et al., 2022). Для сравнения — авиация и морские перевозки оцениваются в 2 % для каждой сферы. Центр наблюдения за конфликтами и окружающей средой (*The Conflict and Environment Observatory*, CEOBS), международный аналитический центр, расположенный в Великобритании и изучающий вопросы климатической безопасности, в своем докладе 2022 г. определяет углеродный след глобальной военной деятельности в 5,5 %¹⁷.

¹⁵ A Framework for Military Greenhouse Gas Emissions Reporting // Conflict and Environment Observatory. June 2022. URL: <https://ceobs.org/report-a-framework-for-military-greenhouse-gas-emissions-reporting/> (accessed: 30.01.2024).

¹⁶ The Military Emissions Gap. URL: <https://militaryemissions.org/> (accessed: 29.01.2024).

¹⁷ Parkinson S., Cottrell L. Estimating the Military's Global Greenhouse Gas Emissions // Conflict and Environment Observatory. November 2022. URL: <https://ceobs.org/wp-content/uploads/2022/11/SGRCEOBS->

Международные неправительственные организации (МНПО) предлагают также при учете расширить категорию 3 до категории 3+, включив в нее углеродный след от ущерба (материального и социального), причиненного непосредственно во время вооруженных кризисов и постконфликтного восстановления¹⁸. Такое толкование углеродного следа может значительно увеличить финальные показатели по выбросам. Более того, страны — члены НАТО также, по мнению МНПО, косвенно ответственны за общие проблемы с климатической безопасностью в развивающихся странах. Государства Евроатлантического региона являются поставщиками вооружений в 39 из 40 самых уязвимых к изменению климата стран мира. 17 государств из этого списка уже находятся в состоянии вооруженных конфликтов¹⁹.

Внедрение инновационных технологий в рамках климатической политики НАТО

Альянс принимает различные меры, чтобы снизить эффект климатических рисков в своей деятельности. Зависимость НАТО от ископаемого топлива становится уязвимым местом для безопасности и финансовой эффективности блока. Специалисты Альянса по планированию подсчитали, что к тому времени, когда галлон бензина достигал подразделения Международных сил содействия безопасности (МССБ) в Гильменде или Кундузе (Афганистан), его стоимость превышала 100 долл. США, хотя изначально составляла 2 долл. США (Lovins, 2010). Например, детальный анализ деятельности стран НАТО

Estimating Global Military GHG Emissions_Nov22_rev.pdf (accessed: 30.01.2024).

¹⁸ Neimark B. How to Assess the Carbon Footprint of a War // The Conversation. December 12, 2023. URL: <https://theconversation.com/how-to-assess-the-carbon-footprint-of-a-war-215575> (accessed: 28.01.2024).

¹⁹ Chandler N., Martini J., Sudkamp K. M., Habib M., Sacks B. J., Tariq Z. H. Pathways from Climate Change to Conflict in U.S. Central Command // RAND Corporation. 2023. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RRA2300/RRA2338-2/RAND_RRA2338-2.pdf (accessed: 28.01.2024).

в Афганистане показал, что в отдельных лагерях более 70 % потребляемого топлива применялось для охлаждения или обогрева помещений и воды. Необходимо подчеркнуть, что в лагерях, расположенных в более мягком климате и не находящихся в экстремальных условиях, эта цифра практически не уменьшалась: 60 % всей энергии по-прежнему расходовалось на обогрев или охлаждение помещений и воды²⁰.

Развитие устойчивых технологий рассматривается НАТО не только через призму сокращения расходов на топливо и энергию, но и устранения рисков безопасности персонала и военнослужащих Альянса²¹. Силам НАТО был нанесен существенный ущерб при обеспечении поставок в Афганистане: в 2003–2007 гг., согласно статистике, 3 000 солдат пострадали при нападениях на маршруты транспортировки энергоносителей²².

Однако внедрение инновационных технологий в климатическую повестку НАТО связано с целым рядом трудностей, поскольку многие современные передовые технологии недостаточно проработаны для их широкомасштабного применения в военной сфере²³. Наиболее перспективным видится использование водородной, ядерной и биоэнергии. Проблемы, которые можно выделить уже на

данный момент, заключаются в том, что эти технологии являются либо дорогостоящими, либо низкоэффективными.

Согласно исследованию Королевского объединенного института оборонных исследований от 2022 г., существует также серьезная проблема военного планирования: военная техника и технологии, которые сегодня находятся на завершающей стадии проектирования, не поступят в вооруженные силы до 2030-х гг., а после поступления останутся на вооружении до 2080-х гг., однако к тому времени цены на ископаемые виды топлива вряд ли останутся низкими²⁴.

В среднесрочной перспективе вооруженные силы стран НАТО будут по большей части зависеть от углеводородов. Однако в свете декарбонизации ключевых производственных отраслей²⁵ военный сектор может остаться единственным потребителем углеводородов.

Перспективы снижения углеродного следа Альянса

НАТО стала первой международной военной организацией, которая взяла на себя обязательство снизить воздействие на окружающую среду и установила добровольную цель по снижению углеродного следа. Однако после объявления этой амбициозной цели Альянс в течение нескольких лет не публиковал информацию по отчетному периоду, не представил ни методологию подсчета, ни данные по объектам учета²⁶. Одновременно с 2019 по 2023 г. НАТО увеличила свой

²⁰ Grey E. Put to the Test: Smart Energy Solutions for The Military // Army Technology. February 17, 2016. URL: <https://www.army-technology.com/features/features-smart-energy-solutions-put-to-the-test-4809549/> (accessed: 29.01.2024).

²¹ 2022 Global Impact Report // Deloitte. 2022. URL: <https://www.deloitte.com/be/en/about/governance/global-impact-report.html> (accessed: 31.01.2024).

²² Birnbaum M., Root T. The U.S. Army Has Released Its First-Ever Climate Strategy. Here's What That Means // The Washington Post. February 10, 2022. URL: <https://www.washingtonpost.com/climate-solutions/2022/02/10/army-military-green-climate-strategy/> (accessed: 30.01.2024).

²³ Barry B. Green Defence: The Defence and Military Implications of Climate Change for Europe // International Institute for Strategic Studies. February 2022. URL: <https://www.iiss.org/globalassets/media-library---content-migration/files/research-papers/2022/green-defence---the-defence-and-military-implications-of-climate-change-for-europe.pdf> (accessed: 28.01.2024).

²⁴ Ashbridge S., Beard A. Episode 6: Readyng the Royal Navy for Climate Change-Affected Seas // RUSI. October 20, 2022. URL: <https://rusi.org/podcasts/greening-defence/episode-6-readyng-royal-navy-climate-change-affected-seas> (accessed: 31.01.2024).

²⁵ Dimitrova D., Lyons M., Losada P., Mester M., Zuzek-Arden T., Baudin-Sarlet M., Schmitt M. The Growing Climate Stakes for the Defense Industry // Boston Consulting Group. September 10, 2021. URL: <https://www.bcg.com/publications/2021/growing-climate-stakes-for-the-defense-industry> (accessed: 30.01.2024).

²⁶ Keating D. NATO Disappoints with Tepid Climate Action // Energy Monitor. July 18, 2022. URL: <https://www.energymonitor.ai/policy/nato-disappoints-with-tepid-climate-action/> (accessed: 30.01.2024).

предполагаемый объем выбросов на 30 млн тонн — с 196 до 226 млн тонн²⁷.

Опасения исследователей продолжают вызывать частые требования руководства Альянса о повышении затрат на оборонную сферу до 2 % ВВП. Согласно подсчетам, основанным на данных Организации Объединенных Наций (ООН), если это требование будет выполнено, то дополнительно затраченная странами НАТО сумма сможет покрыть расходы большинства развивающихся стран на переход к «зеленой экономике» на период до 7 лет. Финляндия, согласно этим подсчетам, после вступления в НАТО должна будет в 4 раза увеличить углеродный след своей армии до 2030 г., Польша повысит его в 3 раза, а Люксембург — в 5 раз²⁸. По данным Европарламента, выбросы армий Евросоюза в 2019 г. составили почти 25 млн тонн углекислого газа, что эквивалентно выбросам от 14 млн автомобилей²⁹. Повышение расходов на оборону до необходимых 2 % ВВП потребует порядка 1 трлн евро, что равно сумме, необходимой для реализации «Зеленого пакта» ЕС³⁰.

В 2023 г. НАТО опубликовала в открытом доступе документ, где пояснялась методология учета выбросов, которые предполагалось сокращать, исходя из принятых Альянсом обязательств. На данный момент

²⁷ Lin H.-C., Buxton N., Akkerman M., Burton D., de Vries W. *Climate Crossfire: How NATO's 2% Military Spending Targets Contribute to Climate Breakdown* // Transnational Institute. October 17, 2023. URL: <https://www.tni.org/en/publication/climate-crossfire> (accessed: 30.01.2024).

²⁸ Noor D. *Divert Military Spending to Fund Climate Aid, Activists Urge Cop28* // The Guardian. December 2, 2023. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2023/dec/02/cop28-climate-change-military-funds> (accessed: 31.01.2024).

²⁹ *Under the Radar: Europe's Military Sectors Dodge Scrutiny Under European Green Deal* // The Left in the European Parliament. February 23, 2021. URL: <https://left.eu/issues/publications/under-the-radar-europes-military-sectors-dodge-scrutiny-under-european-green-deal/> (accessed: 28.01.2024).

³⁰ Akkerman M., Burton D., Lin H.-C., Al-Kashef M., de Vries W. *Climate Collateral: How Military Spending Accelerates Climate Breakdown* // Transnational Institute. November 2022. URL: <https://www.tni.org/en/publication/climate-collateral> (accessed: 30.01.2024).

объявлено, что референтной точкой отчета станет 2019 г. Цель по снижению выбросов будет учитывать штаб-квартиру Альянса в Брюсселе, военные базы в Европе и военную технику, принадлежащую Организации, самолеты системы АВАКС и дроны. Важно заметить, что техника во владении НАТО составляет незначительный процент от всей используемой техники. Остальное остается в национальном ведении стран-членов, а значит, не учитывается в системе³¹.

В методологию подсчета не включены миссии и операции, которые организует НАТО или в которых участвуют силы Альянса. В этот список входят все виды тренировочных программ и учений блока. Кроме того, в документе также указывается, что НАТО не владеет данными для предоставления отчетности об экологическом следе, подпадающем под категорию 3³².

Наконец, методология учета, согласно опубликованному документу, будет учитывать только подразделения самой организации, но не стран-членов³³.

Расширение участия НАТО в глобальной климатической политике потребует тесного взаимодействия с разветвленной сетью негосударственных акторов, определяющих международную повестку устойчивого развития. Многие из них достаточно критично относятся к деятельности Альянса³⁴. Уже в 2022 г. они выдвинули обвинения в «гринвошинге» (*greenwashing*) в адрес НАТО, при этом объявив, что политика блока лишь подрывает международные усилия по борьбе с изменением климата³⁵. Ими обращалось внимание,

³¹ *The NATO Greenhouse Gases Emission Mapping and Analytical Methodology* // NATO. 2023. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2023/7/pdf/230710-NATO-GHG-Methodology.pdf (accessed: 29.01.2024).

³² Ibid.

³³ Ibid.

³⁴ “Always Money for War.” *Reflecting on COP28 // Conflict and Environment Observatory*. December 21, 2023. URL: <https://ceobs.org/always-money-for-war-reflecting-on-cop28/> (accessed: 30.01.2024).

³⁵ См.: *The Military Emissions Gap*. URL: <https://militaryemissions.org/> (accessed: 29.01.2024); Keating D. *NATO Disappoints with Tepid Climate*

что исключительные меры, которые фиксируют добровольный характер отчетности по выбросам в военном секторе и распространение противоречащих предупреждениям научного сообщества и не имеющих механизма проверки расплывчатых рассуждений о климатических обязательствах, кажутся более близкими к практикам гринвошинга крупных корпораций, чем к стратегиям, соразмерным остроте климатического кризиса³⁶. Также можно подчеркнуть, что политика обеспечения безопасности, при которой страны, пострадавшие от изменения климата, рассматриваются как источник угроз для глобальной стабильности, служит лишь оправданием усиления милитаризации и социального контроля (Turner & Bailey, 2022).

На данный момент НАТО не установила тесных контактов с негосударственными акторами, активно участвующими в решении климатических проблем. Мероприятия, проводимые с участием официальных лиц Альянса и представителями военных структур стран-членов в рамках последних Саммитов по климату, остаются закрытыми. Неправительственные экологические организации на них приглашены не были³⁷. Однако такие акторы пытаются оказывать давление на Альянс. Так, во время 27-й ежегодной Конференции Сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 г. (КС 27) в 2022 г. в Египте представители канадской делегации задали вопрос Генеральному секретарю НАТО, учитывает ли Альянс углеродный след, который нанесут поставки вооружений

Украине. Й. Столтенберг уклонился от ответа, указав лишь, что устойчивое развитие возможно только в состоянии безопасности³⁸. Генеральный секретарь НАТО впоследствии подтвердил, что никакой энергопереход не будет реализован, пока не будет гарантирована энергетическая безопасность Альянса³⁹, что, в свою очередь, прямо указывает на приоритетность целей данной Организации.

Неправительственные организации намерены детально изучить методологию и отчетность НАТО. Хотя общая методология подсчета выбросов НАТО была опубликована, ожидается, что ежегодные отчеты будут непрозрачными: международные наблюдатели не смогут получить данные о нюансах подсчетов и специфике определения объема выбросов, и, следовательно, независимые эксперты не будут контролировать и верифицировать истинность данных⁴⁰. В результате международные негосударственные акторы и общественность стран — членов НАТО не смогут определить достоверность публикуемых результатов по снижению выбросов.

Также ставится вопрос о том, как будет учитываться углеродный след НАТО во время военных миссий и операций, которые исключены из методологии учета. В документах блока на данный момент отсутствует не только упоминание выбросов, которые образуются в ходе такого рода деятельности, но и сама терминология. В то же время, например, в рамках кампании в Ираке армия США воздвигла сотни километров бетонных заграждений (Neimark et al., 2024). Строительная

Action // Energy Monitor. July 18, 2022. URL: <https://www.energymonitor.ai/policy/nato-disappoints-with-tepid-climate-action/> (accessed: 30.01.2024); NATO Won't Say How It Will Count Its Carbon Emissions // Conflict and Environment Observatory. June 29, 2022. URL: <https://ceobs.org/nato-wont-say-how-it-will-count-its-carbon-emissions/> (accessed: 30.01.2024).

³⁶ NATO, Building Global Insecurity / coord. by G. Serra // Centre Delàs Report. 2022 (June 23). No. 53. URL: https://demilitarize.org/wp-content/uploads/2022/07/informe53_eng_comp.pdf (accessed: 30.01.2024).

³⁷ "Always Money for War," Reflecting on COP28 // Conflict and Environment Observatory. December 21, 2023. URL: <https://ceobs.org/always-money-for-war-reflecting-on-cop28/> (accessed: 30.01.2024).

³⁸ High-Level Discussion on Climate Security with the NATO Secretary General Jens Stoltenberg at This Year's United Nations Climate Change Conference (COP27) // NATO. November 8, 2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_208773.htm?selectedLocale=en (accessed: 29.01.2024).

³⁹ Secretary General at COP28: Climate Change Matters for Our Security, And Therefore It Matters to NATO // NATO. December 1, 2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_220668.htm?selectedLocale=en (accessed: 30.01.2024).

⁴⁰ NATO Won't Say How It Will Count Its Carbon Emissions // Conflict and Environment Observatory. June 29, 2022. URL: <https://ceobs.org/nato-wont-say-how-it-will-count-its-carbon-emissions/> (accessed: 30.01.2024).

сфера, по оценкам климатических экспертов, имеет один из самых значительных углеродных следов, — до 7 % всех мировых выбросов (Fennell et al., 2022). Ущерб только от такой деятельности стран НАТО можно оценить как эквивалентный выбросам автомобилей в Великобритании за год.

Заключение

Проанализировав действия НАТО в сфере климата и экологии, мы пришли к выводу, что Альянс рассматривает изменение климата как свершившийся факт и корректирует свою политику именно для адаптации к будущим условиям, а не их предотвращению. Подход НАТО к климатической повестке исключительно секьюритизирован и не связан со стремлением добиться климатической справедливости. Меры, которые НАТО разрабатывает для обеспечения климатической безопасности, всегда будут вторичны по отношению к политическим и военным целям блока. Таким образом, НАТО участвует в данной повестке по большей части только декларативно.

Заявленная цель по снижению выбросов CO₂ как минимум на 45 % до 2030 г. и по достижению чистого ноля к 2050 г. кажется амбициозной, но на практике затрагивает очень

ограниченное количество структур и видов деятельности, так как учитывает только объекты и вооружения, принадлежащие Альянсу, а не отдельным странам-членам.

Планы по сокращению выбросов на концептуальном уровне сталкиваются с более жестким требованием увеличения расходов на оборону странами-членами. Фактически сразу после начала поставок вооружений Украине в 2022 г. и возобновления требований к странам-членам по увеличению расходов на оборону климатическая повестка лишь номинально остается в списке приоритетов для НАТО. В частности, страны-лидеры по устойчивой повестке — Швеция и Финляндия — как новые члены Альянса вынуждены значительно повышать затраты на традиционные виды вооружений, в разы увеличивая собственный углеродный след.

В перспективе возможен также обратный эффект для Альянса: с увеличением объема данных об углеродном следе НАТО велика вероятность усиления давления со стороны негосударственных акторов и «зеленых» партий в странах-членах по сокращению всего спектра военной деятельности блока, в том числе широкомасштабных учений и военных операций.

Поступила в редакцию / Received: 07.02.2024
Доработана после рецензирования / Revised: 27.05.2024
Принята к публикации / Accepted: 24.12.2024

Библиографический список

- Badeeb R. A., Lean H. H., Clark J.* The Evolution of the Natural Resource Curse Thesis: A Critical Literature Survey // *Resources Policy*. 2017. Vol. 51. P. 123–134. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2016.10.015>
- Barnett J.* The Meaning of Environmental Security : Ecological Politics and Policy in the New Security Era. London : Zed Books, 2001.
- Black R., Busby J., Dabelko G. D., de Coning C., Maalim H. et al.* Environment of Peace : Security in a New Era of Risk. Stockholm : SIPRI, 2022. <https://doi.org/10.55163/LCLS7037>
- Buzan B., Wæver O., de Wilde J.* Security: A New Framework for Analysis. Boulder, London : Lynne Rienner Publishers, 1998.
- Causevic A.* Facing an Unpredictable Threat: Is NATO Ideally Placed to Manage Climate Change as a Non-Traditional Threat Multiplier? // *Connections: The Quarterly Journal*. 2017. Vol. 16, no. 2. P. 59–80. <https://doi.org/10.11610/Connections.16.2.04>
- Depledge D.* Low-Carbon Warfare: Climate Change, Net Zero and Military Operations // *International Affairs*. 2023. Vol. 99, iss. 2. P. 667–685. <https://doi.org/10.1093/ia/iiad001>; EDN: MBOGPT
- Fennell P., Driver J., Bataille Ch., Davis S. J.* Cement and Steel — Nine Steps to Net Zero // *Nature*. 2022. Vol. 603. P. 574–577. <https://doi.org/10.1038/d41586-022-00758-4>; EDN: NIQRHE

- Homer-Dixon T. F.* Environmental Scarcities and Violent Conflict: Evidence from Cases // *International Security*. 1994. Vol. 19, no. 1. P. 5–40. <https://doi.org/10.2307/2539147>; EDN: HIGBVB
- Jalili D.* Enhancing Military Sustainability Through Education: Balancing Quick Wins with Systemic Behavioural Change // *Innovative Technologies and Renewed Policies for Achieving a Greener Defence* / ed. by G. Iacovino, M. Wigell. Dordrecht : Springer, 2022. P. 95–112. https://doi.org/10.1007/978-94-024-2186-6_8
- Kertysova K.* Towards a Greener Alliance // *Climate Change, Conflict, and (In)Security: Hot War* / ed. by T. Clack, Z. Meral, L. Selisny. London : Routledge, 2023. P. 171–188. <https://doi.org/10.4324/9781003377641>
- Lippert T. H.* NATO, Climate Change, and International Security: A Risk Governance Approach. Cham : Palgrave Macmillan, 2019. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-14560-6>
- Lovins A. B.* DOD's Energy Challenge as Strategic Opportunity // *Joint Forces Quarterly*. 2010. Iss. 57. P. 33–42.
- Mach K. J., Kraan C. M., Adger W. N., Buhaug H., Burke M. et al.* Climate as a Risk Factor for Armed Conflict // *Nature*. 2019. Vol. 571. P. 193–197. <https://doi.org/10.1038/s41586-019-1300-6>; EDN: GUJRRN
- Milburn R.* Carbon Warriors: Enhancing NATO's Response to Climate Change // *The RUSI Journal*. 2023. Vol. 168, iss. 4. P. 30–39. <https://doi.org/10.1080/03071847.2023.2235152>; EDN: RCXAUE
- Neimark B., Belcher O., Ashworth K., Larbi R.* Concrete Impacts: Blast Walls, Wartime Emissions, and the US Occupation of Iraq // *Antipode*. 2024. Vol. 56, iss. 3. P. 983–1005. <https://doi.org/10.1111/anti.13006>; EDN: VROFCH
- Turner J., Bailey D.* 'Ecobordering': Casting Immigration Control as Environmental Protection // *Environmental Politics*. 2022. Vol. 31, iss. 1. P. 110–131. <https://doi.org/10.1080/09644016.2021.1916197>; EDN: CMVDQH

Сведения об авторе:

Тимакова Ольга Александровна — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД России; eLibrary SPIN-код: 3347-6915; ORCID: 0000-0003-4185-0194; e-mail: o.timakova@dipacademy.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-1-109-120

EDN: KQTWQS

Научная статья / Research article

Афганская стратегия Узбекистана как фактор развития трансграничного взаимодействия Центральной и Южной Азии

М.О. Дмитриева¹, А. Дхака²

¹Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Российская Федерация

²Университет Джавахарлала Неру, Нью-Дели, Индия

dmitrieva.mo@dvfu.ru

Аннотация. Южная и Центральная Азия имеют тысячелетнюю историю взаимодействия, которая включает эпоху империй и соперничества великих держав. Неудачи США в установлении мира в Афганистане демонстрируют важность региональной инициативы по урегулированию ситуации в этой стране. Авторы подчеркивают значимость выдвигаемых узбекским руководством идей, которые могут способствовать налаживанию многоплановых отношений между странами Южной и Центральной Азии. Методологической основой исследования является геополитическая концепция Х. Макиндера, смысл которой заключается в выделении северо-восточной части Евразии в качестве особого и значимого пространства — Хартленда. Узбекистан за последние годы зарекомендовал себя как ответственный региональный актор, выполняющий взятые на себя обязательства. Центральная и Южная Азия обладают демографической взаимодополняемостью, которая может изменить правила игры для народов Евразии. Авторы приходят к выводу, что у Узбекистана есть все шансы привлечь внимание международного бизнеса, поскольку он располагает дешевой рабочей силой и достаточными возможностями для того, чтобы стать евразийским деловым центром. Сегодня Ташкент стоит на пороге нового этапа своего участия в мирном процессе в Афганистане. Предыдущие предложения, хотя и были приемлемыми, не получили широкой международной поддержки и адекватного информационного и политического продвижения внутри страны. Установлено, что эволюция стратегии Узбекистана свидетельствует о четком намерении активно участвовать в урегулировании конфликта и последовательной реализации позиции страны по этому вопросу. Каким бы ни был будущий сценарий развития ситуации в Афганистане, Узбекистан по-прежнему будет заинтересован в минимизации негативных последствий событий в соседней стране и продолжит играть важную роль в процессе урегулирования ситуации. В свете развивающихся событий Узбекистану следует продолжить афганскую стратегию, своевременно адаптируя ее к меняющимся региональным и международным реалиям. Узбекистан, с одной стороны, стал полноценным региональным лидером, предлагая своим соседям самим обсуждать и решать вопросы взаимодействия. С другой стороны, благодаря гибкому подходу Ташкент пытается избежать конкуренции и развеять опасения своих соседей по поводу возросших амбиций страны.

Ключевые слова: геополитическая стратегия, региональное лидерство, транспортные коридоры, мирное урегулирование, афганский кризис, Ш. Мирзиёев

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

© Дмитриева М.О., Дхака А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Дмитриева М. О., Дхака А. Афганская стратегия Узбекистана как фактор развития трансграничного взаимодействия Центральной и Южной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 1. С. 109–120. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-109-120>

Uzbekistan's Afghan Strategy as a Factor in the Development of Cross-Border Interaction Between Central and South Asia

Marina O. Dmitrieva¹ , Ambrish Dhaka²

¹Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

²Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India

 dmitrieva.mo@dvfu.ru

Abstract. South and Central Asia have a thousand-year history of interaction, including the era of empires and the rivalry of great powers. The failure of the United States in establishing peace in Afghanistan demonstrates the importance of a regional initiative to resolve the situation in that country. The authors emphasize the importance of the ideas put forward by the Uzbek leadership, which can establish multifaceted relations between the countries of South and Central Asia. The methodological basis of the study is the geopolitical concept of H. Mackinder, the meaning of which is to single out the north-eastern part of Eurasia as a special and significant area — the Heartland. In recent years, Uzbekistan has established itself as a responsible regional actor, fulfilling its obligations. Central Asia and South Asia have a demographic complementarity that can change the rules of the game for the peoples of Eurasia. Uzbekistan has every chance to attract the attention of the international business, as it has a cheap labour workforce and sufficient opportunities to become a Eurasian business center. At the present time, Tashkent is on the threshold of a new stage in its involvement in the peace process in Afghanistan. The previous proposals, although acceptable, did not receive broad international support, nor adequate information and political promotion within the country. The development of Uzbekistan's strategy indicates a clear intention to actively participate in the settlement of the conflict and the consistent implementation of the country's position on this issue. Whatever the future scenario of the situation in Afghanistan, Uzbekistan will continue to be interested in minimizing the negative consequences of events in the neighboring country and will continue to play an important role in the process of resolving the situation. In the light of developing events, Uzbekistan should continue the Afghan strategy, adapting it in a timely manner to the evolving regional and international realities. On the one hand, Uzbekistan has become a full-fledged regional leader, offering its neighbors to discuss and resolve issues of interaction themselves. At the same time, thanks to a flexible approach, Tashkent is trying to avoid competition and any concerns of its neighbors about the country's increased ambitions.

Key words: geopolitical strategy, regional leadership, transport corridors, peace settlement, Afghan crisis, Sh. Mirziyoyev

Conflicts of interest. The authors declare no conflict of interest.

Authors' contributions. The authors made an equal contribution to the development of the design, research and preparation of the text of the article.

For citation: Dmitrieva, M. O., & Dhaka, A. (2025). Uzbekistan's Afghan strategy as a factor in the development of cross-border interaction between Central and South Asia. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(1), 109–120. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-109-120>

Введение

В онтологическом плане классическая макиндеровская модель глобальной геополитики фокусируется на географических преимуществах цивилизаций, учитывая также влияние, которое технологические достижения оказывают на распределение власти

в сухопутных и морских державах. Однако в рамках обращения к данной модели не представляется возможным учесть более масштабные процессы, затрагивающие государства. В этой связи необходимы дополнительные инструменты, учитывающие специфику восприятия акторами структурных рамок

и реакцию на них. Модель Х. Макиндера, возможно, более близка к неоклассическому реализму, в котором действия государства определяются структурными условиями.

В современную эпоху государства Центральной Азии воспринимаются как участники новой версии «Большой игры», повторяющей классическое противостояние Российской и Британской империй XIX в. (Казанцев, 2008; Cooley, 2012). Рост мощи Китая приносит новый элемент в это противостояние, превращая его уже в трехстороннее соперничество (Россия, США, Китай).

Институциональный ландшафт центральноазиатской геополитики можно разделить на три различных типа: сети, сохраняющие советское наследие, китайская геоэкономическая поддержка региональных экономик и система безопасности под руководством США и Организации Североатлантического договора (НАТО).

Экономическое сотрудничество между Китаем и государствами Центральной Азии красноречиво свидетельствует о растущем влиянии Китая в регионе (в том числе благодаря созданию Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) (Porshneva, Rakhimov & Razinkov, 2022). Инициатива «Экономический пояс Шелкового пути», выдвинутая председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г.¹, также продемонстрировала всплеск интереса к Центрально-Азиатскому региону со стороны Пекина. На саммите «Китай — Центральная Азия», состоявшемся в г. Сиане в мае 2023 г., Китай пообещал предоставить государствам региона займы в размере 26 млрд юаней в рамках проектов обновления устаревшей советской инфраструктуры и активизации энергетических, торговых и военных обменов². Впоследствии на круглом столе,

¹ President Xi Jinping Delivers Important Speech and Proposes to Build a Silk Road Economic Belt with Central Asian Countries // The Belt and Road Portal. September 7, 2013. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/p/1849.html> (accessed: 10.12.2023).

² Tan C. K. China's Xi Pledges Billions in Loans to Central Asian Nations // Nikkei Asia. May 19, 2023. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/China-s-Xi-pledges-billions-in-loans-to-Central-Asian-nations> (accessed: 10.12.2023).

посвященном вопросам инвестиций, между Казахстаном и Китаем было подписано 47 соглашений на сумму 22 млрд долл. США³. Показательны также отношения между Китаем и Узбекистаном: так, руководство последнего сделало еще один шаг в сторону экономического сотрудничества с Китайской Народной Республикой (КНР), провозгласив социалистические достижения Китая ориентиром для стран Центральной Азии⁴.

Российский взгляд на геополитику Центральной Азии основан на историческом восприятии региона как одной из трех составляющих «величайшей природной крепости»⁵ Старого Света. В свете современной международно-политической обстановки Россия вынуждена повышать боеготовность своих баз в Центральной Азии, чтобы противостоять росту присутствия США в регионе под предлогом борьбы с терроризмом⁶, а Китай, также выступающий против такого присутствия, активизирует экономическое сотрудничество с центральноазиатскими государствами.

Таким образом, соперничество между Россией, США и КНР в Центральной Азии развивается на фоне их многоуровневых отношений с государствами региона. Сочетание разнонаправленных тенденций — конфронтации и сотрудничества — обусловило формирование новой экономической реальности в регионе (Reeves, 2018).

³ Omirgazy D. Kazakhstan and China Sign 47 Agreements Worth \$ 22 Billion, as Tokayev Outlines Key Areas for Partnership // The Astana Times. May 18, 2023. URL: <https://astanatimes.com/2023/05/kazakhstan-and-china-sign-47-agreements-worth-22-billion-as-tokayev-outlines-key-areas-for-partnership/> (accessed: 10.12.2023).

⁴ Xi Jinping Holds Talks with President Shavkat Mirziyoyev of Uzbekistan // Embassy of the People's Republic of China in India. May 18, 2023. URL: http://in.china-embassy.gov.cn/eng/zgxw/202305/t20230521_11080865.htm (accessed: 10.12.2023).

⁵ Mackinder H. J. The Round World and the Winning of the Peace // Foreign Affairs. 1943. Vol. 21, no. 4. P. 601. URL: <https://www.jstor.org/stable/20029780> (accessed: 10.12.2023).

⁶ Russia Boosting Combat Readiness of Its Central Asia Bases to Counter US, Defence Minister Says // Reuters. April 28, 2023. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/russia-boosting-combat-readiness-its-c-asia-bases-counter-us-defence-minister-2023-04-28/> (accessed: 10.12.2023).

Узбекистан в трансрегиональном контексте Центральной и Южной Азии

Трансрегиональная архитектура, связывающая Южную и Центральную Азию, продолжает отражать динамику «Большой игры» XIX в. Термин «Большая игра», введенный в обиход российскими учеными, служит метафорой стратегических маневров, проводимых континентальными и морскими державами на центральноазиатской шахматной доске (Норкirk, 2006). Центральноазиатские государства играют решающую роль в изменении геополитической расстановки сил в рамках этой «Большой игры», что объясняет, почему крупные державы постоянно конкурируют за влияние на государства Центральной Азии (Edwards, 2003).

В этой связи особо выделяется Узбекистан, контролирующей большую часть Ферганской долины и стратегически расположенный на перекрестке между Центральной (пять постсоветских республик и Афганистан⁷), Западной (страны арабского мира и Иран) и Южной (страны п-ова Индостан) Азией. С 2017 г. в Узбекистане наблюдается значительный рост объемов торговли с соседними странами (Starr & Cornell, 2018). Эта страна осуществляет активные шаги по укреплению региональной экономической интеграции и сотрудничества, примером чего является ее роль в возобновлении формата консультативных встреч глав государств Центральной Азии. В своих усилиях по расширению транспортных связей и торговых маршрутов Узбекистан построил жизненно важные мосты через Амударью, что облегчает прямые связи с Туркменистаном, Ираном, Оманом, Кыргызстаном и Китаем. Эти инфраструктурные проекты дополняют давние связи с Россией, которые еще больше укрепляются благодаря интеграции российских транспортных сетей в обширную синергию инициативы «Один пояс, один путь».

⁷ Speech by President Shavkat Mirziyoyev at the 76th session of the United Nations General Assembly // President of the Republic of Uzbekistan. September 21, 2021. URL: <https://president.uz/en/lists/view/4632> (accessed: 10.12.2023).

Однако стратегическое расположение Узбекистана также ставит его перед лицом проблем, связанных с незаконным оборотом наркотиков и распространением экстремистских идеологий. Президент Ш.М. Мирзиёев неоднократно заявлял о необходимости расширения сотрудничества между государствами Центральной Азии в решении таких проблем, как борьба с терроризмом, контрабанда оружия, нелегальная миграция и незаконный оборот наркотиков. Он подчеркивает концепцию «неделимости безопасности», выступая за двустороннее и многостороннее сотрудничество⁸. В марте 2018 г. президент Ш.М. Мирзиёев выступил с инициативой проведения первой консультативной встречи глав государств Центральной Азии⁹, продемонстрировав твердое желание укрепить братские связи в регионе. Кроме того, в 2018 г. Узбекистан выступил инициатором принятия резолюции в Организации Объединенных Наций (ООН), направленной на содействие миру, стабильности и устойчивому развитию во всей Центральной Азии¹⁰.

Помимо государств Центральной Азии Узбекистан активно развивает отношения и с ведущими государствами Южной Азии. Например, в 2016 г. Пакистан пригласил Узбекистан присоединиться к Китайско-пакистанскому экономическому коридору для получения преимуществ в региональной торговле (Khetran & Khalid, 2019). Обе страны разделяют общую обеспокоенность экстремистскими группировками, обосновавшимися

⁸ Shavkat Mirziyoyev: Security Is Indivisible, Its Essential Bedrock Is Trust // President of the Republic of Uzbekistan. June 15, 2019. URL: <https://president.uz/en/lists/view/2668> (accessed: 10.12.2023).

⁹ Pogorelskaya A. Consultative Meetings of Central Asian Leaders: The Evolution of Agenda // TSU Center for Eurasian Studies Analytical Review. 2023 (October 20). No. 12. URL: https://eurasian-studies.tsu.ru/en/analytics/publications/anastasiia-pogorel-skaia-format-konsultativnykh-vstrech-liderov-stran-tcentral-noi-azii-evoliuticiia-vestki/download/1267/file_en (accessed: 10.12.2023).

¹⁰ The Initiative of the President of Uzbekistan Is Unanimously Supported by the International Community // The Permanent Mission of the Republic of Uzbekistan to the United Nations. December 14, 2018. URL: <https://www.un.int/uzbekistan/news/initiative-president-uzbekistan-unanimously-supported-international-community> (accessed: 10.12.2023).

в пакистанском регионе Вазиристан, где «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ)¹¹ и «Аль-Каида»¹² объединились с местными полевыми командирами, бросающими вызов верховенству закона. Контртеррористическое сотрудничество между Ташкентом и Исламабадом распространяется и на взаимодействие в рамках ШОС, где страны разделяют взаимную озабоченность по поводу эскалации напряженности в Афганистане и ее потенциальных последствий для безопасности и стабильности соседних государств. Джихадистские группировки, возглавляемые узбеками, в частности «Союз исламского джихада» («Исламский джихад — Джамаат моджахедов»¹³) и ИДУ (запрещено в РФ), играют заметную роль в конфликтах в Афганистане и Пакистане. В частности, «Союз исламского джихада» (запрещен в РФ), тесно связанный с «Сетью Хаккани», проводит операции в Афганистане и вербует выходцев из Центральной Азии с помощью пропаганды¹⁴.

Узбекистан налаживает обширные торговые связи с Бангладеш. В 2021 г. объем экспорта Узбекистана в Бангладеш составил 10,6 млн долл. США, в основном за счет розничной продажи чистой хлопчатобумажной пряжи, хлопка-сырца и легкого прорезиненного трикотажа. В 2000–2021 гг. объем этого экспорта ежегодно сокращался в среднем на 2,03 % в год, снизившись с 16,4 млн долл. США в 2000 г. до 10,6 млн долл. США

¹¹ Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

¹² Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

¹³ Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

¹⁴ Binnie J., Wright J. The Evolving Role of Uzbek-led Fighters in Afghanistan and Pakistan // CTC Sentinel. 2009. Vol. 2, no. 8. P. 5–7. URL: <https://ctc.westpoint.edu/wp-content/uploads/2010/06/Vol2Iss8-Art2.pdf> (accessed: 12.02.2023).

в 2021 г. И наоборот, экспорт Бангладеш в Узбекистан в 2021 г. оценивался в 16,9 млн долл. США, при этом основными товарами были джутовая пряжа, упакованные медикаменты и мужские пальто из нетканых материалов. Этот экспорт ежегодно рос в среднем на 27,3 %, в итоге увеличившись со 106 тыс. долл. США в 2000 г. до 16,9 млн долл. США в 2021 г.¹⁵

В свою очередь взаимодействие между Индией и Узбекистаном основано на исторических и культурных связях. Фундамент постсоветских отношений был заложен во время визита президента И.А. Каримова в Индию 17–19 августа 1991 г. По итогам встречи были подписаны важные соглашения в различных областях¹⁶. Генеральное консульство Индии в Ташкенте было открыто 7 апреля 1987 г. и преобразовано в посольство в марте 1992 г. после обретения Узбекистаном независимости¹⁷. Период после 1991 г. ознаменовался активизацией двусторонних контактов, в ходе которых состоялись важные визиты, приведшие к подписанию ключевых соглашений о торговле, экономическом сотрудничестве и установлении стратегического партнерства. Торговые отношения регулируются Соглашением о торгово-экономическом сотрудничестве, заключенным в мае 1993 г.¹⁸, которое предусматривает взаимный режим наибольшего благоприятствования и содействует сотрудничеству в экономической, промышленной, научной и технической областях, включая поддержку малых и средних предприятий. Кроме того, обе страны договорились об избежании двойного налогообложения и поощрении и защите двусторонних инвестиций.

В последние годы наблюдается заметный рост объемов сотрудничества в области информационных технологий и сельского хозяйства, чему способствует ряд соглашений

¹⁵ Bangladesh // The Observatory of Economic Complexity. URL: <https://oec.world/en/profile/country/bgd> (accessed: 10.12.2023).

¹⁶ Indo-Uzbek Political Relations // Embassy of India in Republic of Uzbekistan. URL: http://www.indembassy.uz/uzbekistan_polit (accessed: 10.12.2023).

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

и активное участие Узбекистана в программе Индийского технического и экономического сотрудничества (ИТЕС). Кроме того, активные культурные обмены между Индией и Узбекистаном, включающие выступления трупп из обеих стран на фестивалях и мероприятиях, еще больше обогатили динамичные культурные связи между двумя народами. Участие Узбекистана в диалоге между Индией и Центральной Азией свидетельствует о приверженности стран региональной стабильности, особенно в отношении Афганистана, и их взаимных интересах в экономическом и культурном сотрудничестве. Это партнерство особенно заметно в сфере обороны и безопасности, где совместные военные учения и соглашения подчеркивают стратегическое доверие и коллективный подход к борьбе с общими угрозами, такими как терроризм и торговля людьми.

Несмотря на потенциал для расширения экономического взаимодействия, объем двустороннего товарооборота которого составляет около 690 млн долл. США, прилагаются усилия по расширению торговли и инвестиций посредством реализации Соглашения о преференциальной торговле (ДПТ) и значительных индийских инвестиций в такие секторы узбекской экономики, как фармацевтика и информационные технологии¹⁹. Пандемия COVID-19 подчеркнула устойчивость этого партнерства, поскольку обе страны оказывали друг другу необходимую медицинскую помощь, демонстрируя сильный дух сотрудничества.

Отдельно следует выделить афганское направление внешней политики Узбекистана. Афганистан, имея стратегически важное географическое положение и выступая мостом между Центральной и Южной Азией, является одновременно и вызовом для стран этих регионов. Между государствами Центральной и Южной Азии и Афганистаном установлены глубокие этнокультурные связи, которые часто использовались великими державами

для реализации своих стратегических целей. Ограничение анализа региональной динамики исключительно торгово-экономическими и политическими интересами не позволяет полностью понять сложность процессов в этом регионе (Berkowitz, 2007). В целом противопоставление пуштунов тюркским и непустунским этническим группам определяет не только судьбу Афганистана, но и ситуацию в странах Южной и Центральной Азии (Misdaq, 2006, pp. 199–207).

Исторически сложившиеся региональные конфликты находят отражение в объединениях племен и этнических групп, рассредоточенных по Центральной и Южной Азии. Уже во времена Кушанского царства (30–375 гг.) формировалась зона постоянных миграций и столкновений, включавшая Ферганскую долину, Афганистан и северо-западные районы Индии. Именно поэтому Афганистан часто рассматривается как культурный и географический рубеж между Южной и Центральной Азией (Puri, 1994, pp. 247–264).

Однако современное восприятие идеи трансграничного взаимодействия двух регионов основывается на периоде XIX — начала XX в., когда Великобритания пыталась определить свою сферу влияния в противовес царской России, которая воспринималась как угроза британским интересам. В этом контексте статус Афганистана как буферного государства и его стремление сохранить нейтралитет сыграли ключевую роль в формировании геополитической картины региона.

В XXI в. безопасность и стабильность Афганистана стали рассматриваться как один из основных условий для успешного развития Южной и Центральной Азии, что было связано с запуском китайской инициативы «Один пояс, один путь» и возможностью экономической интеграции между двумя регионами.

Афганский кризис и Узбекистан

Узбекистан в силу географических, геополитических и геоэкономических факторов выступает для Афганистана важным соседом. Исход процесса мирного урегулирования в Афганистане имеет прямое отношение

¹⁹ Brief on India — Uzbekistan Bilateral Relations // Ministry of External Affairs, Government of India. October 6, 2023. URL: <https://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/uzbekistan.pdf> (accessed: 10.12.2023).

к Узбекистану и не может быть в полной мере реализован без учета его интересов.

Узбекистан на протяжении последних двух десятилетий активно участвовал в процессах политического и экономического урегулирования конфликта в Афганистане. Помимо роста экономической активности и торговли со своим южным соседом Узбекистан собрал глобальных и региональных игроков на крупной международной конференции «Мирный процесс, сотрудничество в области безопасности и региональное сотрудничество», которая состоялась в Ташкенте в марте 2018 г. (Özkan & Omonkulov, 2020). Примечательно, что помимо афганского правительства в ней приняли участие все 6 соседних с Афганистаном государств (в том числе и Иран), а также Казахстан, Кыргызстан и Россия, которые рассматривают афганскую проблему как источник внешних угроз и потенциальной дестабилизации Центрально-Азиатского региона. В конференции также приняли участие основные поставщики донорской помощи Афганистану (Саженов, 2020).

Призыв узбекского лидера воспринимать Афганистан не только как источник угрозы, но и как страну возможностей получил широкую международную поддержку, поскольку интеграция Афганистана в региональную экономическую деятельность значима для Центральной Азии (Umarov, 2021). Кроме того, на Ташкентской конференции 2018 г. президент Узбекистана подчеркнул важность продвижения мирного процесса на трех взаимосвязанных фронтах: внутриафганском, региональном и глобальном. На первом уровне основное внимание уделяется налаживанию диалога внутри Афганистана, на втором — поиску консенсуса между соседними с Афганистаном странами по урегулированию конфликта, а на третьем — участие мировых держав и донорских организаций, оказывающих политическую и финансовую поддержку мирным усилиям и экономическому восстановлению Афганистана²⁰. Кроме того,

²⁰ Tolipov F. The Tashkent Conference on Afghanistan: Too Much Diplomacy, Too Little Solution // CACI

в 2017 г. была учреждена должность специального представителя президента Узбекистана в Афганистане²¹. Создание такой должности демонстрирует особое внимание узбекского руководства к отношениям с Афганистаном.

Узбекистан является единственной республикой Центральной Азии, которая на государственном уровне приняла стратегию продвижения национальных интересов республики в Афганистане. В 1997 г. Узбекистан инициировал создание формата «6+2» под эгидой ООН (Притчин, 2020), подразумевающего участие в афганском мирном процессе шести соседних с Афганистаном стран, включая Пакистан, Иран, Китай, Туркменистан, Таджикистан и Узбекистан, а также стран-гарантов — США и Российской Федерации. Целью этого формата было урегулирование афганского конфликта путем достижения мира между Северным альянсом и «Движением Талибан»²². Благодаря деятельности Контактной группы 21 июля 1999 г. в присутствии противоборствующих сторон была подписана «Ташкентская декларация об основополагающих принципах мирного урегулирования конфликта в Афганистане»²³. В 2020 г. Ташкент также создал консультативный формат взаимодействия с США для решения афганской проблемы²⁴. По

Analyst. May 29, 2018. URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13521-the-tashkent-conference-on-afghanistan-too-much-diplomacy-too-little-solution.html> (accessed: 10.12.2023).

²¹ Special Representative of President of Uzbekistan for Afghanistan appointed // UZ Daily. May 25, 2017. URL: <https://www.uzdaily.uz/en/special-representative-of-president-of-uzbekistan-for-afghanistan-appointed/> (accessed: 10.12.2023).

²² Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

²³ Tashkent Declaration on Fundamental Principles for a Peaceful Settlement of the Conflict in Afghanistan // United Nations Peacemaker. July 19, 1999. URL: <https://peacemaker.un.org/en/node/9441> (accessed: 10.12.2023).

²⁴ Joint Statement on the U.S. — Afghanistan — Uzbekistan Trilateral Meeting // U.S. Embassy in Uzbekistan. May 27, 2020. URL: <https://uz.usembassy.gov/>

сравнению с другими участниками переговоров в рамках мирного процесса в Афганистане Узбекистан одним из первых установил контакт с руководством «Движения Талибан» (запрещено в РФ), мнение и влияние которого узбекская сторона намеревалась учитывать при любом дальнейшем развитии внутриафганского диалога²⁵.

Благодаря принципиальной позиции президента Узбекистана граница между Афганистаном и Узбекистаном всегда оставалась открытой для всех транспортных грузопотоков. Поставки продовольствия, предметов первой необходимости, сырья и топлива продолжали поступать в Афганистан, обеспечивая нормальное функционирование страны в это сложное время. Примечательно, что Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш выразил благодарность президенту Ш.М. Мирзиёеву за его усилия по оказанию гуманитарной помощи пострадавшим странам региона, включая Афганистан²⁶. Ранее президент Узбекистана предложил руководству ООН создать специальный комитет по социально-экономическому развитию Афганистана²⁷. При этом Ташкент выступает исключительно за политическое урегулирование афганского конфликта путем многосторонних межафганских переговоров.

Одной из особенностей обновленного вектора афганской политики является акцент на сотрудничестве в гуманитарной сфере. Теперь Ташкент смело говорит о них, хотя ранее подобные инициативы особо не афишировались. Так, было предложено создать

joint-statement-on-the-u-s-afghanistan-uzbekistan-trilateral-meeting/ (accessed: 10.12.2023).

²⁵ Сигов Ю. Афганская карта Ташкента // Независимая газета. 04.05.2021. URL: https://www.ng.ru/cis/2021-05-11/8_8144_map.html (дата обращения: 10.12.2023).

²⁶ UN Secretary-General Sends a Message to Shavkat Mirziyoyev Praising Measures Uzbekistan Has Taken to Fight Coronavirus // KUN.UZ. May 12, 2020. URL: <https://kun.uz/en/45890234> (accessed: 10.12.2023).

²⁷ Uzbekistan President Proposes Establishment of a Permanent UN Committee on Afghanistan // Embassy of the Republic of Uzbekistan in Malaysia. September 25, 2020. URL: https://uzbekembassy.com.my/eng/news_press/uzbekistan_president_proposes_establishment_of_a_permanent_un_committee_on_afghanistan.html (accessed: 10.12.2023).

Международный фонд поддержки образования в Афганистане. В Сурхандарьинской области, граничащей с Афганистаном, был открыт образовательный центр для подготовки афганских граждан. Соглашение о его создании было подписано в ходе визита президента Афганистана Ашрафа Гани в Узбекистан в декабре 2017 г.²⁸ В 2018 г. центр принял более 100 студентов²⁹. Узбекистан и Казахстан планируют запустить проект по предоставлению образования афганским женщинам. Эти меры являются попыткой Ташкента создать условия для предотвращения радикализации афганской молодежи, особенно в северных регионах. Сотрудничество в области повышения квалификации также осуществляется в отношении должностных лиц. Например, в 2019 г. стороны обсудили организацию Узбекистаном учебных курсов для сотрудников прокуратуры Афганистана³⁰.

Многие узбекские проекты, в том числе транспортные коридоры, связаны с Афганистаном, который обладает серьезным транспортным и транзитным потенциалом. Территория страны исторически служила пространством, через которое Индия взаимодействовала с остальной Евразией. Транспортный и транзитный потенциал современного Афганистана должен и может быть использован, и усилия правительства Узбекистана в этом контексте понятны. Разрабатывается несколько проектов, например проект железной дороги Термез — Мазари-Шариф — Кабул — Пешавар, реализация которого не только открывает новый и кратчайший путь к перспективным рынкам Южной Азии, но и будет

²⁸ Афганистан: диалог расширяется // Институт стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан. 03.07.2019. URL: <https://isrs.uz/ru/maqolalar/afghanistan-dialog-rassiraetsa> (дата обращения: 10.12.2023).

²⁹ Educational Center on Training Afghan Citizens Opens in Uzbekistan // UZ Daily. January 24, 2018. URL: <https://www.uzdaily.uz/en/educational-center-on-training-afghan-citizens-opens-in-uzbekistan/> (accessed: 10.12.2023).

³⁰ Sarukhanyan Yu. Afghan Traditions of Uzbek Foreign Policy // Central Asian Bureau for Analytical Reporting. 2019. URL: <https://cabar.asia/en/afghan-traditions-of-the-uzbek-foreign-policy> (accessed: 10.12.2023).

способствовать достижению мира в Афганистане³¹. Следует отметить, что смена власти в Кабуле не оказала серьезного влияния на ход реализации данного проекта: в июле 2022 г. были начаты полевые работы по проекту Трансафганской железной дороги³², а в октябре 2023 г. генеральный директор Управления железных дорог Афганистана Бахт-ур-Рахман Шарафат заявил, что работы по технико-экономическому обоснованию проекта будут завершены к июлю 2024 г.³³, а на 2025 г., согласно заявлению министра транспорта Узбекистана И.Р. Махкамова, запланировано начало работ по возведению Трансафганской железнодорожной магистрали³⁴.

Сотрудничество со странами Южной Азии все чаще упоминается официальными лицами Узбекистана как в рамках программ по осуществлению внутригосударственных преобразований³⁵, так и в связи с региональными проектами, включая формирование международных транспортных коридоров. 15–16 июля 2021 г. президент Узбекистана Ш.М. Мирзиёев выступил на международной конференции «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности», на которой изложил 10 инициатив по укреплению сотрудничества между странами Центральной и Южной Азии³⁶.

³¹ Prospects of Economic Cooperation Between Central and South Asia // TOLONews. June 4, 2021. URL: <https://tolonews.com/opinion-172557> (accessed: 10.12.2023).

³² Начались полевые работы по проекту Трансафганской железной дороги // РЖД. 26.07.2022. URL: <https://company.rzd.ru/ru/9401/page/78314?id=204058> (дата обращения: 10.12.2023).

³³ ТЭО проекта Трансафганской железной дороги представят летом 2024 года // ТАСС. 26.10.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19118439> (дата обращения: 10.12.2023).

³⁴ Trans-Afghan Railway Construction Set to Begin in 2025 // KUN.UZ. February 5, 2025. URL: <https://kun.uz/en/news/2025/02/05/trans-afghan-railway-construction-set-to-begin-in-2025> (accessed: 07.02.2025).

³⁵ Address by the President of the Republic of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev at the International Conference “Central and South Asia: Regional Connectivity. Challenges and Opportunities” // President of the Republic of Uzbekistan. July 16, 2021. URL: <https://president.uz/en/lists/view/4484> (accessed: 10.12.2023).

³⁶ Панфилова В. Ташкент предложил Центральной Азии новую повестку // Независимая газета.

Эксперты склонны рассматривать эти предложения как масштабную и хорошо проработанную программу, реализация которой вполне может вывести сотрудничество между государствами двух регионов на новый виток стабильного и мирного развития. Таким образом, мы рассматриваем подписание Ташкентом соглашения о развитии региональной экономики как гарантию мира. Ш.М. Мирзиёев успешно продвигает это сотрудничество в отношении Афганистана в течение последних двух лет, и теперь ему удалось консолидировать вокруг себя многих региональных игроков.

Необходимо еще раз обозначить конкретные интересы Узбекистана на афганском направлении, что побуждает его к более активному участию в мирном процессе. Существует три группы таких интересов:

1) вопросы безопасности, в частности противодействие исламистскому экстремизму и контрабанде наркотиков;

2) вопросы внешней политики, связанные с преодолением самоизоляции и развитием двусторонних отношений с региональными и глобальными игроками. Сюда же следует отнести участие во внутриафганском урегулировании как фактор укрепления неформального лидерства в Центрально-Азиатском регионе;

3) экономические вопросы: углубление торгово-экономических отношений со странами Центральной Азии, создание транзитных маршрутов и соответствующей инфраструктуры для доступа к морским портам и облегчение доступа на новые рынки (Саженов, 2020).

Так или иначе, инициативы Узбекистана на афганском направлении вписываются в тенденцию регионализации афганского конфликта, то есть все большего вовлечения соседних с Афганистаном стран и видных региональных акторов в процесс урегулирования (Эргашев, 2013). У Узбекистана имеется значительный потенциал для продолжения своих действий в этой области, что в случае достижения определенных успехов может

04.08.2021. URL: https://www.ng.ru/cis/2021-08-04/100_190004082021.html (дата обращения: 10.12.2023).

повысить авторитет Узбекистана в международном сообществе, и это уже постепенно происходит. В будущем Узбекистан может, например, предоставить платформу для межафганских переговоров или выступить в качестве посредника в них. Еще до прихода талибов (запрещены в РФ) к власти в Афганистане в 2021 г. было ясно, что дальнейшая политическая линия Узбекистана в этом направлении, вероятно, по-прежнему будет характеризоваться сочетанием поиска новой, более активной роли в урегулировании афганского конфликта и прагматичной, иногда осторожной внешней политики.

Новая реальность, сформировавшаяся после прихода к власти талибов (запрещены в РФ) в Афганистане 15 августа 2021 г., в целом не изменила намерений Узбекистана продолжить расширять свое участие в афганском урегулировании. Правительство Узбекистана придерживается проактивного подхода, выступая за активную работу с новым правительством Афганистана и недопущение его изоляции. Вместе с тем Узбекистан не спешил признавать новые власти в Кабуле. По словам спецпредставителя президента Узбекистана по Афганистану И.Р. Иргашева, Узбекистан намерен двигаться к официальному признанию только совместно с международным сообществом³⁷.

В свою очередь, Ш.М. Мирзиёев уже в сентябре 2021 г. заявил, что с новыми властями Афганистана необходимо развивать диалог и не допустить изоляции страны, которая находится в непростом периоде своего развития, столкнувшись с большим количеством проблем³⁸.

В октябре 2021 г. состоялись встречи исполняющего обязанности министра

и иностранных дел Афганистана Амира Хана Муттаки с послом Узбекистана Ё.М. Шадмановым и министром иностранных дел Узбекистана А.Х. Камиловым. По итогам переговоров узбекская сторона выразила намерение оказать содействие в реконструкции аэропорта в Мазари-Шарифе, а также развивать отношения с новым правительством страны в сферах транзита, энергетики и торговли³⁹.

В 2022 г., выступая на саммите Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), Ш. Мирзиёев предложил странам Азии обратиться в Генассамблею ООН с инициативой о формировании международной переговорной группы высокого уровня для налаживания контактов с властями Афганистана⁴⁰.

В августе 2024 г. Кабул посетила крупная делегация, возглавляемая премьер-министром Узбекистана А.Н. Ариповым, что стало символом стремления Ташкента развивать взаимовыгодные отношения со своим соседом. По итогам этого визита было подписано 35 соглашений в сфере инвестиций и торговли на общую сумму в 3,5 млрд долл. США⁴¹.

Таким образом, Ташкент регулярно выдвигает инициативы по налаживанию торгово-экономического сотрудничества с Афганистаном и системному оказанию гуманитарной помощи соседней стране. Усилия Узбекистана направлены на то, чтобы не допустить изоляции Афганистана и его превращение в «страну-изгоя».

³⁷ Imamova N. Uzbekistan Seeks to Engage Taliban Without Alienating West // VOA News. May 4, 2022. URL: <https://www.voanews.com/a/uzbekistan-seeks-to-engage-taliban-without-alienating-west/6557338.html> (accessed: 10.12.2024).

³⁸ См.: Шавкат Мирзиёев призвал ШОС к диалогу с новой властью в Афганистане // Газета.uz. 17.09.2021. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/09/17/sco-president/> (дата обращения: 10.12.2023); «Нельзя допустить изоляции Афганистана» — Шавкат Мирзиёев // Газета.uz. 21.09.2021. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/09/21/afghanistan-un/> (дата обращения: 10.12.2023).

³⁹ См.: Посол Узбекистана обсудил с главой МИД Афганистана возобновление авиасообщения // Газета.uz. 02.10.2021. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/10/02/kabul/> (дата обращения: 10.12.2023); Главы МИД Узбекистана и Афганистана встретились в Кабуле // Газета.uz. 07.10.2021. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/10/07/uzb-afg/> (дата обращения: 10.12.2023).

⁴⁰ “Communication and Trust Have Decreased to an Unprecedented Level” — Shavkat Mirziyoyev Delivers a Speech at CICA Summit // KUN.UZ. October 14, 2022. URL: <https://kun.uz/en/news/2022/10/14/communication-and-trust-have-decreased-to-an-unprecedented-level-shavkat-mirziyoyev-delivers-a-speech-at-cica-summit> (accessed: 10.12.2023).

⁴¹ Qooyash H. R. 35 Investment, Trade Agreements Signed Between Afghanistan, Uzbekistan // TOLONews. August 17, 2024. URL: <https://tolonews.com/business-190282> (accessed: 08.12.2024).

Заключение

Регионы Южной и Центральной Азии имеют тысячелетнюю историю взаимодействия. Однако региональные связи между ними развивались в тени политики империй и соперничества великих держав, испытывая негативное влияние этого соперничества. Это особенно заметно по ситуации вокруг Афганистана. Неудачи США и западной коалиции по стабилизации внутренней обстановки в стране еще раз подчеркнули важность мирных инициатив, которые затронут центральноазиатские и южноазиатские страны. Их авторы обладают разными политическими и экономическими возможностями, но их коллективная воля, безусловно, может повлиять на развитие событий в Афганистане.

На этом фоне особенно выделяется Узбекистан, который показал себя как важного актора, способного наладить многоплановые отношения как с региональными, так и внерегиональными державами, вовлеченными в урегулирование афганской проблемы. Сегодня Ташкент стоит на пороге нового этапа своего участия в мирном процессе в Афганистане. Предыдущие предложения, хотя и были приемлемыми, не получили широкой международной поддержки и должного информационного и политического продвижения внутри страны. Эволюция стратегии Узбекистана свидетельствует о четком намерении активно участвовать в урегулировании конфликта и последовательной реализации позиции страны по этому вопросу.

Каким бы ни был дальнейший сценарий развития ситуации в Афганистане, Узбекистан

по-прежнему будет заинтересован в минимизации негативных последствий событий в соседней стране и продолжит играть важную роль в процессе урегулирования ситуации. В свете развивающихся событий Узбекистану следует продолжить афганскую стратегию, своевременно адаптируя ее к меняющимся региональным и международным реалиям. В настоящее время Узбекистан нельзя назвать «забытым игроком» в афганском урегулировании. Узбекистан, с одной стороны, стал полноценным региональным лидером, предлагая своим соседям самим обсуждать и решать вопросы взаимодействия. В то же время благодаря гибкому подходу Ташкент старается избегать конкуренции и любых опасений своих соседей по поводу возросших амбиций страны. Пока что ему, как представляется, это удастся.

Стремление Узбекистана содействовать установлению стабильности в Афганистане связано не только с необходимостью обеспечения собственной безопасности, что, конечно, является актуальной задачей. Через территорию Афганистана проходит путь к портам Пакистана. Трансафганская железная дорога свяжет Центральную и Южную Азию, что будет способствовать росту объемов торговли между регионами, восстановлению исторических торговых связей, а также обеспечит рабочими местами всех участников этого взаимодействия. Узбекистан также развивает маршруты в направлении портов Индии и Ирана, решая важный для себя вопрос выхода к морю и тем самым способствуя интенсификации трансграничного взаимодействия.

Поступила в редакцию / Received: 07.10.2022
Доработана после рецензирования / Revised: 13.02.2024
Принята к публикации / Accepted: 24.12.2024

Библиографический список

- Казанцев А. А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. Москва : МГИМО-Университет, 2008. EDN: QPKDZZ
- Притчин С. А. Трансформация подходов Узбекистана к Афганистану после 2016 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20, № 4. С. 781–790. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-4-781-790>; EDN: JHVINA
- Саженов Н. Д. О деятельности Узбекистана по урегулированию афганского конфликта (2017–2019 гг.) // Уральское востоковедение. 2020. № 10. С. 14–26. EDN: CJVEZD

- Эргашев Б. Политика Узбекистана в отношении Афганистана в контексте обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии // Вызовы безопасности в Центральной Азии / под ред. И. Я. Кобринской. Москва : ИМЭМО РАН, 2013. С. 96–99.
- Berkowitz B. The Great Game and the Endgame in Afghanistan // Orbis. 2007. Vol. 51, no. 1. P. 165–174. <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2006.10.010>
- Cooley A. Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia. Oxford : Oxford University Press, 2012. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199929825.001.0001>; EDN: URPCRX
- Edwards M. The New Great Game and the New Great Gamers: Disciples of Kipling and Mackinder // Central Asian Survey. 2003. Vol. 22, no. 1. P. 83–102. <https://doi.org/10.1080/0263493032000108644>
- Hopkirk P. The Great Game : On Secret Service in High Asia. London : John Murray Press, 2006.
- Khetran M. S. B., Khalid M. H. The China — Pakistan Economic Corridor: Gateway to Central Asia // China Quarterly of International Strategic Studies. 2019. Vol. 5, no. 3. P. 455–469. <https://doi.org/10.1142/S2377740019500179>
- Misdaq N. Afghanistan: Political Frailty and External Interference. London : Routledge, 2006. <https://doi.org/10.4324/9780203099339>
- Özkan M. F., Omonkulov O. Uzbekistan's Mediator Role in the Afghan Peace Process as a Neighboring and Small State // Uluslararası Politik Araştırmalar Dergisi. 2020. Vol. 6, no. 2. P. 43–61. <https://doi.org/10.25272/j.2149-8539.2020.6.2.03>
- Porshneva O., Rakhimov M., Razinkov S. The Formation and Institutional Development of the SCO: Historical and Legal Aspects // The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons / ed. by S. Marochkin, Y. Bezborodov. London : Routledge, 2022. P. 9–24. <https://doi.org/10.4324/9781003170617>
- Puri B. N. The Kushans // History of Civilizations of Central Asia. Vol. II : The Development of Sedentary and Nomadic Civilizations, 700 B.C. to A.D. 250 / ed. by J. Harmatta, B. N. Puri, G. F. Etemadi. Paris : UNESCO Publishing, 1994. P. 239–255.
- Reeves J. China's Silk Road Economic Belt Initiative: Network and Influence Formation in Central Asia // Journal of Contemporary China. 2018. Vol. 27, iss. 112. P. 502–518. <https://doi.org/10.1080/10670564.2018.1433480>
- Starr S. F., Cornell S. E. Uzbekistan's New Face. Lanham : Rowman & Littlefield Publishers, 2018.
- Umarov A. The “Afghan Factor” in Uzbekistan's Foreign Policy: Evolution and the Contemporary Situation // Asian Affairs. 2021. Vol. 52, iss. 3. P. 536–553. <https://doi.org/10.1080/03068374.2021.1957321>; EDN: VQHEGR

Сведения об авторах:

Дмитриева Марина Олеговна — кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Восточного института, Дальневосточный федеральный университет; eLibrary SPIN-код: 7723-5026; ORCID: 0000-0003-1010-5108; e-mail: dmitrieva.mo@dvvfu.ru

Дхака Амбриш — доктор наук, профессор школы международных отношений, Университет Джавахарлала Неру; ORCID: 0000-0002-4013-1414; e-mail: ambijat@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-1-121-132

EDN: LIGMFY

Научная статья / Research article

Управление миграцией в Западной Африке: роль ЕС и внутренние риски для стран региона на примере Нигера

О.А. Моргунова ✉, Н.-Ф. Морару

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉morgunova-oa@rudn.ru

Аннотация. Нерегулируемые массовые миграции, как повсеместно признано, несут угрозы как личной безопасности участникам мобильности, так и национальной безопасности стран транзита и назначения. Исследование посвящено проблеме возникновения новых угроз стабильности и целостности стран происхождения мигрантов в результате попытки третьих акторов урегулировать миграционную ситуацию исходя исключительно из собственных интересов. Рассмотрено участие ЕС в «нормализации» миграционной ситуации в странах южнее Сахары, которое во многом способствует кризису внутри Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС). Ухудшение политической и экономической ситуации в Нигере, Мали и Буркина-Фасо, усугубленное санкциями ЭКОВАС, привело к значительным изменениям в межгосударственных отношениях и миграционных потоках, создавая новые вызовы для региональной стабильности. Посредством ситуационного анализа изучены миграционные процессы в Нигере, где нестабильность усугубляет существующие проблемы. В то же время Европейский союз (ЕС) осудил заявления о выходе Нигера из организации и вместе с ЭКОВАС наложил санкции на него: в частности, были остановлены выплаты по программам помощи развитию и приостановлено взаимодействие в области безопасности, что ухудшило положение в стране, находящейся на грани экономической катастрофы. В то же время некоторые европейские страны, такие как Дания и Италия, которая остается главной страной назначения для нелегальных мигрантов на средиземноморском маршруте, предлагают продолжать взаимодействие с Нигером, так как отказ от взаимодействия может еще более осложнить миграционную ситуацию в европейских странах. В последнем разделе описаны модели, по которым могут развиваться региональные мобильности в будущем. Также отмечено, что странам Африки необходимо построить собственную модель управления миграцией в интересах своего населения. В свою очередь, Европейский союз должен пересмотреть свою позицию по участию в управлении миграцией в Западной Африке и, участвуя в создании системы безопасности региона, исходить не только из своих собственных интересов, но признать африканские страны равными партнерами в системе управления миграционными потоками.

Ключевые слова: региональная миграция, управление трансграничной мобильностью, угрозы безопасности, страны Африки южнее Сахары, ЭКОВАС

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Для цитирования: Моргунова О. А., Морару Н.-Ф. Управление миграцией в Западной Африке: роль ЕС и внутренние риски для стран региона на примере Нигера // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 1. С. 121–132. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-121-132>

© Моргунова О.А., Морару Н.-Ф., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Migration Management in West Africa: The Role of the EU and Internal Risks for Countries in the Region — the Case of Niger

Oksana A. Morgunova , Nicoleta-Florina Moraru

RUDN University, Moscow, Russian Federation

morgunova-oa@rudn.ru

Abstract. Irregular mass migrations are widely recognised as posing threats to both the personal security of participants and the national security of transit/destination countries. This article examines the threats to the stability and integrity of sending countries as a result of attempts to “regulate” migration from “outside,” when such interference is guided mainly by the interests of the third party. The present study examines the European Union’s (EU) involvement in the ‘normalisation’ of the Sub-Saharan Africa migration situation and argues that these activities have contributed to the crisis within the Economic Community of West African States (ECOWAS). The deterioration of the political and economic situation in Niger, Mali and Burkina Faso, exacerbated by ECOWAS sanctions, has led to significant changes in inter-state relations and migration flows, creating new challenges to regional stability. Using a situational analysis, the authors concentrate on migration processes in Niger, where instability exacerbates existing problems. Nevertheless, both the EU and ECOWAS have imposed sanctions on Niger, including halting development assistance programs and suspending security cooperation. This paper argues that this has worsened the situation in a country already on the brink of economic disaster. Some European countries, such as Denmark and Italy, which remains the main arrival country for irregular migrants along the Mediterranean route, have suggested that cooperation with Niger should continue, as failure to do so could further complicate the migration situation in European countries. The paper concludes by charting several possible solutions to facilitate and manage regional mobility at this stage. It also argues that African countries need to build migration management regimes tailored to their own national interests. The European Union, for its part, needs to reconsider its position on prioritizing its own agenda in the region and recognize African countries as equal partners in the migration system.

Key words: regional migration, crossborder mobility management, security threats, Sub-Saharan countries, Niger, ECOWAS

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors’ contributions. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article’s text.

For citation: Morgunova, O. A., & Moraru, N.-F. (2025). Migration management in West Africa: The role of the EU and internal risks for countries in the region — the case of Niger. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(1), 121–132. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-121-132>

Введение

Выход Буркина-Фасо, Мали и Нигера из Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС) вызвал множество вопросов, связанных с механизмами регионального управления. Среди них не последнее место занимают проблемы управления миграционными процессами — как внутрирегиональной и межконтинентальной мобильностью, так и в целом нормализации миграционной ситуации (Setrana & Okyerefo, 2024). Дело в том, что в рамках ЭКОВАС существует правовой режим, обеспечивающий безвизовое передвижение, право на проживание и ведение бизнеса в любой стране региона и основанный на

протоколе ЭКОВАС о свободном передвижении лиц, проживании и поселении (1979 г.)¹. Наличие такого режима способствовало региональной интеграции, которая, однако, сталкивалась и со сложностями бюрократического и экономического характера. Выход Буркина-Фасо, Мали и Нигера из ЭКОВАС создает условия для отмены Протокола о свободном передвижении, ведь решение этих стран создать Альянс государств Сахеля

¹ ECOWAS Protocol A/P.1/5/79 Relating to Free Movement of Persons, Residence and Establishment // ECOWAS. 1979. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/3269/download> (accessed: 14.03.2024).

(АГС)², принятое в сентябре 2023 г., возможно, и способствует укреплению их безопасности, но при этом может привести к разрыву сложившихся за десятилетия сетей передвижений и кооперации.

Цель исследования — выявление возможных решений в области управления миграцией в АГС. Для этого будут рассмотрены особенности миграционных потоков на примере Нигера, оценена роль Европейского союза (ЕС) в ограничении миграции, а также проанализировано влияние санкций, наложенных ЭКОВАС. В заключении приводится оценка того, по какой модели может развиваться региональная мобильность в будущем и в чем ЕС должен пересмотреть свою позицию по участию в управлении миграцией в регионе.

Методология

Методологически исследование опирается на метод ситуационного анализа, позволяющий рассматривать региональное управление миграцией в Западной Африке, в частности сложностей, возникших в результате решения о выходе Буркина-Фасо, Мали и Нигера из ЭКОВАС как для ЕС, так и для ЭКОВАС. Особое внимание уделяется принятию и последующей отмене миграционного закона № 2015-36 в Нигере, что подчеркивает социально-политические и экономические последствия вмешательства ЕС в миграционное управление на региональном уровне.

Исследование основано на официальных документах стран региона, в том числе законе Нигера № 2015-36, на протоколах ЭКОВАС и отчетах по проектам, финансируемым ЕС. Также использовались отчеты международных организаций, таких как Международная организация по миграции (МОМ), которые предоставляют количественные данные о миграционных потоках. Политика, проводимая

² Charter of Liptako-Gourma Establishing the Alliance of Sahel States Between: Burkina Faso, the Republic of Mali, the Republic of Niger // Embassy of the Republic of Mali to the United States of America. 2023. URL: https://maliembassy.us/wp-content/uploads/2023/09/LIPTAKO-GOURMA-Engl___-2.pdf (accessed: 14.03.2024).

ЕС в сотрудничестве с ЭКОВАС, соотносится с местными стратегиями управления миграцией. Публичные заявления, материалы СМИ и комментарии экспертов анализируются для оценки участия ЕС в решении миграционных вопросов в регионе. Исследование рассматривает текущие миграционные проблемы в рамках исторических тенденций, включая влияние региональных соглашений, таких как протокол ЭКОВАС о свободном передвижении лиц, проживании и поселении 1979 г.

Сочетание этих методов позволяет не только понять динамику миграционной политики, но и оценить весь спектр последствий миграционных решений для регионального суверенитета, интеграции и гуманитарной безопасности (Shipilov, 2019).

Свобода передвижения в Сахеле и деятельность ЕС по предотвращению миграции

Несмотря на то, что академический и практико-политический интерес к миграции в Африке южнее Сахары по-прежнему фокусируется в первую очередь на миграции быстро растущего населения из африканских стран в Европу, миграция между африканскими странами в Сахеле и вне его представляет численно и экономически гораздо более значимый феномен (Коммегни Фонганг, 2019; Yeboah et al., 2021). Региональные миграции включают в себя такие разнообразные явления, как сезонные трудовые перемещения, кочевые маршруты (Dabiré & Soumahoro, 2024), высококвалифицированная и учебная миграция (Нестерова, 2015) и т. д. Некоторые страны — в первую очередь Нигер и Мали — являются также странами транзита мигрантов в другие страны Африки и за ее пределы.

Именно этот факт привлекает внимание Европейского союза, который стремится с помощью различных мер ограничить приток мигрантов из стран Африки, не допуская пересечения границ объединения. В последние годы ЕС разработал схему передачи ответственности за сокращение миграционного потока в Европу третьим странам, странам транзита или странам исхода мигрантов (Niemann

& Zaun, 2023). Для ЕС политика экстернализации играет ключевую роль в решении миграционных вопросов. ЕС сократил миграционное давление на своих границах, нагрузку на социальную инфраструктуру, а также попытался снизить антимиграционные настроения из-за постоянного притока мигрантов. Одним из примеров экстернализации является Евро-Африканский диалог по миграции и развитию (Рабатский процесс), инициированный в 2006 г., который «представляет собой серию встреч и дискуссий между Европейским союзом и странами Центральной, Западной и Северной Африки, в рамках которых более пристальное внимание стало уделяться увязыванию миграции и помощи в рамках программ социально-политических и экономических программ помощи развитию» (Морару, 2024).

Кроме того, с 2015 г. ЕС финансирует целевые программы в странах Сахеля для сокращения миграционных потоков, направляющихся на север транзитом через регион Сахеля. При этом на эти цели выделяются наибольшие средства. Например, такие инициативы, как Чрезвычайный целевой фонд ЕС для Африки, основными бенефициарами которого являлись Нигер, Буркина-Фасо и Мали³, уделяют большое внимание укреплению тех сфер безопасности, которые отвечают за миграционный контроль, а другие аспекты экономического развития региона отходят на второй план. В целом «разработка и реализация миграционных стратегий стран ЭКОВАС осуществляется прежде всего за счет финансовой поддержки ЕС или международных организаций» (Захаров, Агафошин, Горохов, 2024). Однако деятельность ЕС, и в частности Франции, в последние годы привела скорее к обострению политической ситуации в странах ЭКОВАС, хотя миграционные потоки в Европу были сокращены.

Одним из основных транзитных государств является Нигер (Пономарев, Уланова, 2023). После падения режима М. Каддафи

³ Fakhry A. More than Borders. Effects of EU Interventions on Migration in the Sahel // Institute for Security Studies. July 2023. URL: <https://issafrica.s3.amazonaws.com/site/uploads/WAR-43.pdf> (accessed: 12.03.2024).

в Ливии и кризиса в Мали в 2011 г. через территорию Нигера пролег один из главных неформальных транзитных маршрутов в Европу. По оценкам МОМ, в период с февраля по июнь 2016 г. более 300 тыс. мигрантов из стран ЭКОВАС, таких как Сенегал, Нигерия, Мали и Гамбия, проходили через Нигер в направлении (в основном) Ливии и Алжира⁴. Они двигались из Нигера в Ливию через крупнейший транзитный пункт Сегедин⁵ и в меньшей степени в Алжир через Арлит, а затем в Европу через центрально-средиземноморский маршрут⁶.

Следует отметить, что передвижения по этому неформальному пути по территории Нигера были при этом совершенно легальны: граждане стран ЭКОВАС имели право свободно передвигаться и оставаться в Нигере при наличии национального удостоверения личности, а мигранты из других стран вне ЭКОВАС, таких как Камерун и Чад, получили доступ к свободному передвижению и транзиту благодаря двусторонним соглашениям, заключенным их странами с Нигером⁷. В стране была сформирована целая индустрия, поддерживающая мигрантов на их пути, включая транспортное сопровождение, жилье, питание, временные работы и т. д.⁸

В 2015 г. Нигер принял закон № 2015-36 о нелегальной торговле мигрантами⁹. Закон

⁴ Niger // International Organization for Migration Regional Office for West and Central Africa. URL: <https://rodakar.iom.int/niger> (accessed: 14.03.2024).

⁵ Сегедин и Арлит — транзитные пункты в крупнейшем регионе Нигера Агадесе.

⁶ Population Flow Monitoring. Niger — Overview // International Organization for Migration. October 2017. URL: <https://dtm.iom.int/sites/g/files/tmzbd11461/files/reports/IOM%20Niger%20-%20Migration%20Response%20-%20Flow%20Monitoring%20Report%20-%20October%202017%20-%20EN.pdf> (accessed: 14.03.2024).

⁷ Niger // International Organization for Migration Regional Office for West and Central Africa. URL: <https://rodakar.iom.int/niger> (accessed: 14.03.2024).

⁸ Tubiana J., Warin C., Saeneen G. M. Multilateral Damage: The Impact of EU Migration Policies on Central Saharan Routes // Academia.edu. 2018. URL: https://www.academia.edu/37369006/Multilateral_Damage_The_impact_of_EU_migration_policies_on_central_saharan_routes (accessed: 20.03.2024).

⁹ Niger: Loi no. 2015-36 du 26 Mai 2015 relative au Trafic Illicite de Migrants // UNHCR. May 26, 2015. URL:

был разработан в тесном сотрудничестве с Управлением ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН)¹⁰ и объявил незаконными большинство форм миграционных мобильностей на север и связанных с ними видов деятельности.

Нигер занимает последние места в Африке и в мире по основным социально-экономическим показателям. Индекс человеческого развития (2021–2022 гг.) Нигера составлял 0,4 (52-е место в Африке, 189-е место в мире)¹¹, а ВВП на душу населения (2023 г.) — 541 долл. США (47-е место в Африке, 15-е — в ЭКОВАС)¹². Вышеуказанные показатели объясняют, почему для нигерцев так важны любые доходы, даже и от содействия миграции, а также демонстрируют антигуманность последующих санкций в отношении этой страны, от которых страдают в первую очередь рядовые граждане.

Закон № 2015-36 оказал пагубное воздействие на местную экономику. По сообщению *Al Jazeera*, этот закон «Европейский союз навязал правительству Нигера, когда миграция в Европу начала достигать уровня, который ЕС считал неприемлемо высоким»¹³. Принимая во внимание влияние закона на региональную мобильность, он вызвал ряд споров и был передан в суд ЭКОВАС коалицией местных и международных организаций

<https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/2015/fr/123771> (accessed: 14.03.2024).

¹⁰ Jegen L., Zanker F. European Dominance of Migration Policy in Niger // MEDAM Policy Brief. 2019 (September). No. 3. URL: https://www.ifw-kiel.de/fileadmin/Dateiverwaltung/IfW-Publications/fis-import/3d9fe9b8-bf6e-49be-a516-7f705f97151c-MEDAM_PB_2019_3_European_dominance_of_migration_policyin_Niger.pdf (accessed: 20.03.2024).

¹¹ Human Development Index (HDI) by Country 2024 // World Population Review. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/hdi-by-country> (accessed: 17.11.2024).

¹² GDP per capita — Africa // Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/country-list/gdp-per-capita?continent=africa> (accessed: 17.11.2024).

¹³ Adetayo O. Niger Repeal of Anti-Migration Law Applauded as One Less ‘Colonial Fetter’ // *Al Jazeera*. November 28, 2023. URL: <https://www.aljazeera.com/features/2023/11/28/niger-repeal-of-anti-migration-law-applauded-as-one-less-colonial-fetter> (accessed: 14.03.2024).

гражданского общества, которые утверждали, что закон нарушал право на свободное передвижение граждан ЭКОВАС.

Кроме того, криминализация как мигрантов, так и тех, кто их поддерживал, противоречила тому факту, что перевозка мигрантов была легальна с точки зрения существующих законов и способствовала экономическому развитию и стабильности в Нигере. До начала реализации закона № 2015-36 в середине 2016 г. мигранты свободно передвигались на автобусах, которыми легально управляли частные компании, по территории Нигера вплоть до расположенного в Сахаре транзитного города Агадес. Однако по новому закону любая помощь любому иностранцу (независимо от того, гражданин ли он страны — члена ЭКОВАС или нет) при въезде или выезде из Нигера приравнивалась к «незаконной торговле мигрантами»¹⁴.

Закон начали активно применять на практике с середины 2016 г. по апрель 2018 г. За этот период силы безопасности Нигера арестовали более 282 водителей, владельцев автомобилей, «уговорщиков» (посредников) и владельцев «гетто», где проживали мигранты, а также конфисковали более 300 автомобилей в Агадесе и по дороге в Ливию¹⁵. В первой половине 2017 г. 101 мигрант был арестован и предан суду, 66 транспортных средств конфисковано, 7681 мигранту было отказано во въезде в Нигер и 1762 мигранта было выдворено из Нигера¹⁶.

¹⁴ Niger: Complaint Lodged Against the Law Criminalising the Transit of Migrants // ASGI: Sciabaca & Oruka Progetto. September 9, 2022. URL: <https://sciabacaoruka.asgi.it/en/press-conference-niger-complaint-lodged-against-the-law-criminalising-the-transit-of-migrants/> (accessed: 14.03.2024).

¹⁵ Tubiana J., Warin C., Saeneen G. M. Multilateral Damage: The Impact of EU Migration Policies on Central Saharan Routes // Academia.edu. 2018. URL: https://www.academia.edu/37369006/Multilateral_Damage_The_impact_of_EU_migration_policies_on_central_Saharan_routes (accessed: 20.03.2024).

¹⁶ Zandoni G. The Monday That Changed Migration in Niger // Open Migration. January 15, 2018. URL: <https://openmigration.org/en/analyses/the-monday-that-changed-migration-in-niger/> (accessed: 18.03.2024).

Начиная с 2016 г. было достигнуто резкое сокращение количества выезжающих в Ливию мигрантов. По данным МОМ, с января по сентябрь 2016 г. было зарегистрировано чуть более 230 тыс. мигрантов, направлявшихся в Ливию. За весь 2017 г. в том же направлении было зарегистрировано всего 1400 мигрантов. Однако известно, что контрабандисты и мигранты все чаще использовали обходные пути через отдаленные пустынные районы, которые не могли быть охвачены мониторингом потоков МОМ¹⁷.

Не возникает сомнений, что правительство Нигера было во многом мотивировано дополнительным финансированием и политическим давлением со стороны ЕС¹⁸. Наблюдатели считают, что власти Нигера осуществляли антимиграционные меры по требованию ЕС, чтобы сохранить приток в страну европейских денег (Moretti, 2020). С момента принятия закона № 2015-36 ЕС и отдельные государства — члены Европейского союза профинансировали многочисленные меры по содействию его реализации. Помощь ЕС в целях развития была учреждена для Нигера с учетом обязательства страны ограничить миграционные потоки в северном направлении. В период с 2015 по 2022 г. ЕС профинансировал 19 проектов на общую сумму 687 млн евро в Нигере, при этом большая часть средств была направлена на усовершенствование пограничного надзора и обеспечение правопорядка¹⁹, а также на техническую и финансовую поддержку сил безопасности Нигера. Например, в 2017 г. были созданы совместные следственные группы, в которых испанская и французская полиция совместно с полицией Нигера расследовали дела о незаконном провозе мигран-

тов²⁰, причем в 2017–2019 гг. по этим делам были арестованы 200 человек²¹.

В 2018 г. был построен современный пограничный пост в 18 км от города Канчари между Буркина-Фасо и Нигером для предотвращения нелегальной миграции. Считалось, что это место имело стратегическое значение для МОМ и европейских структур по управлению миграцией. Пограничный пункт был снабжен биометрическими технологиями, включая систему снятия отпечатков пальцев, которая напрямую передавала информацию в Европейскую базу данных²². Таким образом, согласно К. Донко, М. Довенспек и У. Бейзель, управление миграцией ЕС в Западной Африке привело к созданию «технологически модернизированных и сильно милитаризованных пограничных постов и пограничных территорий, что поставило под угрозу безвизовый режим, свободу выбора места жительства и приграничную экономику в странах ЭКОВАС» (Donko, Doevespeck & Beisel, 2022). Неудивительно, что в 2020 г. в ходе вооруженной атаки этот пограничный пункт был полностью разрушен²³, так как его существование было расценено населением как вмешательство третьей стороны в региональную политику и экономику.

ЕС также финансировал программы профессиональной переподготовки в Нигере.

²⁰ Joint Press Release: Strengthening Cooperation in the Fight Against Migrant Smuggling: The European Union and Niger Launch Operational Partnership to Tackle Migrant Smuggling // European Commission. July 15, 2022. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_4536 (accessed: 21.03.2024).

²¹ Jegen L., Zanker F. European Dominance of Migration Policy in Niger // MEDAM Policy Brief. 2019 (September). No. 3. URL: https://www.ifw-kiel.de/fileadmin/Dateiverwaltung/IfW-Publications/fis-import/3d9fe9b8-bf6e-49be-a516-7f705f97151c-MEDAM_PB_2019_3_European_dominance_of_migration_policyin_Niger.pdf (accessed: 20.03.2024).

²² Doevespeck M., Donko K., Beisel U. Migration Controls at the Burkina Faso — Niger Borderland Reveal European Attitudes to African Livelihoods // LSE. January 7, 2022. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/africaatlse/2022/01/07/migration-controls-at-the-burkina-faso-niger-borderland-reveal-european-attitudes-to-african-livelihoods/> (accessed: 21.03.2024).

²³ Ibid.

¹⁷ Gabriel S., Rijks B. Migration Trends from, to and Within Niger: 2016–2019 // International Organization for Migration Niger. 2020. URL: <https://publications.iom.int/system/files/pdf/iom-niger-four-year-report.pdf> (accessed: 20.03.2024).

¹⁸ Arhin-Sam K., Lambert L. Niger: The Gate to the Sahel // Brot für die Welt. April 2023. URL: https://www.misereor.org/fileadmin/user_upload_misereor.org/publication/en/human_rights/country-brief-migration-partnership-niger.pdf (accessed: 18.03.2024).

¹⁹ Ibid.

В 2017 г. ЕС предоставил Нигеру 3,5 млн евро, чтобы «смягчить последствия сокращения потоков нелегальной миграции для местной экономики в регионе Агадес... с упором на создание рабочих мест»²⁴. Несмотря на финансирование, эта политика не дала желаемого эффекта, так как программой воспользовались только 300 человек. Низкий уровень эффективности программы частично объяснялся тем, что контрабандисты и перевозчики были исключены из числа возможных участников, поскольку их предыдущая деятельность была признана «преступной»²⁵ Европейским союзом.

После принятия закона полиция и пограничники из стран — членов ЕС начали открывать свои офисы в Нигере, предоставлять обучение и материалы местным властям, создавая почву для деятельности Европейской службы пограничной и береговой охраны (*Frontex*) в стране. В 2018 г. *Frontex* открыла в Нигере специальное бюро (*Risk Analysis Cell*), цель которого заключалась в «сборе и анализе стратегических данных о трансграничной преступности в различных африканских странах и поддержке соответствующих органов, участвующих в управлении границами», в том числе путем обмена данными с *Frontex*²⁶.

Чрезвычайно важно, что растущее взаимодействие в области миграции между ЕС и Нигером не учитывало местные традиции внутрирегиональной мобильности, заведомо криминализировало трансграничные миграции на север и в целом игнорировало динамику региональной мобильности, что

²⁴ CTR — *Projet d'Appui à la Stabilité Socioéconomique dans la Région d'Agadez/PASSERAZ // Akvo RSR*. 2018. URL: <https://eutf.akvoapp.org/dir/project/5922> (accessed: 21.03.2024).

²⁵ Chahuneau L. *Niger's Repeal of Migrant Smuggling Law Prompts EU Fears over Curbing Immigration // France 24*. December 4, 2023. URL: <https://www.france24.com/en/africa/20231204-niger-s-repeal-of-migrant-smuggling-law-sets-back-eu-efforts-to-curb-immigration-flows> (accessed: 21.03.2024).

²⁶ EU: *Commission Halts Migration Cooperation with Niger, But for How Long? // Statewatch*. September 7, 2023. URL: <https://www.statewatch.org/news/2023/september/eu-commission-halts-migration-cooperation-with-niger-but-for-how-long/> (accessed: 21.03.2024).

негативно повлияло на свободу передвижения граждан внутри ЭКОВАС (*Arhin-Sam et. al.*, 2022). Ярким примером стала депортация более тысячи нигерцев из Сенегала в начале 2022 г. Хотя «депортации в рамках ЭКОВАС сами по себе не являются чем-то новым, примечательно, что недавние депортации происходили на фоне влияния внешних акторов, финансирующих ограничительную миграционную политику»²⁷.

В июле 2023 г. в Нигере произошел военный переворот, в ходе которого несколько вооруженных группировок захватили власть и приостановили действие конституции, а президент Мохамед Базум был помещен под домашний арест. По мнению обозревателей *Journal of Political Inquiry*, переворот стал прямым результатом общественного недовольства сотрудничеством М. Базума с ЕС в сфере миграции и политикой экстернализации границ ЕС²⁸.

В то время как переворот получил поддержку населения Нигера, Европейский союз осудил его и вместе с ЭКОВАС наложил санкции на страну: например, были уменьшены поставки электричества из Нигерии²⁹, остановлены выплаты по программам помощи развитию³⁰, приостановлено взаимодействие в области безопасности, а также были закрыты сухопутные и воздушные границы³¹.

²⁷ Bisong A., Jegen A., Mounkaila H. *What Does the Regime Change in Niger Mean for Migration Cooperation with the EU? // European Centre for Development Policy Management*. September 11, 2023. URL: <https://ecdpm.org/work/what-does-regime-change-niger-mean-migration-cooperation-eu> (accessed: 21.03.2024).

²⁸ Roberts C. *The Blurred Lines of Border Management: Frontex in Africa // Journal of Political Inquiry*. February 27, 2024. URL: <https://jpinyu.com/2024/02/27/the-blurred-lines-of-border-management-frontex-in-africa/> (accessed: 27.03.2024).

²⁹ Nnodim O., Angbulu S. *Niger: Nigeria Cuts Power Supply, ECOWAS Vows to Confront Junta // Punchng*. August 3, 2023. URL: <https://punchng.com/niger-nigeria-cuts-power-supply-ecowas-vows-to-confront-junta/> (accessed: 27.03.2024).

³⁰ West African Central Bank Cancels Niger \$51m Bond Issuance Due to Sanctions // *Al Jazeera*. July 31, 2023. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/7/31/nigers-planned-51-mln-bond-issuance-cancelled-due-to-sanctions> (accessed: 28.03.2024).

³¹ *Final Communique of the Fifty First Extraordinary Summit of the ECOWAS Authority of Heads of State and*

Закрытие границ оказало негативное влияние на миграцию в субрегионе. Например, на следующий день после оглашения этого решения мигранты из Бенина и Нигера «были остановлены на границе и вынуждены были добираться до другой страны, пересекая реку Нигер в крайне рискованных условиях, а стоимость реадмиссии возросла в десять раз — с 500 до 5 тыс. франков КФА (с менее чем одного евро до 8 евро)»³².

Бенин ослабил ограничения и вновь открыл свою границу с Нигером после резкой критики со стороны гражданского общества и объявления об отмене экономических санкций ЭКОВАС в конце февраля 2024 г. В свою очередь, Нигер оставил границу с Бенином закрытой³³.

Следует отметить, однако, что по вопросу предоставления гуманитарной помощи Нигеру страны ЕС занимают различные позиции. В то время как Германия и Франция прекратили оказывать помощь в целях развития, Дания продолжала ее предоставлять, предупреждая, что изоляция Нигера может привести к еще большему перемещению населения и усилению миграции в Европу³⁴. Италия также намерена продолжать взаимодействие с Нигером по вопросам миграции, так как, будучи пограничным государством — членом ЕС, правительство страны опасается, что обострение нестабильности в этом африканском государстве может негативно повлиять на миграционные потоки в Италию³⁵.

Government on the Political Situation in Niger // ECOWAS. July 30, 2023. URL: https://ecowas.int/wp-content/uploads/2023/07/Final-Communique_ENG-2_230730_161029.pdf (accessed: 15.12.2024).

³² Imorou A.-B. At the Expense of the Population // Friedrich-Ebert-Stiftung. December 18, 2024. URL: <https://www.fes.de/en/stiftung/international-work/articles-international-work/closure-of-the-border-between-benin-and-niger> (accessed: 20.12.2024).

³³ Ibid.

³⁴ Denmark Resumes Its Development Aid to Niger // Africanews. September 19, 2023. URL: <https://www.africanews.com/2023/09/19/denmark-resumes-its-development-aid-to-niger/> (accessed: 28.03.2024).

³⁵ Cafiero G. Italy's Cautious Approach Towards Niger's Political Crisis // The New Arab. August 31, 2023. URL: <https://www.newarab.com/analysis/italys-cautious->

В ответ на санкции Нигер отменил закон № 2015-36, направленный на предотвращение миграционных потоков в Европу. Согласно заявлению правительства, закон «не учитывал интересы Нигера и его граждан»³⁶. Население Нигера приветствовало решение нового правительства, так как большинство жителей севера страны и города Агадес³⁷ зарабатывало на жизнь перевозкой мигрантов³⁸. Отмена закона фактически положила конец восьми-летнему партнерству в области безопасности между Европейским союзом и Нигером³⁹.

Модели управления миграцией и национальные интересы

Миграционным управлением сегодня мы называем разветвленную систему национальных мер по развитию рынка труда и предоставления возможности переселения и пересечения границ. Миграционное управление также включает в себя участие страны в двусторонних и международных соглашениях, касающихся миграции. В этой сложной системе должны быть сбалансированы экономические интересы, гуманитарные аспекты и учтены проблемы безопасности.

В мире накоплен опыт значительного разнообразия систем управления миграцией, выработанных под влиянием различных факторов. Примером системы управления миграционными потоками с сильным государственным регулированием могут служить

approach-towards-nigers-political-crisis?amp (accessed: 28.03.2024).

³⁶ Niger Junta Revokes Law Aimed at Curbing Migration to Europe // Infomigrants. November 28, 2023. URL: <https://www.infomigrants.net/en/post/53518/niger-junta-revokes-law-aimed-at-curbing-migration-to-europe> (accessed: 21.03.2024).

³⁷ Агадес долгое время был транзитным городом для мигрантов из Западной и Центральной Африки, направляющихся в сторону Средиземноморья.

³⁸ EU — Niger Migration Cooperation at Risk // Pub Affairs Bruxelles. January 4, 2024. URL: <https://www.pubaffairsbruxelles.eu/eu-in-the-media/eu-niger-migration-cooperation-at-risk/> (accessed: 21.03.2024).

³⁹ Adetayo O. Niger Repeal of Anti-Migration Law Applauded as One Less 'Colonial Fetter' // Al Jazeera. November 28, 2023. URL: <https://www.aljazeera.com/features/2023/11/28/niger-repeal-of-anti-migration-law-applauded-as-one-less-colonial-fetter> (accessed: 14.03.2024).

такие разные страны, как Бангладеш и Австралия. Эта система сочетает элементы контроля и содействия обеспечению упорядоченной миграции. Бизнес-ориентированная модель с минимальным участием государства формируется за счет спроса на рабочую силу в странах назначения и характерна, например, для Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ). Существуют примеры билатеральной миграционной системы, обеспечивающей возможность преимущественной миграции между двумя странами и некоторые другие модели.

ЭКОВАС, так же как и ЕС, было основано на региональной модели, главный принцип которой — коллективное управление мобильностью странами региона. Реализуя данный принцип, государства-члены разрабатывают общие стандарты защиты прав мигрантов и управления границами. Таким образом, миграционное управление — сложный механизм в любом национальном контексте, и его достаточно трудно перестроить, что как раз сейчас и может происходить в странах АГС.

В отличие от, скажем, выхода Великобритании из Евросоюза, который происходил на протяжении более пяти лет, государства АГС в ответ на совместные санкции ЕС и ЭКОВАС объявили о выходе из объединения, нарушив положение ЭКОВАС о необходимости заявить о выходе из объединения за один год. Это, несомненно, создало значительные проблемы во всех странах объединения для традиционно мобильного населения, живущего и ведущего бизнес вне страны происхождения в данном регионе. Поэтому страны Альянса должны будут достаточно быстро выбрать одну из существующих миграционных моделей для дальнейшего развития своих стран.

Одной из таких моделей управления региональной мобильностью в будущем может быть возврат к двусторонним соглашениям с отдельными странами. Это надежное решение, требующее при этом проявления доброй воли со стороны соседей, профессионального подхода со стороны национальной дипломатии и создания ряда государственных структур, обслуживающих данные соглашения.

Возможный сценарий урегулирования внешних миграционных потоков из Нигера в страны ЕС/Европы также будет решаться в рамках двусторонних соглашений между заинтересованными странами ЕС и Нигером.

Другой моделью миграционного регулирования может быть полная отмена виз, как в Руанде и Кении, однако это может быть слишком радикальным решением для стран с нестабильной безопасностью.

Важным региональным инструментом, на основе которого можно осуществлять трансграничную мобильность, может служить Протокол Африканского союза о свободном передвижении⁴⁰, который на данный момент подписали 32 страны, включая страны АГС. Однако лишь четыре государства ратифицировали его, в том числе Мали и Нигер, хотя для вступления его в силу необходима ратификация документа 15 странами. Таким образом, первым шагом к созданию новой модели управления миграцией могла бы стать ратификация этого протокола, чтобы сотрудничество в области свободного передвижения между странами региона могло продолжаться, что бы ни происходило в ЭКОВАС (Hirsch, 2021). Однако это представляется маловероятным в ближайшем будущем.

Не следует забывать, что страны АГС по-прежнему являются частью Западноафриканского экономического и валютного союза (ЗАЭВС)⁴¹ на основе общей валюты — франка КФА (Жамбиков, 2020). Региональный валютный союз также содержит положения о свободном передвижении людей и товаров по территории стран-членов. Однако вышедшие из ЭКОВАС страны отличает антиимпериалистический дискурс, а валютный союз

⁴⁰ Protocol to the Treaty Establishing the African Economic Community Relating to Free Movement of Persons, Right of Residence and Right of Establishment // African Union. August 8, 2023. URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/36403-sl-PROTOCOL_TO_THE_TREATY_ESTABLISHING_THE_AFRICAN_ECONOMIC_COMMUNITY_RELATING_TO_FREE_MOVEMENT_OF_PERSONS-1.pdf (accessed: 07.10.2024).

⁴¹ Le Traité Modifié de l'Union Economique et Monétaire Ouest Africaine (UEMOA) // Union Economique et Monétaire Ouest Africaine. URL: <https://www.uemoa.int/traite-modifie> (accessed: 07.10.2024).

воспринимается ими как один из инструментов внешнего влияния.

Последнее замечание ведет нас, возможно, к самому важному вопросу: есть ли среди западноафриканских стран понимание национальных интересов в области формирования новой системы управления миграцией (Thomas & Mara, 2024)?

Многие эксперты сходятся во мнении, что миграционные решения и законы последних лет — как тот, что мы анализировали выше, — в первую очередь служат интересам европейских стран, борющихся за сокращение нелегальной миграции в Европу (Bisong, 2019). Конечной целью политики *Frontex* и других организаций в Западной Африке можно считать экстернализацию управления миграцией на Африканском континенте и создание препятствий для тех мигрантов, которые готовы пересечь Средиземноморье. К сожалению, эта политика «держать и не пущать» приносит мало пользы африканским странам (Nahonou & Olsen, 2021), поскольку она напрямую противоречит интересам региональной интеграции и потенциально создает дополнительные возможности для нарушений прав человека. Более глубокое изучение причин и стимулов миграции на местах (Intra-Africa Migrations..., 2021) могло бы принести больше пользы, чем создание заграждений различного рода на границах.

Заключение

Решение проблемы нерегулируемых массовых миграций является одной из важнейших задач современного мира, которая не может быть реализована без учета интересов населения как стран происхождения, так и принимающих стран. Вместе с тем доминирование интересов принимающих стран может породить новые риски для стабильности и целостности стран происхождения и транзита мигрантов, а также создать угрозы жизни самих мигрантов.

Международное сотрудничество в области миграционного управления в странах ЭКОВАС в последнее десятилетие оставалось неравноправным и было подчинено требованиям ЕС сократить миграционную активность

через свои страны и внутри них в обмен на финансирование, что во многом и привело к политической нестабильности в регионе. Сфокусировав внимание на участии Европейского союза в «нормализации» миграции в странах Африки южнее Сахары, мы проанализировали, как эти усилия способствовали кризису в ЭКОВАС. Ухудшение политической и экономической ситуации в Буркина-Фасо, Мали и Нигере, усугубленное санкциями ЭКОВАС, привело к значительным изменениям в межгосударственных отношениях и миграционных потоках, создав новые проблемы для региональной стабильности.

Особое внимание авторы уделили миграционной динамике в Нигере, где существующие проблемы обострились в результате действия закона, принятого под давлением ЕС. После объявления о создании АГС ЕС прибегают к ответным мерам, включая санкции и приостановку помощи в целях развития и сотрудничества в сфере безопасности, чем еще больше усугубил нестабильное положение Нигера, подтолкнув страну к экономическому коллапсу. Было отмечено, что решения ЕС не были единодушными. Некоторые европейские страны, такие как Дания и Италия, которая остается основным пунктом назначения для нелегальных мигрантов на средиземноморском маршруте, выступают за продолжение сотрудничества с Нигером, утверждая, что в противном случае миграционное давление на Европу может усилиться.

Несомненно, что неформальные миграции из зоны Сахеля создают множественные угрозы безопасности как в странах транзита, так и в странах назначения, а также подвергают риску жизни самих мигрантов. Однако некомпетентные решения, связанные с непониманием важности региональной миграции для африканских стран, а также криминализация участников трансграничных бизнесов и инвестиции исключительно в укрепление границ стран ЭКОВАС, как мы видим, не могут быть панацеей для снижения миграционного давления на Европу, а лишь создают новые угрозы целостности региональных объединений и стабильности государственных режимов африканских стран.

В рамках рассмотрения потенциальных моделей региональной мобильности подчеркнута важность разработки африканскими странами собственных стратегий управления миграцией, в которых приоритет отдавался бы потребностям их населения. Европейский союз и его агентства, в свою очередь, должны пересмотреть свою роль в управлении региональной миграцией в Сахеле. Как представляется, *Frontex* не рассматривает Нигер или

любого из своих партнеров в Западной Африке как суверенные государства, а видит в них лишь транзитные пункты для мигрантов. Таким образом, ЕС должен стремиться внести свой вклад в создание региональной системы безопасности, не руководствуясь исключительно своими интересами, а основываясь на партнерстве, рассматривая африканские страны как равноправных участников управления миграционными потоками.

Поступила в редакцию / Received: 08.08.2024
Доработана после рецензирования / Revised: 25.10.2024
Принята к публикации / Accepted: 24.12.2024

Библиографический список

- Жамбиков А. М.* ЭКОВАС и введение единой валюты в Западной Африке: проблемы и перспективы // Азия и Африка сегодня. 2020. № 3. С. 54–58. <https://doi.org/10.31857/S032150750008721-5>; EDN: HOOZNI
- Захаров И. А., Агафошин М. М., Горохов С. А.* Миграционный кризис в Западной Африке: ограничения и перспективы политического регулирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 4. С. 616–627. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-616-627>; EDN: MFEMEG
- Коммегни Фонганг Д. П.* Вынужденная миграция в странах Африки южнее Сахары // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19, № 2. С. 264–273. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-2-264-273>; EDN: KTRURR
- Морару Н.-Ф.* Внешнее измерение миграционной политики Европейского союза (2005–2022 гг.). Москва : ЛЕНАНД, 2024.
- Нестерова А. А.* Трудовая мобильность и региональная экономическая интеграция в рамках Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС) // Беларусь и мировые экономические процессы. Вып. 12 / отв. ред. Е. А. Семак. Минск : Изд-во БГУ, 2015. С. 171–179. EDN: NOFNWN
- Пономарев И. В., Уланова Н. С.* Ситуация в Нигере: переходный или системный кризис? // Пути к миру и безопасности. 2023. № 2. С. 53–72. <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2023-2-53-72>; EDN: HJQHYD
- Arhin-Sam K., Bisong A., Jegen L., Mounkaila H., Zanker F.* The (In)formality of Mobility in the ECOWAS Region: The Paradoxes of Free Movement // South African Journal of International Affairs. 2022. Vol. 29, iss. 2. P. 187–205. <https://doi.org/10.1080/10220461.2022.2084452>
- Bisong A.* Trans-Regional Institutional Cooperation as Multilevel Governance: ECOWAS Migration Policy and the EU // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2019. Vol. 45, no. 8. P. 1294–1309. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2018.1441607>
- Dabiré B. H., Soumahoro K. A.* Migration and Inequality in the Burkina Faso — Côte d'Ivoire Corridor // The Palgrave Handbook of South — South Migration and Inequality / ed. by H. Crawley, J. K. Teye. Cham : Palgrave Macmillan, 2024. P. 223–245. https://doi.org/10.1007/978-3-031-39814-8_11
- Donko K., Doevenspeck M., Beisel U.* Migration Control, the Local Economy and Violence in the Burkina Faso and Niger Borderland // Journal of Borderlands Studies. 2022. Vol. 37, iss. 2. P. 235–251. <https://doi.org/10.1080/08865655.2021.1997629>; EDN: PHFMJH
- Hahonou E. K., Olsen G. R.* Niger — Europe's Border Guard? Limits to the Externalization of the European Union's Migration Policy // Journal of European Integration. 2021. Vol. 43, iss. 7. P. 875–889. <https://doi.org/10.1080/07036337.2020.1853717>; EDN: XPXAAK
- Hirsch A.* The African Union's Free Movement of Persons Protocol: Why Has It Faltered and How Can Its Objectives Be Achieved? // South African Journal of International Affairs. 2021. Vol. 28, iss. 4. P. 497–517. <https://doi.org/10.1080/10220461.2021.2007788>; EDN: OTCFGH
- Intra-Africa Migrations : Reimagining Borders and Migration Management / ed. by I. Moyo, J. P. Laine, C. C. Nshimbi.* London : Routledge, 2021. <https://doi.org/10.4324/9781003091721>
- Moretti S.* Transit Migration in Niger: Stemming the Flows of Migrants, but at What Cost? // Migration and Society. 2020. Vol. 3, no. 1. P. 80–88. <https://doi.org/10.3167/arms.2020.111406>; EDN: CFHBT0

- Niemann A., Zaun N.* Introduction: EU External Migration Policy and EU Migration Governance: Introduction // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2023. Vol. 49, iss. 12. P. 2965–2985. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2023.2193710>; EDN: ESGDQG
- Setrana M. B., Okyerefo M. P. K.* Internal and International Migration Dynamics in Africa // *Handbook of Migration and Globalisation* / ed. by A. Triandafyllidou. Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2024. P. 195–214. <https://doi.org/10.4337/9781800887657.00022>
- Shipilov A. Yu.* West African International Studies: Approaches to Regional Security // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2019. Vol. 19, no. 2. P. 207–217. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-2-207-217>; EDN: JFQQFA
- Thomas K. J. A., Mara M.* African Migration at a Crossroads: The Social and Theoretical Implications of Emerging International Migration Trends // *International Migration Review*. 2024. Vol. 58, no. 4. P. 1845–1875. <https://doi.org/10.1177/01979183241268306>; EDN: NHLQQY
- Yeboah T., Kandilige L., Bisong A., Garba F., Teye J. K.* The ECOWAS Free Movement Protocol and Diversity of Experiences of Different Categories of Migrants: A Qualitative Study // *International Migration*. 2021. Vol. 59, iss. 3. P. 228–244. <https://doi.org/10.1111/imig.12766>; EDN: TWLPAA

Сведения об авторах:

Моргунова Оксана Алексеевна — доктор наук (Университет Эдинбурга), доцент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; eLibrary SPIN-код: 2485-6770; ORCID: 0000-0003-2607-5599; e-mail: morgunova-oa@rudn.ru

Морару Николета-Флорина — кандидат исторических наук, ассистент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; eLibrary SPIN-код: 9507-4079; ORCID: 0000-0002-4768-9437; e-mail: moraru-n@rudn.ru

МЕЖДУНАРОДНОЕ АКАДЕМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

INTERNATIONAL ACADEMIC COOPERATION

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-1-133-146

EDN: LMLJZR

Научная статья / Research article

Добро пожаловать, или Посторонним вход разрешен: эмоциональные и бытовые аспекты жизни американских стажеров в СССР 1960-х гг.

А.А. Фокин^{1,2,3} , Н.А. Яновская⁴¹Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Российская Федерация²Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Российская Федерация³Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский университет), Москва,
Российская Федерация⁴Независимый исследователь, Москва, Российская Федерация
 aafokin@yandex.ru

Аннотация. Проанализирован опыт американских стажеров в Советском Союзе 1960-х гг. в контексте реализации программы советско-американских академических обменов, осуществлявшихся согласно Соглашению Лэйси — Зарубина 1958 г. Исследование основано на изучении эго-документов (мемуаров и интервью участников программы), что позволяет рассмотреть эмоциональные и бытовые аспекты пребывания американских студентов в СССР. Детально описано восприятие американскими стажерами советской повседневности, включая условия проживания в общежитиях, организацию питания, специфику совершения покупок в магазинах, а также их общую оценку городского пространства Москвы. Существенное внимание уделено характеру взаимодействия с советскими студентами, которые, вопреки предварительным ожиданиям американских участников, демонстрировали незначительный интерес к идеологическим вопросам, но проявляли активное любопытство к бытовым аспектам американской жизни. Рассмотрены трудности, с которыми сталкивались американские исследователи при работе в советских архивах и библиотеках, включая бюрократические препятствия и ограничения доступа к материалам. Отдельно проанализированы диспропорции в политике обмена: если американская сторона направляла преимущественно специалистов-гуманитариев, то советские участники были в основном представителями естественных наук. Прослеживается преемственность с моделью 1930-х гг., когда советские инженеры перенимали американский технологический опыт. Методологически исследование базируется на подходах истории повседневности и истории эмоций, что позволяет интерпретировать субъективность восприятия участников научного обмена не как ограничение, а как значимый источник для понимания межкультурного взаимодействия в период холодной войны. Несмотря на значительное количество мероприятий, осуществленных в рамках Соглашения между СССР и США об обменах в области науки, техники, образования, культуры и других областях, в том числе и в сфере академического обмена, инициатива не достигла своей главной цели по сближению двух режимов. Однако программа способствовала формированию нового поколения американских советологов, которые,

© Фокин А.А., Яновская Н.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

подобно Шейле Фицпатрик, внесли существенный вклад в пересмотр традиционных подходов к изучению советской истории.

Ключевые слова: советско-американские отношения, академические обмены, холодная война, история повседневности, история эмоций, эго-документы, советология, культурная дипломатия, Соглашение Лэйси — Зарубина, студенческая мобильность

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках реализации проекта РНФ № 24-78-10184 «Формирование и развитие научно-технических кластеров в пригородах Москвы и Ленинграда/Санкт-Петербурга в 1960-е — 2010-е гг. : вузы, наука, индустрия».

Для цитирования: Фокин А. А., Яновская Н. А. Добро пожаловать, или Посторонним вход разрешен: эмоциональные и бытовые аспекты жизни американских стажеров в СССР 1960-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 1. С. 133–146. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-133-146>

Welcome, or Entry Permitted to Outsiders: Emotional and Everyday Aspects of the Lives of American Trainees in the USSR in the 1960s

Aleksandr A. Fokin^{1,2,3} , Nadezhda A. Yanovskaya⁴

¹HSE University, Moscow, Russian Federation

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

³First Moscow State Medical University named after I.M. Sechenov, Ministry of Health of Russia
(Sechenov University), Moscow, Russian Federation

⁴Independent Researcher, Moscow, Russian Federation

 aafokin@yandex.ru

Abstract. This article examines the experiences of American trainees in the Soviet Union in the 1960s, within the framework of the Soviet-American academic exchange program implemented under the 1958 Lacy — Zarubin Agreement. The study is based on the analysis of ego-documents (memoirs and interviews of program participants), enabling an examination of the emotional and everyday aspects of American students' stay in the USSR. The paper provides a detailed analysis of the trainees' perceptions of Soviet daily life, including living conditions in dormitories, meal arrangements, shopping practices, and their overall impressions of Moscow's urban environment. Particular attention is paid to interactions with Soviet students, who, contrary to the initial expectations of the American participants, showed little interest in ideological discussions but displayed an active curiosity about the everyday life of Americans. The study also addresses the challenges faced by American researchers when working in Soviet archives and libraries, including bureaucratic hurdles and limited access to materials. The article highlights the asymmetry in the exchange policies: while the American side predominantly sent humanities scholars, the Soviet participants were primarily representatives of the natural sciences. The study identifies a continuity with the model of the 1930s, when Soviet engineers absorbed American technological expertise. Methodologically, the research is grounded in approaches from the history of everyday life and the history of emotions, interpreting the subjectivity of the participants' perceptions not as a limitation but as a valuable resource for understanding intercultural interaction during the Cold War. Despite the significant number of initiatives conducted under the USSR — USA Agreement on Exchanges in Science, Technology, Education, Culture, and other areas, including academic exchanges, the program failed to achieve its primary goal of rapprochement between the two regimes. However, the program contributed to the formation of a new generation of American Sovietologists who, like Sheila Fitzpatrick, made significant contributions to the revision of traditional approaches to the study of Soviet history.

Key words: Soviet-American relations, academic exchanges, Cold War, history of everyday life, history of emotions, ego-documents, Sovietology, cultural diplomacy, Lacy — Zarubin Agreement, student mobility

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

Acknowledgements. The research was carried out within the framework of the Russian Science Foundation project No. 24-78-10184 "Formation and development of scientific and technical clusters in the suburbs of Moscow and Leningrad/St. Petersburg in the 1960s – 2010s: universities, science, industry".

For citation: Fokin, A. A., & Yanovskaya, N. A. (2025). Welcome, or Entry permitted to outsiders: Emotional and everyday aspects of the lives of American trainees in the USSR in the 1960s. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(1), 133–146. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-133-146>

Введение

«После десяти дней в море и еще трех в поездах нас с облегчением встретили бодрые русские студенты на микроавтобусе и одно-тонном грузовике с открытым кузовом и брезентовым тентом, чтобы забрать нас с багажом для поездки в общежитие»¹, – так могло бы выглядеть начало одного из ранних произведений Владимира Аксенова, но это фрагмент из воспоминаний о первой встрече с советской действительностью американского аспиранта, приехавшего на учебу в СССР. В этом отрывке важно не столько описание деталей советской повседневности в виде микроавтобуса и брезентового тента, сколько эмоциональная реакция человека, который одним из первых пересекает «железный занавес» по своей воле как посланник «научной дипломатии».

В рамках данного исследования нас в первую очередь будет интересовать, как советские и американские аспиранты описывали свой опыт взаимодействия с другой страной и системой. Основными источниками в исследованиях стали материалы эго-документов участников обмена: воспоминания Шейлы Фицпатрик² и обширное интервью с Наоми Коллинз³, супругой участника обмена Дж. Коллинза. Эти материалы были дополнены различными делопроизводственными документами, отражающими бюрократические аспекты реализации программы обмена на рубеже 1950–1960-х гг.

¹ Collins N. F. *Through Dark Days and White Nights : Four Decades Observing a Changing Russia*. Washington, DC : New Academia Publishing, 2012.

² Filzpatrick S. A Student in Moscow, 1966 // *The Wilson Quarterly*. 1982. Vol. 6, no. 3. P. 132–141.

³ Collins N. Interview // ADST. 2013. URL: <https://adst.org/OH%20TOCs/Collins-Naomi.pdf> (accessed: 12.09.2023).

В современной историографии советско-американских отношений мало изученным сюжетом является академический обмен между двумя странами, который проходил в рамках Соглашения между СССР и США об обменах в области науки, техники, образования, культуры и других областях (Соглашение Лэйси — Зарубина), подписанного в 1958 г. Соглашение охватывало достаточно широкий спектр сфер деятельности: от гастролей театра до установления прямого авиасообщения⁴. В рамках историографии культуры холодной войны рассмотрены различные аспекты: музыка (Tomoff, 2015), танцы (Croft, 2015), телевидение (Roth-Ey, 2011), литература (Barnhisel, 2015), культурные обмены (Richmond, 1987), а также международные выставки (Wulf, 2015). Однако в рамках данной статьи акцент сделан на обмене молодыми учеными двух стран, поскольку именно наука наряду со спортом виделась как место сотрудничества и соперничества двух систем. Участниками этих программ обмена были не только молодые исследователи, но и в некотором смысле неформальные дипломаты, которые должны были как наблюдать за зарубежной академической и культурной средой, так и представлять свою собственную страну в международной обстановке.

Было бы неверно утверждать, что история студенческих обменов — совершенно неизученная тема, однако сравнительно немногие ученые исследовали ее глубоко. Так, в 2013 г. был издан сборник документов⁵,

⁴ Text of Lacy — Zarubin Agreement // *New York Times*. 1958. January 28.

⁵ «Возвратить домой друзьями СССР...» : обучение иностранцев в Советском Союзе. 1956–1965 / отв. сост. Т. Ю. Красовицкая. Москва : МФД, 2013.

посвященный обучению иностранцев в Советском Союзе в 1956–1965 гг. Примечательно, что в этот сборник не включены материалы об американских стажерах, однако он дает более широкий контекст для понимания опыта иностранных студентов в СССР, подчеркивая как преимущества, так и проблемы, с которыми они столкнулись.

Программы студенческого обмена также анализировались в рамках исследований культурной дипломатии. В отечественной историографии данная тема представлена в коллективной монографии под редакцией О.С. Нагорной (*Советская культурная дипломатия в условиях холодной войны...*, 2018). Несмотря на то, что в ней в качестве студентов по обмену не рассматриваются американские стажеры, авторами раскрываются механизмы и стратегические цели советских программ обмена в других странах.

Аналогичная ситуация сложилась с исследованием студенческих обменов, которое М.В. Бекленищева (2021) провела на региональном материале. Особого внимания заслуживают работы Н.А. Цветковой (Цветкова, 2006; 2007; Цветкова, Цветков, 2020), в которых механизм студенческих обменов рассматривается как инструмент «мягкой силы» во внешней политике как СССР, так и США в период холодной войны в контексте более широких практик, реализуемых в странах советского блока, а также в регионах, где геополитические интересы двух сверхдержав пересекались.

Также внимания заслуживают работа С. Жука (Zhuk, 2017) о роли Комитета государственной безопасности (КГБ) в советской американистике, в том числе его влияние на участников обмена, монография Й. Ричмонда (Richmond, 2003), в которой проводится анализ культурных встреч между двумя противниками холодной войны, рассматривая реализацию и влияние Соглашения Лейси — Зарубина, а также монография, изданная в 1976 г., в которой собраны личные впечатления от американских организаторов программы обмена, проливающие свет на структуру, цели и проблемы программы (Byrnes, 1976).

Методология

Историки все чаще обращаются к дневникам и другим эго-документам как к ценным источникам для исторических исследований. Важным вкладом в развитие методологии работы с эго-документами стала книга Г. Янке (Jancke, 2002), в которой он на ранних материалах современной истории показывает, что самоповествование представляет собой социальную практику. Таким образом, эго-документы встроены в более широкие социальные контексты, а не служат чисто индивидуальными или субъективными отчетами.

Для изучения советского времени знаковой работой стала книга Й. Хелльбека «Революция от первого лица. Дневники сталинской эпохи» (Hellbeck, 2006). Опираясь на концепцию Мишеля Фуко, Й. Хелльбек стремится реконструировать процесс формирования советской субъективности, подчеркивая, что субъективность — это не просто индивидуальная черта, а скорее способность мыслить и действовать, сформированная всеобъемлющей концепцией представлений о самом себе.

Важно отметить, что современные подходы к анализу дневников и эго-документов отошли от более ранних интерпретаций, которые позиционировали их как метафорическую «замочную скважину» в сознание автора. Если раньше авторы противопоставляли «обманчивые» официальные тексты, искажающие действительность, «искренним» эго-документам, описывающим то, что реально думал автор, то сейчас дневники и другие эго-документы анализируются через устойчивые нарративные стратегии. Даже когда человек пишет дневник для личного пользования, а не для публикации, он все равно участвует в структурированных социальных практиках саморепрезентации. Таким образом, эго-документы служат не только отражением исторической реальности, но и ценными источниками для анализа социальных практик и субъективности.

Важной методологической рамкой для данного исследования является история эмоций. Изучение истории эмоций охватывает широкий спектр подходов и методологий, каждая из которых предлагает уникальное

понимание сложного взаимодействия эмоций и человеческого опыта с течением времени (Plamper, 2015; Voddice, 2018; Rosenwein, 2018). Ключевым методологическим инструментом в этой области является изучение эго-документов, включая дневники, письма и мемуары, которые предоставляют доступ к личному эмоциональному опыту и субъективному восприятию. Анализируя эти первичные источники, исследователи могут проследить изменения в выражении эмоций и формировании идентичности с течением времени (Slabáková, 2018; Magnússon, 2022; Almendral, 2020).

Документируя личный опыт и эмоциональные реакции иностранцев, посещавших СССР, дневники способствуют сохранению уникального аспекта истории, который в противном случае мог бы остаться незамеченным. Однако важно признать, что эти источники не дают непредвзятого представления советской действительности, скорее конструируя образ Советского Союза, опосредованный многочисленными слоями социального и культурного восприятия.

Предыстория обмена

Инициатива создания программы обмена между двумя странами исходила от американской стороны и была связана как с потеплением отношений между странами в ходе Второй мировой войны, так и с повышением значимости СССР на международной арене. Однако первые попытки наладить такие обмены были встречены сопротивлением со стороны советского руководства. Предложения, выдвинутые правительством США в 1945 г. и затем в 1953 г., были отклонены, а советские чиновники выразили обеспокоенность тем, что иностранные ученые будут действовать как агенты идеологической подрывной деятельности, потенциально дестабилизируя советское общество (Цветкова, 2006, с. 120–123). Этот глубоко укоренившийся скептицизм нашел отражение в воспоминаниях Никиты Хрущева, который позже отметил, что советские власти долгое время относились к иностранным гостям с подозрением, видя в каждом из них «неразоблаченного

врага, приезжающего с целью вербовки советских людей»⁶.

К концу 1950-х гг. советское правительство начало пересматривать свою позицию. Расширение участия в научно-техническом сотрудничестве наряду с более широкими усилиями по проецированию советских достижений на мировую арену способствовало более благоприятному взгляду на академические обмены. К этому времени СССР уже создал надежную систему образовательных обменов, в первую очередь в рамках социалистического блока. Эти программы были разработаны для интеграции советских образовательных моделей в академические системы союзных стран и продвижения социалистической идеологии среди иностранных студентов. Однако Соглашение Лейси — Зарубина 1958 г. ознаменовало фундаментальный сдвиг: вместо того чтобы укреплять идеологическую однородность, эта инициатива создала основу для академического взаимодействия между двумя геополитическими соперниками. Это было не просто расширение существующих программ обмена, а скорее смелый эксперимент в области культурной дипломатии, который должен был познакомить как американских, так и советских студентов с незнакомой социальной и политической реальностью.

Москва глазами иностранцев

Если опираться на эго-документы американских стажеров в СССР и исследования, проведенные на их основе, центром жизни являлись общежития, в которых их размещали по приезду. Выходя за пределы этого локуса, Н. Коллинз и Ш. Фицпатрик описывают Москву середины 1960-х гг. поразительно схожим языком. Оба автора создают образ города как унылого, устаревшего и монотонно серого. Тем не менее, примечательное совпадение в их описаниях поднимает вопросы о том, в какой степени эти рассказы отражают материальную реальность того времени или же они были сформированы

⁶ Хрущёв Н. С. *Время. Люди. Власть. (Воспоминания)*. Книга III. Москва : ИИК «Московские новости», 1999. С. 366.

предубеждениями и преобладающими нарративами холодной войны. Так, получая опыт восприятия Москвы обособленно друг от друга, обе участницы условно выделяют два горизонта застройки: в то время как у Ш. Фицпатрик это выразительные метафоры, включающие образную аналогию («свадебные торты» сталинских высоток и их антагонисты — скромные двухэтажные деревянные дома)⁷, Н. Коллинз принимает более утилитарную классификацию, различая «ветхие здания» (*shoddy buildings*) и «элитное жилье» (*luxury housing*) для партийной элиты. Однако она быстро оговаривается, что даже эти так называемые элитные квартиры по американским стандартам можно было бы сравнить только с многоквартирными домами в Бруклине 1930-х гг. Полученное впечатление она называет *time warp* — разрыв во времени, составивший для автора более 30 лет и вызвавший негодование и разочарование, которое она интерпретирует как символ застоя города. Она тщательно формулирует эту реакцию не как чисто личное чувство, а как то, что она приписывает западным наблюдателям в более широком смысле, называя сформировавшийся у нее образ СССР «сконструированным» и предполагая, что ее опыт подтвердил, а не опроверг ранее существовавшие представления о советском государстве⁸.

Эта линия находит продолжение и при бытописании общежитий, где демонстрируется неприязнательность и строгость советских людей. Н. Коллинз описывает жилье, которое было предоставлено ей и ее мужу, как «роскошное по московским стандартам того времени», подчеркивая два ключевых аспекта: резиденция была частной, и в ней была ванная комната — удобства, которые отнюдь не были стандартом для советского студенческого жилья⁹. Аналогичная сдержанная, но положительная оценка появилась в обзоре, опубликованном в журнале *Times* за ноябрь 1962 г. (Н. Коллинз оценивала

условия как «роскошная жизнь» (*luxury living*), корреспонденты ограничиваются оценкой «комфортное» (*comfortable*.) Отмечалось, что «американцы проживают в комфортных двухкомнатных номерах в общежитии. Десять женатых стажеров разделяют номера с их супругами»¹⁰. В обзоре также подчеркивается фундаментальный аспект советской домашней культуры, а именно то, что еда готовилась совместно либо на общих кухнях, либо на одноконфорочных электрических плитах в комнатах общежития. При этом такой стандартный элемент советского быта, как одноконфорочная электрическая плита («плитка»), вынесена в подзаголовок "*Herring & Hot Plates*" («Селедка и электрическая плитка»), представляющий эту деталь как экзотическую диковинку и символ трудностей жизни в СССР. Такой выбор слов должен был подчеркнуть более широкую тенденцию эпохи холодной войны, распространенную на Западе, представлять советскую повседневную жизнь в свете лишений и отчуждения, часто подчеркивая те аспекты, которые отклонялись от западных норм.

Тем не менее условия проживания американских студентов значительно различались в зависимости от их размещения в университете. Студенты, принятые на академический год Ленинградским государственным университетом, который воспринимался западными наблюдателями как более близкий к советскому провинциальному опыту, оценивают свои условия проживания как «гораздо более убогие» (*far seedier dormitories*) в сравнении со стажерами Московского государственного университета (МГУ). Эта оценка в значительной степени основывалась на различиях в количестве студентов в комнате и ожиданиях совместного использования ресурсов. В то время как студенты по обмену в Москве наслаждались относительно приватными помещениями, те, кто жил в Ленинграде, часто делили свое пространство с двумя или тремя соседями по комнате и придерживались системы, в которой почти все — еда, одежда и книги — было общим, за заметным исключением предметов личной

⁷ Filzpatrick S. A Student in Moscow, 1966 // *The Wilson Quarterly*. 1982. Vol. 6, no. 3. P. 133.

⁸ Collins N. Interview // ADST. 2013. P. 44–45. URL: <https://adst.org/OH%20TOCs/Collins-Naomi.pdf> (accessed: 12.09.2023).

⁹ Ibid. P. 44.

¹⁰ U.S. Students in Russia // *Time*. 1962. November 30. P. 66.

гигиены, таких как зубная паста. Этот коммуналный дух показался американским студентам символом того, что в одном отчете было названо “*the Russian passion*” — культурной склонностью делиться всем с соседом, концепцией, которая резко контрастировала с американским акцентом на индивидуальной собственности и личном пространстве. Западное восприятие этой практики колебалось между очарованием и дискомфортом, в конечном итоге укрепляя более широкий образ советского коллективизма как чуждого для них, если не полностью непостижимого. Подзаголовок *Share & Share Alike*, используемый в некоторых западных отчетах об опыте обмена, представляет собой интригующую лингвистическую двусмысленность: хотя его можно понять как акцент на взаимной щедрости, он также вызывает в памяти фразу «разделяй и властвуй», избитый троп времен холодной войны, используемый для изображения советского общества как жестко иерархичного и контролируемого государством. Такие риторические стратегии, хотя и внешне нейтральные, деликатно подчеркивают преобладающие западные стереотипы об СССР как об авторитарном государстве, в котором индивидуальная деятельность была подчинена принудительному коллективизму.

Советские студенты глазами американцев

Если любопытство советских студентов было ключевым фактором взаимодействия, какова была его природа? С точки зрения американских стажеров, одним из самых удивительных аспектов их встреч было явное отсутствие идеологической вовлеченности среди их советских сверстников. Вопреки преобладающим ожиданиям советские студенты не украшали свои комнаты портретами теоретиков марксизма или советских лидеров и не проявляли особого интереса к геополитической динамике холодной войны¹¹. Н. Коллинз еще в 1960-х гг. назвала их «скептиками советской системы», отмечая, что единственными настоящими марксистами, которых можно было встретить в Москве, были те, кто

работал на КГБ. Причем студенты были равнодушны не только к идейным основам, но и к транслирующим их культурным практикам, — парадам, празднованиям и передачам на радио и телевидении, что еще больше усиливало впечатление, что идеологический пыл в значительной степени отсутствовал в повседневной жизни советского студенчества¹². Эти выводы были основаны на прямом взаимодействии между двумя группами, которое происходило не только в общих помещениях, таких как коридоры общежитий и общие кухни, но и в более приватной обстановке. Советские и американские студенты часто посещали комнаты друг друга, пили чай и вели длительные дискуссии. Примечательно, что именно советские студенты были лидерами в этих беседах, задавая бесконечный поток вопросов, в то время как американцы в основном оказывались в роли респондентов.

Основным предметом обсуждения, вызывающим особый интерес сторон, Н. Коллинз называет «американскую пропаганду». Однако более пристальное изучение приведенных ею вопросов показывает, что эти обсуждения редко затрагивали откровенно политические темы. Чаще всего советские студенты фиксировались на деталях повседневной жизни американцев, особенно на аспектах, которые были визуально доступны через зарубежные журналы и фотографии. Вместо того чтобы анализировать содержание западных публикаций, они внимательно изучали изображения, спрашивая о количестве людей, живущих в пригородных домах, были ли изображенные автомобили частными и имелись ли в среднестатистических домах американцев современные бытовые приборы, такие как стиральные машины и телевизоры.

Линия исследования вращалась вокруг материальной культуры, охватывая предметы и удобства, которые либо отсутствовали в советской повседневной жизни, либо функционировали по-другому. Коллинз интерпретирует эту любознательность как проявление глубоко укоренившегося недоверия к советским СМИ. Так же как они скептически

¹¹ U.S. Students in Russia // *Time*. 1962. November 30. P. 66.

¹² Collins N. Interview // ADST. 2013. P. 45. URL: <https://adst.org/OH%20TOCs/Collins-Naomi.pdf> (accessed: 12.09.2023).

относились к советским государственным изданиям, советские студенты применяли тот же критический подход к американским журналам, подозревая, что эти глянцевого изображения выборочно представляли только самые благоприятные аспекты жизни на Западе. Она отмечает, что предоставленный ею американский журнал в значительной степени подтвердил это подозрение, поскольку он демонстрировал идеализированное видение Соединенных Штатов, тщательно опуская любые упоминания о бедности или социальной борьбе. Особенно вопиющим упущением, замечает она, было исключение материала о расовом неравенстве; обсуждения жизни афроамериканцев в США были оформлены в амбициозной манере, избегая упоминания о системных экономических трудностях. Такие упущения, как она предполагает, естественным образом вызвали бы сомнения у советских студентов, усилив их инстинктивную настороженность и по отношению к рассказам американских стажеров. Ирония, конечно, в том, что западные гости часто воспринимали советских граждан как изначально ограниченных государственным контролем, объятых страхом и нерешительностью в своих взаимодействиях с иностранцами. Однако рассказ Н. Коллинз представляет более тонкую реальность: советские студенты были не пассивными получателями идеологии, а активными участниками постоянного диалога, применяя свои собственные критические рассуждения как к внутренним, так и к зарубежным источникам информации. Их любопытство было не просто продуктом невежества, а отражением их попытки примирить два конкурирующих видения мира — одно, представленное советскими властями, другое — мельком увиденное через фрагментарные образы Запада. Завершая свое обсуждение этих обменов, Наоми Коллинз утверждает, что она и ее муж были откровенны в своих взаимодействиях с советскими студентами, не прилагая никаких усилий, чтобы приукрасить или романтизировать Соединенные Штаты¹³. Это способствовало уровню

доверия между американскими стажерами и их советскими коллегами. Однако более пристальное изучение ее собственного повествования предполагает более неоднозначную реальность. Само понятие прозрачности в таких диалогах осложняется изначально избирательным характером обмениваемой информации — как со стороны американских визитеров, так и со стороны их советских собеседников.

Исследователи советского студенческого сообщества этого периода подтверждают наличие оппозиционных настроений у части его представителей. Содержание таких настроений Г.А. Будник определяет как «разочарование в ценностях социализма и авторитете власти» (Будник, 2011, с. 94–98), что во многом созвучно с наблюдениями американских стажеров. Однако одновременно с этим исследователь показывает, что причины кризиса политического сознания учащихся лежат не столько в сфере внешней политики, сколько являются закономерной частью идеологической переоценки, развернувшейся после разоблачения культа личности И.В. Сталина.

Для советских студентов восприятие альтернативных точек зрения — будь то через иностранных гостей, западную литературу или радиопередачи — необязательно означало полное неприятие советской системы. Это было лишь частью более широкой интеллектуальной и культурной переоценки, которая включала поиск ответов на фундаментальные вопросы об их обществе и будущем направлении его развития. В этом контексте увлечение веяниями из-за рубежа вышло за рамки политики и охватило образ жизни, моду и молодежную идентичность. Ярким примером этого является движение стиляг, которое, хотя его часто неверно характеризовали как форму политического инакомыслия, было в первую очередь утверждением альтернативной молодежной субкультуры, которая присваивала западные культурные символы без явных идеологических коннотаций.

Более того, хотя Запад, несомненно, имел определенную привлекательность для отдельных групп советского студенчества, он не был единственной точкой отсчета в их

¹³ Collins N. Interview // ADST. 2013. P. 46–47. URL: <https://adst.org/OH%20TOCs/Collins-Naomi.pdf> (accessed: 12.09.2023).

идеологических и культурных исследованиях. Некоторые студенты стремились переосмыслить основополагающие принципы советского государства, участвуя в процессе критической рефлексии, которую они необязательно воспринимали как антисоветскую (Пыжиков, 2002, с. 218–219). Поэтому поиск идеологических альтернатив не был простым принятием западных идеалов. Скорее, он отражал более общую проблему, связанную с неустойчивостью советских идеологических и моральных парадигм в постсталинскую эпоху. В рамках такого видения становится очевидным, что понимание советскими студентами Соединенных Штатов было во многих отношениях поверхностным и фрагментарным. Не имея систематических знаний об американском обществе, они подходили к нему как к незнакомому и в значительной степени неизведанному предмету. Этот эпистемический разрыв в сочетании с более широкой неопределенностью их собственной политической и культурной среды объясняет искреннее любопытство, которое многие советские студенты проявляли к своим американским коллегам. Этот интерес нельзя объяснить исключительно интригами холодной войны, он, скорее, отражает более широкую интеллектуальную и культурную нестабильность, характерную для Советского Союза в этот период.

Быт американских стажеров: исследование советской потребительской культуры

Одной из самых неотложных и осязаемых проблем, с которой столкнулись американские стажеры в Советском Союзе, была адаптация к реалиям закупки продовольствия и ежедневного питания. «Даже покупка банки сельди — это образование», — так отзывался один из участников обмена 1962 г. о полученном опыте жизни в СССР¹⁴. Это утверждение отражает диссонанс между американской и советской потребительской культурой, подчеркивая не только логистические трудности покупки продуктов, но и более широкий

¹⁴ U.S. Students in Russia // *Time*. 1962. November 30. P. 66.

процесс аккультурации, который пережили стажеры.

Самое первое разочарование было вызвано абсолютной неэффективностью советской розничной системы. Как описывает Н. Коллинз, то, что должно было быть простой транзакцией, могло занять непомерно много времени, поскольку покупка даже самых основных продуктов питания требовала прохождения нескольких очередей. Покупатели сначала выбирали товары и становились в очередь, чтобы продавец выдал чек, затем стояли в отдельной очереди, чтобы произвести оплату, прежде чем, наконец, снова становились в очередь, чтобы забрать свои товары, предъявив подтверждение оплаты¹⁵.

Этот многоступенчатый процесс усугублялся частыми дефицитами, поэтому обеспечение себя основными продуктами часто требовало как настойчивости, так и адаптивности. Однако трудности не заканчивались с самой покупкой. Отсутствие бытовых холодильников означало, что продукты питания приходилось приобретать и потреблять в гораздо более короткие сроки, чем привыкли американские студенты. Зимой стажеры перенимали распространенную советскую практику — хранение скоропортящихся продуктов на подоконнике снаружи, импровизированное решение, которое, хотя и было функциональным, подчеркивало резкий контраст между советскими и западными бытовыми удобствами¹⁶.

Если в методах и средствах деятельности расхождений с советским механизмом не было и все происходило «на общих основаниях», то состав рациона американских студентов значительно различался в зависимости от местоположения и финансовых обстоятельств. На эти различия влияли два основных фактора. Первый — это то, что американские стажеры получали стипендию, которая, по сравнению со стипендией их советских коллег, была относительно щедрой. Это позволяло им приобретать более качествен-

¹⁵ Collins N. Interview // ADST. 2013. P. 46–47. URL: <https://adst.org/OH%20TOCs/Collins-Naomi.pdf> (accessed: 12.09.2023).

¹⁶ Ibid. P. 47.

ные товары, особенно мясо. Однако доступ к таким товарам зависел от местной доступности, что обусловило второй фактор: расположение университета. В МГУ студенты могли гарантированно получить мясо (*bifstek*), товар, который становился все более дефицитным после сельскохозяйственных реформ Никиты Хрущева, приведших к широко распространенным проблемам с продовольствием. В отличие от большинства советских студентов американские стажеры имели доступ к специальному продуктовому магазину на территории университетского городка, для обозначения которого также использована транслитерация — *gastronome*¹⁷. Это позволяло им придерживаться диеты, которая, хотя и была все еще ограниченной, но значительно более богатой белком, чем у среднестатистического советского гражданина. В качестве примера кросс-культурной языковой игры британские студенты по обмену в МГУ придумали термин *beef Magoo* («мясо МГУ») для описания своего основного блюда, состоящего из мяса (*bifstek*), картофеля и лука. Термин с его юмористической англизацией русского заимствования быстро стал популярным среди иностранных студентов, отражая не только их кулинарную адаптацию, но и то, как юмор использовался в качестве механизма преодоления трудностей в том, что для многих было принципиально чуждой средой.

Научная деятельность в СССР: сложности и ограничения

Проведение исследований в Советском Союзе в первую очередь затрагивало вопросы доступа к источникам. Конкретные академические дисциплины, которыми занимались зарубежные стажеры, во многом определяли их опыт и препятствия, с которыми они сталкивались. Если в рамках обмена со странами Западной Европы США ориентировались на трансляции идей в сфере технологии и производства, то в СССР, наоборот, направляли представителей гуманитарных специальностей. За три первых года работы здесь побывали 8 специалистов по русскому языку

и литературе, целый ряд историков, а представители философского направления и смежных дисциплин стали участниками программы значительно позже.

Необходимо подчеркнуть определенную диспропорцию в политике США и СССР. Если американская сторона направляла ученых, чьи исследования были сосредоточены на русской или советской истории, языке и культуре, советские участники программы представляли преимущественно естественные науки. Их визиты в Соединенные Штаты в значительной степени были оформлены как возможности для приобретения технических знаний. В некоторой степени повторялась модель 1930-х гг., когда советские инженеры отправлялись изучать американские промышленные инновации с целью последующего внедрения этих методов в советскую систему. Этот контраст демонстрирует более широкий идеологический разрыв между двумя сверхдержавами: в то время как Советский Союз стремился использовать академические обмены для получения доступа к практическим технологическим достижениям, Соединенные Штаты рассматривали программу как возможность для культурного и интеллектуального взаимодействия.

Центральное место в корпусе воспоминаний американских студентов занимает описание трудностей и возможных вариантов их преодоления на пути к источникам. Приблизительный перечень этих трудностей попыталась составить А.С. Крымская. В ее работе указываются следующие факторы:

- статус и положение научного руководителя;
- составление плана работы и списка литературы для согласования;
- коммунистическая литература как часть библиографии;
- формализм заседаний кафедры;
- ограниченный доступ в библиотеки и архивы (Крымская, 2013).

Все указанные трудности были тесно взаимосвязаны друг с другом, хотя не все исследователи сталкивались с ними в одинаковой степени. Некоторые ученые испытывали трудности с самого начала, пытаясь получить одобрение своих исследовательских тем

¹⁷ U.S. Students in Russia // Time. 1962. November 30. P. 66.

и доступ к материалам. Другие, успешно преодолев эти начальные препятствия, оказались разочарованы жесткостью советских академических структур или логистическими недостатками архивных учреждений. Далее остановимся на конкретных проблемах, с которыми столкнулись американские стажеры в своих исследовательских начинаниях, анализируя их в хронологическом порядке, чтобы лучше понять эволюционирующий характер научного взаимодействия в советской академической среде.

Первый этап — это взаимодействие с иностранным отделом университета, административным органом, ответственным за надзор за иностранными студентами. Здесь происходило закрепление студентов за научными руководителями, при этом желание самих учащихся, как и профессорско-преподавательского состава, не уточнялось. Согласно анализу А.С. Крымской, многие из преподавателей шли на контакт с иностранцами с большой неохотой, отказываясь от встреч или наполняя их формализмом (Крымская, 2013, с. 128–129). Однако эта ситуация всегда была индивидуальной. Так, например, Ш. Фицпатрик в своих воспоминаниях благодарит профессора МГУ А.И. Овчаренко, который расширил круг предполагаемых к исследованию источников, к которым она могла обратиться, даже предоставив ей неожиданный доступ к архивным материалам¹⁸. Имея представление о существовании барьеров для допуска иностранцев к работе в архивах, она даже не рассчитывала на такую возможность, что подчеркивает различия в отношении к разным ученым в советской академической бюрократии.

Вторым камнем преткновения являлась тема исследования. Тема, которую заявляли иностранцы, желавшие оказаться в СССР, изначально проходила контроль еще на этапе отбора. При ее определении иностранцы оглядывались на доступность материалов по интересующему вопросу, что зачастую обуславливало «архаичность» темы¹⁹.

¹⁸ Filzpatrick S. A Student in Moscow, 1966 // *The Wilson Quarterly*. 1982. Vol. 6, no. 3. P. 135.

¹⁹ U.S. Students in Russia // *Time*. 1962. November 30. P. 66.

Однако по прибытии многие обнаружили, что их темы подверглись дополнительно уровню проверки, отражающему жесткие условия советской академической практики. Одной из наиболее ярких особенностей советских историографических норм было ожидание того, что тема исследования должна соответствовать полу исследователя. Например, «Революция 1905 года» считалась неподходящей темой для женщины-историка, а вопросами места женщин в истории как раз следовало заниматься им самим. Кроме того, новизна в исторических исследованиях часто не поощрялась, а нетрадиционные темы встречали сопротивление. Например, с точки зрения представителей советской исторической науки чумной бунт 1771 г. считался слишком узкой темой для отдельного исследования (*Adventures in Russian Historical Research...*, 2015, p. 17). Поэтому позже участники готовили к таким ситуациям: при необходимости они должны были принять предлагаемые методы работы и корректировки по содержанию, несмотря на отсутствие видимых на то оснований с точки зрения американской исследовательской школы. Возможно, по этой причине Ш. Фицпатрик достаточно спокойно восприняла изменение формулировки темы ее исследования без согласования с ней²⁰. Важно отметить, что как только тема исследования считалась приемлемой для советской стороны, иностранные ученые часто получали неожиданную институциональную поддержку, в том числе упрощенный доступ к избранным архивам и первоисточникам.

Наибольший резонанс в среде американских стажеров вызывал вопрос доступа к источникам в библиотеках и архивах. Несмотря на то, что правила работы были официально регламентированы, восприятие степени доступности архивов в воспоминаниях участников программы обмена содержит значительные различия. Некоторые ученые считали советские архивы непроницаемыми бюрократическими крепостями, в то время как другие сталкивались с определенной степенью

²⁰ Filzpatrick S. A Student in Moscow, 1966 // *The Wilson Quarterly*. 1982. Vol. 6, no. 3. P. 135.

институциональной гибкости, что могло зависеть от темы исследования, институциональной принадлежности и межличностных отношений с представителями советского академического сообщества. Среди препятствий в документах упоминается то, что в «Основных правилах работы государственных архивов» от 1962 г. были установлены единые требования по работе с документами для любых посетителей читального зала: ограниченность темой исследования, единовременная работа не более чем с 20 единицами хранения, срок работы с документом до 2 месяцев и только в читальном зале²¹. Однако чтобы оказаться в самом архиве, студентам требовалось потрудиться и получить одобрение в нескольких инстанциях. Так, Ш. Фицпатрик для осуществления исследовательской деятельности необходимо было одобрение со стороны иностранного отдела МГУ с дальнейшим подтверждением в Министерстве высшего образования СССР²².

Многие стажеры считали эти процедуры не просто бюрократическими формальностями, а преднамеренными препятствиями, призванными ограничить их исследовательские возможности. Действительно, стандартные архивные правила, такие как ограничения на количество документов, с которыми можно было ознакомиться, и требование, чтобы все материалы точно соответствовали заявленной исследователем теме (*Adventures in Russian Historical Research...*, 2015, pp. 17–18), воспринимались иностранными учеными как механизмы контроля, а не как стандартная административная политика.

Таким образом, опыт обмена определялся, с одной стороны, бюрократическим сопротивлением, а с другой — эпизодами профессиональной солидарности, что позволяет сделать вывод о возможности связей внутри академического сообщества преодолевать идеологические разногласия даже в годы холодной войны.

²¹ Основные правила работы государственных архивов // Главное архивное управление при Совете Министров СССР. Москва, 1962. С. 106–107, 116.

²² Filzpatrick S. A Student in Moscow, 1966 // *The Wilson Quarterly*. 1982. Vol. 6, no. 3. P. 135.

Заключение

Студенческие обмены между СССР и США в период холодной войны выступили одним из элементов «культурного потепления», одновременно позволив странам переоценить свои представления друг о друге, которые в условиях существования «железного занавеса» конструировались внутри держав.

Для обретения связи с действительностью существовавшие стереотипные образы должны были вступить в прямое погруженное взаимодействие с реальным миром «Другого». Студенческие обмены предлагали именно такой вид устойчивого, непосредственного воздействия. В отличие от других культурных инициатив, таких как выставки или спонсируемые государством туры, которые часто организовывались для укрепления определенных идеологических нарративов, академические обмены допускали более глубокую и органичную форму межкультурного взаимодействия. Стажеры были встроены как в интеллектуальную, так и в повседневную ткань советского общества, что давало им доступ к перспективам, которые в противном случае были бы недоступны.

Более того, эти программы обмена оставались одним из немногих устойчивых каналов прямого взаимодействия между сверхдержавами, особенно в период, когда большинство форм культурной дипломатии жестко контролировались и были крайне ограничены. В этих условиях академические обмены — в силу своей продолжительности и структуры — допускали уровень личного и интеллектуального взаимодействия, который могли предложить немногие другие инициативы. Таким образом, эти программы сыграли решающую, хотя часто и недооцененную, роль в формировании более тонкого понимания советско-американских отношений как на индивидуальном, так и на институциональном уровнях.

Американские стажеры, побывавшие в Советском Союзе, выстраивали свое восприятие Другого через несколько слоев социально-политического дискурса. С одной стороны, они опирались на уже существующие рамки холодной войны, которые изображали

Советский Союз как идеологического противника. Эти нарративы были глубоко укоренены в западном политическом и медийном дискурсе, формируя то, как многие американцы понимали советское общество еще до того, как ступили на землю СССР. С другой стороны, их прямое и длительное взаимодействие с советскими реалиями предоставило им возможность — хотя и пропущенную через их собственные культурные и интеллектуальные предположения — документировать и интерпретировать советскую жизнь с определенной степенью непосредственности. При этом они часто пытались примирить свой жизненный опыт с более широкими идеологическими конструктами, которые обусловили их ожидания.

Для многих образ Советского Союза оставался продолжением западных дискурсов превосходства, проявляясь в описаниях городских пейзажей, общественного транспорта и повседневной жизни, которые часто подчеркивали неэффективность управления советским государством. Эти представления, хотя и основанные на подлинных наблюдениях, часто формировались путем избирательной интерпретации и тенденции противопоставлять советские реалии американским нормам. Однако наряду с этими искажениями формировавшиеся нарративы также охватывали аспекты советской жизни с уровнем эмпирической точности, который выходил за рамки идеологической предвзятости. В эти моменты изображение советского Другого было не иерархическим противостоянием, а скорее культурным и системным различием — признанием альтернативного способа существования, а не прямым его отрицанием.

Несмотря на многочисленные инициативы, реализованные в рамках Соглашения между СССР и США об обменах в области

науки, технологий, образования, культуры и других областях, программа обмена в конечном итоге не достигла своей главной цели — содействия взаимному идеологическому сближению. Американские стажеры не вернулись домой обращенными в коммунизм, и их присутствие в Советском Союзе не послужило утверждением социалистической модели в глазах советских властей. Ожидаемое идеологическое воздействие на обе стороны осталось в значительной степени нереализованным.

Тем не менее программа имела значимые академические и интеллектуальные последствия. Одна из ее самых выдающихся участниц Шейла Фицпатрик стала ведущей фигурой в ревизионистской советской историографии — школе мысли, которая бросила вызов более жестким интерпретациям советской истории, распространенным на Западе. Ученые, такие как Ш. Фицпатрик, под влиянием непосредственного контакта с советской действительностью начали процесс реформирования американской традиции советских исследований, привнеся в них глубину и комплексный подход и тем самым преодолевая устоявшиеся стереотипы в этой академической области.

В этом смысле программа академического обмена преуспела в подготовке хороших ученых, но не хороших дипломатов. Она не сблизила две сверхдержавы идеологически и не изменила принципиально политический ландшафт холодной войны, но при этом способствовала более глубокому и многомерному пониманию советской системы, интеллектуальному взаимодействию, которое, хотя и привело к политическим преобразованиям, тем не менее оказало долгосрочное влияние на изучение советской истории и культуры.

Поступила в редакцию / Received: 14.06.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 29.11.2024

Принята к публикации / Accepted: 24.12.2024

Библиографический список

- Бекленищева М. В.* Иностранцы студенты в советских ВУЗах в 1940–1980-е гг.: проблемы адаптации и взаимодействия (на материалах Свердловской области) // *Человеческий капитал*. 2021. № 4 (148). С. 42–57. EDN: RKCCUB
- Будник Г. А.* Неформальное движение в ВУЗах Российской Федерации в период «оттепели» // *Известия высших учебных заведений*. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 2, № 2. С. 93–99. EDN: NUXXT

- Крымская А. С. Советский образ жизни глазами американских стажеров 50–70-х гг. XX века: из воспоминаний и интервью // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 125–139. EDN: QСJEHL
- Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель» 1953–1964 гг. Москва : ОЛМА-Пресс, 2002. EDN: YPGRR
- Советская культурная дипломатия в условиях холодной войны. 1945–1989 / под ред. О. С. Нагорной. Москва : Политическая энциклопедия, 2018.
- Цветкова Н. А. Cultural imperialism: международная образовательная политика США в годы «холодной войны». Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006.
- Цветкова Н. А. Оценка эффективности международной образовательной политики СССР и США в годы «холодной войны» // 200 лет российско-американским отношениям : наука и образование / под ред. А. Чубарьяна, Б. Рубла. Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 378–394.
- Цветкова Н. А., Цветков И. А. Страх как фактор политики США и СССР в университетах Гватемалы и Кубы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 2. С. 170–184. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.2.12>; EDN: LLUMUQ
- Adventures in Russian Historical Research: Reminiscences of American Scholars from the Cold War to the Present / ed. by S. H. Baron, C. A. Frierson. London : Routledge, 2015.
- Almendral R. M. Feeling Nationhood While Telling Lives: Ego-Documents, Emotions and National Character During the Age of Revolutions // Emotions and Everyday Nationalism in Modern European History / ed. by A. Stynen, M. Van Ginderachter, X. M. Núñez Seixas. Routledge, 2020. P. 16–33. <https://doi.org/10.4324/9780429424939-1>
- Barnhisel G. Cold War Modernists: Art, Literature, and American Cultural Diplomacy. New York : Columbia University Press, 2015. <https://doi.org/10.7312/columbia/9780231162302.001.0001>
- Boddice R. The History of Emotions. Manchester : Manchester University Press, 2018.
- Byrnes R. F. Soviet-American Academic Exchanges, 1958–1975. Bloomington, IN : Indiana University Press, 1976.
- Croft C. Dancers as Diplomats : American Choreography in Cultural Exchange. Oxford : Oxford University Press, 2015. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199958191.001.0001>
- Hellbeck J. Revolution on My Mind : Writing a Diary Under Stalin. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2006. <https://doi.org/10.2307/j.ctvjghtjr>
- Jancke G. Autobiographie als soziale Praxis : Beziehungskonzepte in Selbstzeugnissen des 15. und 16. Jahrhunderts im deutschsprachigen Raum. Cologne-Weimar-Vienna : Böhlau, 2002.
- Magnússon S. G. At the Mercy of Emotions: Archives, Egodocuments and Microhistory // The Routledge History of Emotions in the Modern World / ed. by K. Barclay, P. N. Stearns. London : Routledge, 2022. P. 220–232.
- Plamper J. The History of Emotions : An Introduction. Oxford : Oxford University Press, 2015.
- Richmond Y. Cultural Exchange and the Cold War : Raising the Iron Curtain. University Park : Penn State University Press, 2003.
- Richmond Y. US-Soviet Cultural Exchanges, 1958–1986 : Who Wins? New York : Routledge, 1987. <https://doi.org/10.4324/9780429266850>
- Rosenwein B. H., Cristianini R. What is the History of Emotions? Cambridge : Polity, 2018.
- Roth-Ey K. Moscow Prime Time : How the Soviet Union Built the Media Empire That Lost the Cultural Cold War. Ithaca, NY : Cornell University Press, 2011.
- Slabáková R. Š. Remembering Emotions in Ego-documents: A Few Insights from Cognitive Psychology and Neuroscience // Dějiny-Teorie-Kritika. 2018. No. 1. P. 27–48.
- Tomoff K. Virtuosi Abroad : Soviet Music and Imperial Competition during the Early Cold War, 1945–1958. Ithaca, NY : Cornell University Press, 2015. <https://doi.org/10.7591/cornell/9780801453120.001.0001>
- Wulf A. J. US International Exhibitions During the Cold War : Winning Hearts and Minds Through Cultural Diplomacy. Rowman & Littlefield, 2015.
- Zhuk S. The ‘KGB People,’ Soviet Americanists and Soviet-American Academic Exchanges, 1958–1985 // The Soviet and Post-Soviet Review. 2017. Vol. 44, iss. 2. P. 133–167. <https://doi.org/10.1163/18763324-1201001>

Сведения об авторах:

Фокин Александр Александрович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории визуальной истории, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; доцент Института социальных наук, Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский университет); старший научный сотрудник Центра публичной истории Института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы; eLibrary SPIN-код: 7974-0880; ORCID: 0000-0001-6637-9314; e-mail: aafokin@yandex.ru

Яновская Надежда Аркадьевна — независимый исследователь; e-mail: ian.nadia@yandex.ru

РЕЦЕНЗИИ

BOOK REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-1-147-150
EDN: LPJSSI

Рецензия на книгу:

Парамонов В. В. Китай и Центральная Азия: курсом на стратегическое партнерство и экономическую кооперацию (история, современность и будущее отношений Центральной Азии с Китаем в сферах политики, безопасности и экономики). Ташкент : Shafolat nur fayz, 2024. 152 с.

К.Х. Рахимов

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Российская Федерация
[✉rakhimov_kkh@pfur.ru](mailto:rakhimov_kkh@pfur.ru)

Для цитирования: Рахимов К. Х. Рецензия на книгу: Парамонов В. В. Китай и Центральная Азия: курсом на стратегическое партнерство и экономическую кооперацию (история, современность и будущее отношений Центральной Азии с Китаем в сферах политики, безопасности и экономики). Ташкент : Shafolat nur fayz, 2024. 152 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 1. С. 147–150. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-147-150>

Book review:

Paramonov, V. V. (2024). China and Central Asia: Towards Strategic Partnership and Economic Cooperation (History, Present and Future of Central Asian Relations with China in the Spheres of Politics, Security and Economics). Tashkent: Shafolat nur fayz, 152 p. (In Russian)

Komron Kh. Rakhimov

RUDN University, Moscow, Russian Federation
Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
[✉rakhimov_kkh@pfur.ru](mailto:rakhimov_kkh@pfur.ru)

For citation: Rakhimov, K. Kh. (2025). Book review: Paramonov, V. V. (2024). China and Central Asia: Towards Strategic Partnership and Economic Cooperation (History, Present and Future of Central Asian Relations with China in the Spheres of Politics, Security and Economics). Tashkent: Shafolat nur fayz, 152 p. (In Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(1), 147–150. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-147-150>

Монография В.В. Парамонова посвящена с Китайской Народной Республикой (КНР) комплексному и междисциплинарному анализу отношений стран Центральной Азии в 1991–2021 гг. В рамках монографии автор комплексно рассматривает эволюцию

© Рахимов К.Х., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

политических, экономических и безопасностных связей региона с КНР, опираясь на широкую источниковую базу, включающую нормативно-правовые акты, статистические данные, экспертные оценки и собственные наработки. Особую ценность работы составляет ее концептуально-историческая часть, в рамках которой проводится схематичный анализ взаимодействия Центральной Азии с Китаем в более широком историческом контексте, начиная с периода расцвета Великого Шелкового пути. Данный подход позволил автору выявить ключевые закономерности и тенденции развития связей Центрально-Азиатского региона с Китаем, обусловленные как объективными географическими и цивилизационными факторами, так и динамикой российско-китайских отношений. Отдельного внимания заслуживает структурирование и систематизация материала по конкретным сферам и сегментам сотрудничества, что дает возможность проследить как общие магистральные тенденции, так и специфику взаимодействия в каждом из направлений. Также следует отметить, что в работе проведен глубокий анализ проблем, препятствующих устойчивому развитию региона и его взаимодействию с Китаем.

Одним из наиболее важных аспектов работы является широкий исторический контекст, в который автор помещает отношения между Китаем и Центральной Азией. В первой главе монографии охвачены несколько тысячелетий взаимодействия, начиная с эпохи Великого Шелкового пути (Парамонов, 2024, с. 10–20). Автор обращает внимание, что именно экономические связи через Великий Шелковый путь служили основой для отношений между Китаем и регионами Центральной Азии. Важное место в анализе занимает политическая и военная история, связанная с контролем над торговыми маршрутами, что неоднократно становилось причиной конфликтов и соперничества.

В.В. Парамонов выделяет два крупных исторических периода, которые он называет эпохами расцвета и заката Великого Шелкового пути. Первый период, длившийся со II в. до н.э. до конца XVI в., был временем активного торгового и культурного обмена между

Китаем и Центральной Азией. Исследователь подчеркивает, что в этот период доминировала экономическая составляющая взаимодействия, а политическое влияние Китая на Центральную Азию было сравнительно небольшим и нестабильным.

Второй период, начавшийся в XVII в. и продолжающийся по сей день, характеризуется постепенным упадком сухопутных торговых путей и ростом значимости морских маршрутов. В результате Центральная Азия оказалась в состоянии относительной изоляции, и влияние Китая в регионе ослабло к XIX в., когда в игру вступила Российская империя. Этот исторический анализ служит основой для дальнейшего рассмотрения современных отношений между Китаем и Центральной Азией, которые развиваются в контексте восстановления сухопутных путей посредством таких инициатив, как «Один пояс, один путь».

Политическое взаимодействие между Китаем и Центральной Азией играет важную роль в монографии (Парамонов, 2024, с. 21–46). Автор анализирует, как Китай постепенно выстраивал свои отношения с новыми независимыми государствами региона после распада Советского Союза. В начале 1990-х гг. Пекин придерживался осторожного подхода, стремясь наладить дипломатические связи и разрешить приграничные споры с соседями. Этот период характеризовался относительной пассивностью Китая, который больше концентрировался на внутренних реформах и создании стабильной внешней среды.

Ситуация начала меняться в конце 1990-х гг., когда КНР стала активнее вовлекаться в региональные процессы. Одним из важнейших шагов в этом направлении стало создание Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), которая первоначально была направлена на решение вопросов безопасности и урегулирование пограничных споров, но со временем превратилась в ключевой механизм для многостороннего взаимодействия. Автор подчеркивает, что ШОС служит важным инструментом для Китая в формировании своей политики в регионе, особенно в вопросах борьбы с терроризмом и экстремизмом.

Тема безопасности занимает центральное место в рецензируемой работе. В монографии детально рассмотрены основные угрозы, с которыми сталкиваются Китай и страны Центральной Азии, и те меры, которые принимаются для их нейтрализации (Парамонов, 2024, с. 47–74). Особое внимание уделено вопросам борьбы с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом, что особенно важно в контексте ситуации в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) Китая. Автор объясняет, что стабильность в СУАР оказывает прямое влияние на безопасность всей Центральной Азии, поскольку регион исторически связан с уйгурским населением.

Китай активно сотрудничает со странами Центральной Азии в вопросах безопасности, включая проведение совместных военных учений и создание механизмов для обмена информацией. ШОС выступает основным институтом для координации усилий в этой сфере. Отмечается, что китайско-центральноазиатское сотрудничество в области безопасности достигло значительного уровня, и страны региона видят в этом взаимодействии возможность для повышения собственной стабильности, особенно в свете угрозы международного терроризма.

Экономическое взаимодействие между Китаем и Центральной Азией — одна из самых динамично развивающихся сфер отношений, и автор уделяет этому значительное внимание (Парамонов, 2024, с. 75–108). В.В. Парамонов описывает, как за последние несколько десятилетий экономические связи между регионами эволюционировали от относительно скромных объемов торговли в начале 1990-х гг. до масштабных проектов в рамках инициативы «Один пояс, один путь», ставшей ключевым элементом китайской внешней политики и стратегией экономического развития региона.

Автор анализирует, как Китай инвестирует в инфраструктурные проекты в Центральной Азии, включая строительство железных дорог, автотрасс и трубопроводов. Эти проекты способствуют укреплению транспортных связей между регионами, что открывает новые возможности для торговли и обмена. Особое

внимание уделено вопросам энергетического сотрудничества. Центральная Азия, обладающая значительными запасами нефти и газа, стала важным партнером Китая в обеспечении его энергетической безопасности. В работе подчеркивается, что Китай активно использует экономические инструменты для расширения своего влияния в регионе.

Однако, несмотря на положительные аспекты экономического сотрудничества, В.В. Парамонов также выделяет проблемы, связанные с этим взаимодействием. Он отмечает, что торговый обмен между Китаем и странами Центральной Азии остается несбалансированным, так как большая часть экспорта из региона состоит из сырьевых товаров, в то время как Китай поставляет готовую продукцию. Это создает определенные риски для экономики стран Центральной Азии, делая их зависимыми от Китая.

Монографию завершает пятая глава, в которой предлагаются возможные сценарии дальнейшего развития отношений между Китаем и Центральной Азией (Парамонов, 2024, с. 109–113). Подчеркивается, что глобальная политическая ситуация, существенно изменившаяся в последние годы, оказывает влияние на региональные процессы. В частности, автор рассматривает рост конкуренции между Китаем и США, изменение позиций России в Центральной Азии и последствия вывода американских войск из Афганистана.

В одном из возможных сценариев развития событий Китай продолжит усиливать свое влияние в регионе через экономические и политические механизмы, такие как ШОС и «Один пояс, один путь». Этот сценарий предполагает дальнейшую интеграцию стран Центральной Азии в китайские проекты, что будет способствовать экономическому развитию региона, но может усилить его зависимость от Пекина.

В другом сценарии автор описывает возможность роста регионального сотрудничества между странами Центральной Азии без доминирующей роли Китая. Этот вариант подразумевает активизацию взаимодействия внутри ШОС и с другими внешними акторами, включая Россию и Европейский союз. Ученый

подчеркивает, что для устойчивого развития Центральной Азии важно поддерживать баланс в отношениях с различными глобальными игроками, чтобы избежать односторонней зависимости от одного партнера.

Таким образом, исследование В.В. Парамонова служит важным вкладом в изучение международных отношений в Евразийском регионе. Автор предлагает всесторонний анализ китайско-центральноазиатских отношений, охватывающий как исторический контекст, так и современные вызовы и перспективы. Особая ценность работы заключается в междисциплинарном подходе, который позволяет комплексно рассматривать все аспекты взаимодействия — от политики и безопасности до экономики. Несмотря на некоторые недочеты,

связанные с детализацией современных процессов и ограниченностью статистических данных, рецензируемая работа обладает значительной практической и теоретической ценностью. Она будет полезна не только исследователям и специалистам в области международных отношений, но и политикам, заинтересованным в понимании текущих тенденций и возможных путей развития сотрудничества между Китаем и Центральной Азией. Изложенный в монографии взгляд В.В. Парамонова на отношения центральноазиатских стран с КНР способствует пониманию ключевых тенденций и перспектив развития этих отношений, а также содержит ценные практические рекомендации для внешней политики государств региона.

Поступила в редакцию / Received: 16.10.2024
Принята к публикации / Accepted: 24.12.2024

Библиографический список

Парамонов В. В. Китай и Центральная Азия: курсом на стратегическое партнерство и экономическую кооперацию (История, современность и будущее отношений Центральной Азии с Китаем в сферах политики, безопасности и экономики). Ташкент : Shafoat nur fayz, 2024.

References

Paramonov, V. V. (2024). *China and Central Asia: Towards strategic partnership and economic cooperation (History, present and future of Central Asian relations with China in the spheres of politics, security and economics)*. Tashkent: Shafoat nur fayz. (In Russian).

Сведения об авторе:

Рахимов Комрон Хакимджонович — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; старший научный сотрудник Центра центральноазиатских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН; eLibrary SPIN-код: 1747-3513; ORCID: 0000-0003-2771-1817; e-mail: rakhimov-kkh@rudn.ru

About the author:

Rakhimov Komron Khakimdzhonovich — PhD (History), Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; Senior Research Fellow, Center for Central Asian Studies, Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences; eLibrary SPIN-code: 1747-3513; ORCID: 0000-0003-2771-1817; e-mail: rakhimov-kkh@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-1-151-154

EDN: MDKVIM

**Рецензия на книгу:
Зверев Ю. М., Межевич Н. М. Милитаризация Польши
и возможные ответы Союзного государства в рамках теории
региональных комплексов безопасности. Калининград :
Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024. 126 с.**

М.А. Никулин

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 nikulin-ma@rudn.ru

Для цитирования: *Никулин М. А.* Рецензия на книгу: Зверев Ю. М., Межевич Н. М. Милитаризация Польши и возможные ответы Союзного государства в рамках теории региональных комплексов безопасности. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024. 126 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 1. С. 151–154. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-151-154>

**Book review:
Zverev, Yu. M., & Mezhevich, N. M. (2024). Militarisation of Poland
and Possible Responses of the Union State Within the Theory
of Regional Security Complexes. Moscow: Izd-vo BFU im. I. Kanta publ.,
126 p. (In Russian)**

Maksim A. Nikulin

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 nikulin-ma@rudn.ru

For citation: Nikulin, M. A. (2025). Book review: Zverev, Yu. M., & Mezhevich, N. M. (2024). Militarisation of Poland and Possible Responses of the Union State Within the Theory of Regional Security Complexes. Moscow: Izd-vo BFU im. I. Kanta publ., 126 p. (In Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(1), 151–154. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-151-154>

Расширение Организации Североатлантического договора (НАТО) в начале XXI в. привело к формированию восточного фланга Альянса. Начавшееся с 2014 г. постепенное ухудшение отношений между Россией

и странами коллективного Запада обусловило ситуацию, в которой страны НАТО решили заняться ее укреплением. Одной из составляющих этой стратегии стало принятие в 2016 г. программы расширенного передового

© Никулин М.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

присутствия¹. Вторая же часть была связана с укреплением оборонного потенциала новых стран — членов НАТО, среди которых в первую очередь следует выделить Польшу.

Авторы рецензируемой монографии поставили перед собой задачу рассмотреть, какое влияние оказывает милитаризация Польши на состояние региональной безопасности. Необходимо отметить, что данная работа продолжает исследования авторов по теме региональной безопасности на западных границах Союзного государства².

Представленная работа состоит из четырех глав, две из которых — теоретические, посвященные военной географии и региональным комплексам безопасности, и две — практические, в которых авторы рассматривают различные аспекты военно-политической деятельности Польши.

В первой главе авторы монографии указывают на важность такого направления географической науки, как военная география, для решения государственных задач военно-политического характера: «Военная география — особое направление географической науки, задачи которой, точнее военно-географические исследования, определяются стратегическими, оперативными и тактическими задачами государства в военно-политической сфере» (Зверев, Межевич, 2024, с. 7).

Вторая глава содержит определение регионального комплекса безопасности (РКБ),

включающего в себя Польшу, Беларусь и Россию. При этом в продолжение размышлений о важности географических наук в военно-политических исследованиях указывается, что методы, используемые в теории региональных комплексов безопасности, «тяготеют к экономико- и политико-географическим исследованиям» и что «в рамках РКБ географический фактор абсолютно обоснованно рассматривается как ключевой при анализе безопасности не на глобальном, а на региональном уровне» (Зверев, Межевич, 2024, с. 11, 14). Поэтому авторы вводят специальный критерий для определения границ польско-белорусско-российского РКБ — «возможность для уже развернутых сухопутных тыловых подразделений вступить в бой на линии границы в течение трех-пяти часов». Исходя из этого, рассматриваемый в монографии РКБ ограничивается территориями семи восточных воеводств Польши, трех западных областей Беларуси и Калининградской областью Российской Федерации.

Третья глава посвящена анализу геополитических амбиций Республики Польша в XXI в. По мнению авторов, они основаны на совокупности политических, исторических и экономических факторов.

Первый фактор — политический — обусловлен тем, что Польша представляет собой «срединную» / «третью» Европу, рассматривающую себя как «защитницу западного мира от России» и потенциального регионального лидера (Зверев, Межевич, 2024, с. 20, 27). Данные идеи закреплены и в концепции прометеизма, модифицированная версия которой лежит в основе внешней политики Польши.

Второй фактор — исторический — связывает современные геополитические амбиции Польши с планами и проектами 1920–1930-х гг., в рамках которых молодая Польская Республика стремилась вернуться к границам 1772 г. Этот план более известен как проект «Междуморья». Его современная реинкарнация, проект «Инициатива трёх морей», был запущен в 2015 г.³ Две другие ини-

¹ NATO's Military Presence in the East of the Alliance // North Atlantic Treaty Organization. November 29, 2024. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm (accessed: 06.12.2024).

² См.: Межевич Н. М. Милитаризация Польши и некоторые проблемы безопасности Союзного государства // Аналитические записки Института Европы РАН. 2023. № 29. С. 49–54; Зверев Ю. М., Межевич Н. М. Безопасность в Восточной Балтике: к военным учениям России и Беларуси «Щит Союза – 2019»: экспертный доклад. Санкт-Петербург: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019; Зверев Ю. М., Межевич Н. М. Минимальный ответ на возрастающие угрозы: почему проведены учения «Запад – 2021»? : экспертный доклад. Санкт-Петербург: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2021. См. также: (Зверев, Межевич, 2022).

³ Building Closer Connections: The Three Seas Region as an Economic Area // Polish Economic Institute. August

циативы, которые в своей основе имеют геополитические проекты Польши из прошлого, — это «Восточное партнерство», в рамках которого планировалось развивать связи между Европейским союзом и 6 странами постсоветского пространства (Азербайджаном, Арменией, Белоруссией, Грузией, Молдавией и Украиной), и «Люблинский треугольник» — региональное объединение Польши, Украины и Литвы, визитной карточкой которого является совместная военная бригада (LITPOLUKRBRIG).

Третий фактор — экономический — содержательно состоит в том, что трансформация польской экономики в 1990–2000-е гг., по мнению авторов, создала «дополнительные предпосылки для реализации национальных геополитических амбиций» Польши (Зверев, Межевич, 2024, с. 19).

В последней главе авторы рассматривают происходящие в Польше процессы перевооружения ее армии в рамках принятого в 2019 г. «Плана технической модернизации вооруженных сил на 2021–2035 гг.»⁴. По мнению авторов, милитаризация Польши является реальностью, и она будет продолжаться еще достаточно долго (Зверев, Меже-

вич, 2024, с. 41). Этот процесс представляет собой замену устаревшей советской техники как на иностранные (американские и южнокорейские), так и на отечественные образцы.

В заключении авторы приходят к выводу, что именно милитаризация Польши и ее геополитические амбиции повлияли на ухудшение ситуации на западной границе России и Беларуси, в результате чего сформировался новый РКБ. Несмотря на это, как утверждают авторы, роль Польши в стратегических и внешнеполитических документах этих двух стран недооценена. В целом исследователи считают, что необходимо внимательнее относиться к наращиванию военной мощи современным польским государством, которое, если судить по его внешнеполитической активности, будет и дальше балансировать на грани военного конфликта со своими восточными соседями, стараясь эту грань не переступать (Зверев, Межевич, 2024, с. 103).

Среди недостатков рецензируемой работы можно отметить ряд спорных утверждений, не до конца раскрытых авторами. Например, указывается, что «Польша практически победила в борьбе за статус главного союзника США в Европе» (Зверев, Межевич, 2024, с. 33), хотя традиционно основным партнером США в Европе считается Великобритания.

Подводя общий итог, можно констатировать, что авторскому коллективу удалось подготовить интересную работу, затрагивающую важную для обеспечения безопасности России и Беларуси тему.

Поступила в редакцию / Received: 07.12.2024

Принята к публикации / Accepted: 24.12.2024

Библиографический список

- Зверев Ю. М., Межевич Н. М. Милитаризация Польши и возможные ответы Союзного государства в рамках теории региональных комплексов безопасности. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024. EDN: EXWGVH
- Зверев Ю. М., Межевич Н. М. Республика Беларусь и Калининградская область России как субрегиональный комплекс безопасности // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 3. С. 64–82. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-4>; EDN: SQTQZW

References

- Zverev, Yu. M., & Mezhevich, N. M. (2022). The Republic of Belarus and the Kaliningrad region of Russia as a sub-regional security complex. *Baltic Region*, 14(3), 64—82. (In Russian). <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-4>; EDN: SQTQZW
- Zverev, Yu. M., & Mezhevich, N. M. (2024). *Militarization of Poland and possible responses of the Union State within the theory of regional security complexes*. Moscow: Izd-vo BFU im. I. Kanta publ. (In Russian). EDN: EXWGVH

Сведения об авторе:

Никулин Максим Андреевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; eLibrary SPIN-код: 3133-2404; ORCID: 0000-0002-0971-0987; e-mail: nikuln-ma@rudn.ru

About the author:

Nikuln Maksim Andreevich — PhD (History), Assistant Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; eLibrary SPIN-code: 3133-2404; ORCID: 0000-0002-0971-0987; e-mail: nikuln-ma@rudn.ru